

Шуманы Серенгети

Основано на реальных событиях

Автор бестселлеров по версии The New York Times

ЛЕЙЛА АТТЭР

Annotation

Однажды в Африке, я поцеловала короля... «Без каких-либо усилий с моей стороны, в старом красном сарае у подножия горы Килиманджаро, я обнаружила неуловимую магию, за которой могла наблюдать только лишь мельком между страниц великих любовных историй. Она порхала вокруг меня как новорождённая бабочка и поселилась в уголке моего сердца. Я затаила дыхание, боясь выдохнуть из-за обуревающего меня страха, что она ускользнет и никогда не будет найдена вновь».

После взрыва бомбы в торговом центре в Восточной Африке двое незнакомцев направляются навстречу друг другу, чего не мог предвидеть ни один из них.

Джек Уорден, разведённый фермер, выращивающий кофе в Танзании, теряет свою единственную дочь. По другую сторону океана, в английской провинции Родел Эмерсон теряет свою единственную родную сестру.

Два обыкновенных человека, судьбы которых связал один трагический полдень, задались целью достичь невероятного, делая три остановки, чтобы спасти троих детей на обширных равнинах Серенгети — детей, которые мёртвыми стоят дороже, чем живыми.

Но даже если они справятся, в самом конце появится ещё одна проблема. Смогут ли они выжить после ещё одной утраты — на этот раз утраты любви, которая пытается ускользнуть сквозь пальцы, как туманы, которые мягко рассеиваются в лучах солнца.

«Иногда вы сталкиваетесь с красочной историей — той, которая затрагивает струны вашего сердца. Возможно, вам будет не под силу постигнуть или удержать ее, но вы никогда не пожалеете о цвете и волшебстве, которые она привнесла в вашу жизнь».

Смесь романтики и женской фантастики, «Туманы Серенгети» вдохновлён реальными событиями и содержит эмоциональные привязки, включая смерть ребёнка. Не рекомендуется для чувствительных читателей.

-
- [Лейла Аттэр](#)
 - [ПРОЛОГ](#)
 - [ПРОЛОГ](#)
 - [Часть 1](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)

- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Часть 2](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
- [Эпилог](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)

- [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
-

Лейла Атгэр
ТУМАНЫ СЕРЕНГЕТИ

ПРОЛОГ

Джсек.

Если бы вы спросили Джека Уордена, какие у него любимые вещи, до того рокового полудня, он бы без колебаний перечислил вам список: чёрный кофе, голубое небо, вождение в городе с открытыми окнами, гора Килиманджаро, окутанная закрученными облаками у него на заднем плане, и девочка, которая владела его сердцем, как в словах песни, которую крутят на радио. Потому что Джек был абсолютно простым и конкретным, ясным как Африканская саванна после дождя. Он пережил свою долю бурь — потерю родителей в раннем детстве, потерю своей возлюбленной из колледжа из-за развода — но он знал, как справиться с этим. Он узнал о жизни рано, на пыльных сафари в Серенгети^[1], где охотник и жертва играли в прятки среди высокой, покачивающейся слоновьей травы.

Джек был борцом. Его сбивали с ног, но он всегда вставал. И времена, когда его дочь посещала кофейную плантацию во время своих летних каникул, были золотыми днями — грязе-хлюпающими, попкорн-жевательными, лягушко-охотящимися днями. Джек был из тех людей, к которым поворачивают головы все присутствующие, едва они входят в комнату, но в те дни он был как раскаты сверкающей молнии — будто весь светился изнутри.

— Лили, положи это обратно, — сказал он, когда она открыла бардачок и вытащила плитку шоколада, которая выглядела так, будто только что побывала в сауне.

— Но он такой вкусный, когда весь растаявший как этот. Гома оставляет его здесь для меня.

— Гоме девяносто. Её мозг такой же мягкий как тот шоколад.

Они засмеялись, потому что оба знали, что бабушка Джека была столь же быстрой и опасной, как чёрная мамба^[2]. Она была просто очень эксцентричной и до ужаса независимой. Этим она заслужила своё имя *Гома*, от слова «барабаны» на языке суахили: *нгома*.

— Нет, Лили. Он весь будет на твоём костюме. Ли... — Джек вздохнул, когда её пухлые восьмилетние пальцы разорвали фольгу. Он мог бы поклясться, что услышал, как смеялась Гома у подножия горы, сидя на крыльце дома. Он улыбнулся и перевёл взгляд на дорогу, мысленно запечатлев, как выглядела его дочь — большеглазая и кудрявая, в юбочке

радужной расцветки и шляпе с мягкими полями, с шоколадными потёками вокруг рта. Это были моменты, которые поддерживали его в течение долгих месяцев, когда она возвращалась в Кейптаун, к своей матери.

Когда они въехали на кольцевую дорогу в городе, Джек опёрся локтём на оконную раму. Его кожа была загорелой, как у туристов, которые свернули на пляжи Занзибара, но цвет был постоянным, заработанным за годы работы на воздухе под солнцем Танзании.

— Ты собираешься записать танцевальное выступление? — спросила Лили.

Это было негласным соглашением между ними. Лили проводила всю вторую половину дня, заставляя его и Гому смотреть и пересматривать её выступления. Она дала им карточки с оценками, и цифры медленно увеличивались, потому что она не позволила бы им уйти, пока не получила бы именно то, что хотела от них.

— Посмотри это ещё раз, — говорила она, потому что они, очевидно, пропустили её идеальное время здесь или двойное касание там.

— Ты можешь записать меня на ещё больше уроков? — спросила она.

— Уже сделано, — ответил Джек. Это означало часовую езду до Амоша и обратно по не очень хорошей дороге, покрытой выбоинами, но наблюдение за тем, как танцует его дочь, делало его сердце в десять раз больше.

— Мама собирается записать тебя в танцевальный класс, когда ты вернёшься?

— Я так не думаю.

Это было так прозаично. Она долго адаптировалась, прежде чем усвоила, что её родители собирались жить в тысяче миль друг от друга, от чего Джек почувствовал острое чувство глубокой грусти.

Он встретил Сару в университете в Найроби. Они оба были вдали от дома — молодые, свободные и голодные. Он всё ещё помнил, как увидел её в первый раз — чернокожую и утончённую — её гладкие, длинной до плеч косички, колышущиеся вокруг лица, когда она заняла место рядом с ним в лекционном зале. Она была городской девушкой, а он — сельским парнем. Она любила всё кратко записывать — цели, планы, списки, даты. Ему нравилось жить день за днём, час за часом. Она была кропотливой и осторожной. Он был буйным и импульсивным. Они были обречены с самого начала, но когда это кого-нибудь останавливало от того, чтобы влюбиться? Он отчаянно полюбил — как и она — и, черт побери, какая это была любовь. В конце концов, изоляция и непредсказуемость жизни на кофейной плантации стали слишком тяжелы для Сары. Но поместье Кабури

было источником средств существования Джека, его родиной и его наследием. Его резкий, неуправляемый ритм жизни пульсировал в его венах как насыщенный темный эспрессо. Он знал, что Лили тоже чувствовала это, его горячий, пенистый водоворот магии и безумия. Именно поэтому она любила танцевать, и он не собирался стоять и наблюдать, как вся её чистая, живая сущность смыта только потому, что она провела большую часть своего времени вдали от плантации.

— Может, если у меня будут более хорошие оценки в этом году, — продолжила Лили.

И это было изначально. Структура, форма, функции, дисциплина. Не то чтобы это было плохо для ребёнка, но всё, что выходило за эти нормы, было отсечено и отброшено. Он наблюдал, как точно так же с его брака смывается радость и счастье, пока он не стал похож на дуршлаг, полный оттаявших мороженных овощей без цвета и вкуса. Сара оставила мало места для радости, для простых моментов, чтобы просто быть, и сейчас она делала то же самое с Лили. У неё был соответствующий план для их дочери, и он не включал личные пристрастия.

— Ну, девочка моя, твоя мама права, — Джек повернулся к ней лицом. — Мы оба хотим, чтобы ты хорошо училась в школе. Хорошо потрудись над этими оценками, когда вернёшься. Но сегодня ты танцуешь. И когда ты... — он моргнул, когда вспышка света на мгновение ослепила его.

— Лили, ты собираешься использовать всю плёнку? — сказал он.

— Ну и что? — Лили вытащила бежевого цвета «Палороид», который начала включать, развернула на себя и нажала на снимок.

— Дай мне эту камеру.

— Нет, — она взвизгнула и оттолкнула его липкими пальцами.

— Фу, — Джек вытер шоколад с лица, когда они проезжали мимо покосившихся магазинов с вывесками «Кока-кола» и «Фанта», архаичных деревьев с ярко зелёными кронами и вкраплениями красной вулканической почвы.

— Вся камера теперь тоже в шоколаде.

— Я могу это исправить, — она сняла шляпу, которую Гома сшила для неё, и вытерла камеру. — Всё хорошо.

Джек улыбнулся и покачал головой, когда они направились в торговый центр, где выступала её танцевальная группа. Это было короткое, неофициальное воскресное выступление для семьи, друзей и покупателей.

— Пошли. Мисс Тэму будет ждать! — Лили выскочила из машины, как только они нашли место для парковки. Суббота была самым

насыщенным днём в торговом центре «Килимани», и в дополнение к этому там происходила своего рода конвенция.

— Подожди, — сказал Джек. Он почти закончил закрывать окна, когда зазвонил телефон. Это был один из сотрудников с его фермы, который спрашивал, сможет ли он забрать несколько заказанных товаров, пока находится в городе. Лили обошла машину и подошла к ней с его стороны. Окно было тонированным, поэтому она прижала ладонь к стеклу и заглянула внутрь. Она корчила рожицы Джеку, пока он не повесил трубку.

— Пойдём, малышка, — сказал он, беря её за руку.

Концерт проходил на первом этаже, в маленьком ресторанном дворике. Когда они направились туда, Лили остановилась напротив продавца воздушных шаров.

— Можно я возьму один жёлтый для Аристотеля? — она потянула за один из заполненных гелием шаров.

Аристотель был домашней черепахой Лили, которая оставалась безымянной, пока Гома не стала называть её так из-за всех величайших вопросов, по которым Лили советовалась с черепахой.

— Что Аристотель будет делать с шариком? — спросил Джек.

— Ты же знаешь, что он всё время теряется?

— Потому что ты позволяешь ему бродить по всему дому.

— Потому что мне не нравится держать его взаперти. Так что, если я завяжу воздушный шар вокруг его панциря, мы всегда будем знать, где он.

— Ты знаешь, это настолько абсурдно, что имеет смысл.

Джек рассмеялся и достал бумажник.

— Мы возьмём один жёлтый.

— К сожалению, они в букете по шесть, — ответил человек. — У меня есть другие шары по одному, но среди них нет жёлтого.

Мужчина взглянул на них с любопытством, но Джек привык к этому. Это началось, когда он и Сара встречались, и продолжалось теперь, когда они с Лили были вместе. Межрасовая пара с дочерью метиской. Контраст, казалось, очаровывал людей.

Джек посмотрел на Лили. Её глаза были устремлены на один яркий солнечный шарик.

— Прекрасно, я возьму все шесть.

Когда он наклонился, чтобы отдать ей воздушные шары, она обняла его и сжала.

— Я люблю тебя! Ты самый лучший папочка на свете!

Поток незнакомцев окружал их, но в тот момент Джек был ошеломлен приятной неподвижностью и всплеском теплоты в середине этого обычного

дня.

— Не привязывай их все сразу к Аристотелю, а то он улетит, — сказал он.

Лили хихикнула и отодвинулась, спускаясь по эскалатору вниз, воздушные шары подпрыгивали вокруг неё.

— Лили! — её позвала учительница танцев, когда они добрались до концертного зала. — Ты великолепно выглядишь!

— Это радуга, — Лили покрутилась, показывая юбочку, которую сделала Гома. — Моя любимая.

— Она прекрасна, — её учительница развернулась к Джеку и улыбнулась. — Здравствуйте, Джек.

— Мисс Тэму, — он кивнул, инстинктивно отмечая её тело танцовщицы и гладкую кожу цвета какао-порошка.

— Просто Мара, — поправила она, как делала это много раз прежде. Она ясно показала свой интерес к нему, но Джек знал, что лучше не связываться с учителем танцевального класса, который посещает его дочь. В комнате полной матерей он был единственным отцом, который пришёл со своим ребёнком. Они заискивали перед ним не только потому, что Джек был пороховой бочкой тестостерона — его голос, его руки и жесты — но также потому, что он был игрив и заботлив с Лили. Это привлекало их к нему, и Джек научился не разжигать зависть, отдавая всё своё внимание Лили.

— Вставай сюда, — мисс Тэму начала отводить Лили назад.

— Вот, папочка, — Лили протянула ему воздушные шары. — Как я выгляжу?

— Прекрасно, как всегда.

— Мой хвостик в порядке?

Джек опустился на колени и поправил его. Он поцеловал её в лоб и вытер шоколадное пятно со щеки.

— Вот так. Всё хорошо?

— Всё хорошо! — она кивнула, едва в состоянии сдержать своё волнение, пока выходила на сцену.

— Садись в первом ряду, так, чтобы я могла найти тебя, хорошо?

— Я знаю, что делать, Лили. Разве я подводил тебя когда-нибудь?

— Не забудь записать его!

— Иди, — засмеялся Джек. — Танцуй как ураган.

Лили сделала глубокий вдох и улыбнулась.

— Увидимся на другой стороне.

— Увидимся на другой стороне, малышка, — он смотрел, как она

исчезает за кулисами.

— Джек... — мисс Тэму похлопала его по плечу. — Шарик. Они отвлекают. Ты не мог бы убрать их подальше?

— Конечно, — Джек осмотрел зал. Он был полон, но первые два ряда были зарезервированы для родителей.

— У меня есть время, чтобы сбежать к машине и оставить их там?

— Пять минут, но Лили третья, так что ты успеешь.

— Замечательно. Я скоро вернусь.

Джек поднялся по эскалатору на парковку. Аромат свежесваренного кофе ударил ему в нос, когда он проходил мимо кафе, напоминая ему о походной кружке, которую оставил в своей машине. Ничего не сравнится с богатым вкусом зёрен арабики с плантации. Была важна точность, благодаря которой добивались потрясающего аромата, — от посадки до сбора и обжарки зёрен на вращающемся над газовым пламенем барабане. Джек открыл машину и достал свой кофе, сделав глубокий удовлетворенный глоток.

Он собирался положить шары внутрь, когда резкий взрыв с громким треском сотряс воздух. Его первая мысль была, что лопнули воздушные шары, быстро и друг за другом, но у звука было эхо, грохот, который прокатился через стоянку. Когда это произошло ещё раз, Джек почувствовал холод, проникший до костей. Его костный мозг словно запылал огнем. Он знал, что это было оружие. Вы не можете жить на ферме в сельских районах Африки, не изучив, как защитить себя от диких животных. Но Джек никогда не использовал пулемёт, а звенящие выстрелы из торгового центра звучали очень похоже на него.

Они говорят, что истинная сила человека проявляется во время стихийного бедствия. Это странная и несправедливая мера для человека. Потому что стихийные бедствия и катастрофы являются абсурдными, как причудливые монстры, скрываясь на периферии вашего взгляда. И когда одна из этих бесформенных теней появляется и стоит перед вами, голая и ужасающая, она полностью парализует вас. Вы ощущаете присутствие чего-то настолько неожиданного, такого странного, что перестаёте ставить под сомнение реальность его существования. Как если бы синий кит упал с неба. Ваш мозг не знает, что с этим делать. И так же Джек стоял парализованный, держа в одной руке свой кофе, а в другой — воздушные шары, на парковке под номером «Б» «Килимани-мола» в ясный субботний полдень в июле, когда раздались выстрелы там, внутри, где он только что оставил свою дочь.

Джек мигнул только тогда, когда раздался визг, и началось паническое

бегство через двери испуганных покупателей. Он не почувствовал, как кофе обожгло его ногу, когда лопнула кружка. Он не видел шесть жёлтых воздушных шаров, улетающих в синее небо. Он просто почувствовал отчаяние отца, которому нужно добраться до своей дочери. Немедленно.

Если бы кто-то пролетал над торговым центром в тот момент, они бы стали свидетелями странного зрелища: масса людей барахталась, толкалась и боролась, чтобы выйти из здания, и только один человек барахтался, расталкивал и боролся не на жизнь, а на смерть, чтобы попасть внутрь.

Это было больше убеждение, чем сила, которая пронесла Джека сквозь толпу. Внутри был абсолютный хаос. Выстрелы застали врасплох весь торговый центр. Брошенная обувь, сумки с покупками и разлитые напитки были повсюду. Корзина с воздушными шарами стояла покинутая, но не повреждённая, смайлики и диснеевские принцессы с открытыми ртами, словно застывшими на их игрушечных лицах в выражении ужаса. Джек не остановился, чтобы посмотреть налево или направо. Он не заботился о том, чтобы отличить друга от врага. Он проскочил мимо кафе, мимо недоеденных миндальных круасанов и раздавленного печенья, мимо криков о помощи с одной-единственной целью. Он должен был спуститься вниз, в концертный зал.

«Садись в первом ряду, так, чтобы я могла найти тебя, хорошо?»

«Я знаю, что делать, Лили. Разве я подводил тебя когда-нибудь?»

Он был почти на эскалаторе, когда малыш, идя в противоположную сторону, остановился перед ним. Мальчик был потерян и плакал, находясь в состоянии изнеможения. Джек едва мог разобрать его слабое хныканье за стук своего сердца. Мгновение они стояли там, маленький мальчик с лицом, раскрашенным как у Бэтмена, — цвета были смазаны из-за слёз, и человек, который на долю секунды разрывался между необходимостью доставить его в безопасное место и добраться до своей собственной дочери.

Потом Джек отошёл в сторону. Он был уверен, что всегда будет помнить лицо малыша, ожидающее выражение в его больших круглых глазах, соску, прикрепленную к его рубашке. Когда он загнал стыд в тёмную часть своей души, кто-то начал кричать.

— Иса! Иса!

От того, как мальчик развернулся на голос женщины, она, очевидно, была тем человеком, которого он искал.

Джек вздохнул с облегчением и повернул к эскалатору.

— Мистер! Стойте. Пожалуйста. Заклинаю вас! Заберите моего сына отсюда.

Она лежала на полу примерно в десяти футах от Джека, рядом с коляской, которая опрокинулась, зажав её лодыжку. Ей было больно. И она была беременна.

— Пожалуйста, заберите его отсюда, — умоляла она.

Люди продолжали покидать торговый центр, перепуганные хаотичными движениями, но из всех людей она просила о помощи именно Джека. Возможно, потому, что Джек был единственным человеком, который услышал её. Может быть, потому, что он остановился на достаточно долгое мгновение, чтобы заметить плачущего мальчика в эпицентре хаоса. Она не заботилась о своей собственной безопасности, не просила о себе. И в этом они были едины. Они оба просто хотели вытащить своих детей отсюда.

Джек почувствовал, как скользит ремень эскалатора под его рукой, когда он стоял на вершине лестницы.

«Спускайся. Нет. Помоги им».

— Я сожалею, — сказал он.

Каждая секунда, потраченная впустую, была секундой, отделяющей его от Лили.

Он должен был отвести глаза, но заметил момент, когда мальчик обнял свою мать, расслабление его маленького тела, облегчение от того, что он нашёл её, вера в то, что всё будет в порядке — в полном контрасте от абсолютного опустошения и беспомощности в её глазах.

Чёрт.

Поэтому Джек сделал самую трудную, храбрую и бескорыстную вещь в своей жизни. Он вернулся. Схватил мальчика одной рукой, поддерживая его мать другой, и вывел их за двери. В его состоянии, когда в крови было много адреналина, это не заняло больше минуты. Но это была слишком долгая минута.

Когда он повернулся, чтобы вернуться, взрыв сотряс торговый центр, сбивая его с ног и опрокидывая с лестницы. Стеклопанель упала на него, погребая под собой. Куски стали и бетона посыпались на стоянку, разбивая лобовые стекла и фары. Пронзительный вой полицейских машин и карет скорой помощи смешался с непрекращающимся рёвом автомобильных сигнализаций. Но те, кто пострадал, оставались устрашающе молчаливыми, некоторые навсегда.

Джек шевелился и боролся в темноте, угрожающей поглотить его. Он должен был что-то делать. Где-то быть. Он сфокусировался на едком дыме, который заполнил его лёгкие — острым, горьким и чёрным, как и понимание, которое ударило его, когда он открыл глаза.

«Лили. О, Боже. Я подвёл тебя».

Когда мир рухнул на колени перед ним, стены были разрушены, крыша снесена, следы крови и осколки повсюду — Джек почувствовал, как его разорвали на две части. Джек-до, который любил чёрный кофе, голубое небо, вождение в городе с открытыми окнами, и Джек-после, чья дочь со сладкой улыбкой и хвостиком, как сладкая вата, плавала перед ним в жарком, тревожном пламени полудня.

— Как я выгляжу?

— Прекрасно, как всегда.

В тот момент, когда Джек изо всех сил пытался поднять вес, который придавил его, он знал. Он знал, что не было никакой возможности избавиться от этой тяжести, снова подняться на ноги. И поэтому он, словно измученная от погони антилопа, которая от безысходности подставляет свою глотку льву, прикрыл глаза с легким трепетом ресниц и позволил покрову всепоглощающей тьмы, что сеяла оцепенение, поглотить себя.

ПРОЛОГ

Родел.

«Это самый счастливый день в моей жизни», — подумала Родел Харрис Эмерсон, поставив свою подпись в отмеченном месте.

Люди полагали, что это было мужское имя, пока не встретились с ней. Это случилось два года назад, когда она подала заявку на должность учителя в Бертон-на-воде^[3], и повторилось опять, когда она обменивалась сообщениями с агентом по недвижимости, чтобы увидеть собственность, которую покупала сейчас в той же великолепной деревне, ласково называемой Котсуолдовской Венецией, в английской сельской местности.

— Поздравляю! — Энди посмотрел контракт и улыбнулся. — Ваш первый дом.

— Спасибо, — ответила она.

Он понятия не имел. Это был не просто дом, это была мечта, которая преследовала её всю жизнь. И сейчас, в двадцать четыре года у неё, наконец, есть якорь, своего рода стабильность, чего ей не хватало, пока она росла в семье, которая все время переезжала туда, куда ехал работать её отец. Это была хорошая работа, такая, которая предоставила им роскошь познакомиться с различными культурами, разными местами по всему миру. Но как только Родел начинала оседать и заводить новых друзей, они снова переезжали. Её младшей сестре, Мо, нравились переезды, как и их родителям. В глубине души они были исследователями, свободные духом, который жаждал новых ощущений, новых звуков, новой почвы. Но Родел тосковала по остановке, небольшому участку комфорта и уюта — настоящему дому.

И сейчас он у неё был, именно то место, которое поразило её воображение еще с тех пор, как она впервые посмотрела «Властелин Колец» и влюбилась в Шир. Ей тогда было двенадцать, и это надолго осталось в её сознании — вымышленное, маловероятно идеальное — до тех пор, пока она не стала искать работу после колледжа и не наткнулась на Бертон-на-воде. Там, в английской глубинке, среди сельской идиллии мирных холмов, жизнь текла с неспешной размеренностью. Дорожки пересекали живописные поля, на которых цвели подснежники в январе и колокольчики в мае. Каменные коттеджи, расположенные вдоль аллей, и низкие изящные мосты опоясывали реку.

— Ну, вот и всё, — Энди положил документы в портфель, — есть ещё несколько моментов, которые нам надо обсудить.

Родел вытащила свой телефон и открыла календарь. Он зазвонил в тот момент, когда Энди собирался начать.

Он прочитал имя, мигающее на экране

— Монтего?

— Моя сестра.

Родел не понимала причин, подаривших им необычные имена. Их родители назвали дочерей в честь мест, в которых они были зачаты: Родел Харрис — в честь живописной деревни Родел на острове Харрис в Шотландии и Монтего Джеймс — в честь города Монтего-Бей в округе Сент-Джеймс на острове Ямайка. Ро и Мо.

— Пожалуйста, продолжайте.

Она перевела звонок сестры на голосовую почту. Это было не слишком подходящее время для одного из бессмысленных разговоров Мо. К тому же, у Родел были большие новости. Я-купила-дом-так-что-тебе-нужно-опустить-здесь-свою-задницу, вот такие были новости, она умирала от желания поделиться ими, когда всё будет завершено.

— Я могу подождать, если вы хотите ответить.

Энди был болтливым и излишне гостеприимным. У Родел было ощущение, что его интерес к ней простирался за пределы профессиональных обязанностей.

— Всё в порядке. Я позвоню ей позже.

Они сидели на противоположных сторонах кухонной столешницы в отреставрированном коттедже семнадцатого века, который только что купила Родел. Это был крошечный двухэтажный дом, но в нём была просторная гостиная с деревянными балками, книжным уголком и солнечной террасой в шаге от реки. Он был достаточно близко к школе, чтобы Родел могла ходить пешком, но расположен в уединённом захолустье на краю деревни. Родел не могла дождаться, чтобы съехать из комнаты, которую она арендовала в течение последних двух лет.

— Продавцы согласились на преждевременный переезд, так что это место будет свободно через пару недель, — Энди просмотрел сроки.

— Это замечательно.

Это означало, что у Родел будет все лето, чтобы обустроиться до начала учебного года в сентябре.

— Спасибо, — поблагодарила она, когда они завершили свою встречу.

Энди встал и прочистил горло.

— Я подумал, может быть... ммм... вы хотели бы выпить. Вы знаете,

чтобы отметить и всё такое прочее?

В другое время Родел бы отказала ему. Она была настолько сосредоточена на заботах по достижению своей мечты о владении собственным домом, что у неё практически не существовало общественной жизни. Не помогало и то, что она была книжным ботаником. У неё были книжные бойфренды, которым никогда не сможет соответствовать ни один мужчина из плоти и крови. Она могла стремиться к спокойствию в доме, но в мужчине она хотела бури — Страйдера, Арагорна, короля Гондора (*Прим. Герой романа-эпопеи «Властелин колец» Дж. Р. Р. Толкина*). Вымышленный, маловероятный идеал. Да, «Властелин колец», вероятно, полностью покорил ее. Она нашла свой Шир, завладела своим личным домиком хоббита, но была вполне уверена, что ей придётся переделать своего героя. Но что-то ей подсказывало, что короля Арагорна попросту не существовало среди смертных.

— Выпить было бы неплохо, — сказала она Энди.

— Ну, тогда... — он выглядел очень довольным, когда привёл её к своей машине — компактному белому гибриду (*Прим. Гибридный автомобиль — это машина, работающая от системы «электродвигатель — двигатель внутреннего сгорания», обладающая высокой экономичностью. Питаться данный агрегат может как традиционным топливом, так и электроэнергией от аккумуляторов*).

Они приехали к маленькому деревенскому пабу с видом на реку. Грубо обтёсанные деревянные столы были уютными, достаточно широкими, чтобы поместилось их пиво, а их колени соприкоснулись, когда они сели друг напротив друга.

— На случай, если я неясно выразился, ты очень красивая, — сказал Энди. — У тебя ммм... красивые карие глаза. Мне нравятся твои... — он указал в её направлении, ища что-то неуловимое, и, наконец, решил добить её. — Мне нравятся твои волосы.

— Спасибо.

Родел спрятала лицо за пивной кружкой. Почему свидания настолько болезненны? Почему поцелуи всегда как её пиво, которое было теплое как моча?

— Твои родители живут где-то поблизости? — спросил Энди.

«*Это просто небольшой разговор, — подумала Родел. — Он не объявляет о своём намерении встретиться с ними*».

На этот раз Родел испытала облегчение от того, что её родители за тысячи миль отсюда. Она изменила своё мнение. Ей не хотелось переделывать своего героя. Она бы с удовольствием провела остаток своей

жизни с вымышленным бойфрендом из книги.

С Дарси? *О, да.*

С Греем? *О, Боже.*

С Арагорном? *О, Боже, да, да, да.*

— Мои родители живут в Бирмингеме, но они на пенсии и любят путешествовать, — сказала она. — Сейчас они в Тайланде.

— Ну, если тебе нужна помощь с переездом, я могу... — он замолчал и проследил взглядом за Родел. Она смотрела на телевизор. Что-то на экране привлекло её внимание.

Она встала, медленно — с трудом, словно одеревенела — и подошла бармену.

— Не могли бы вы сделать погромче?

Это было больше, чем обычная просьба. В её голосе была жесткая, контролируемая чёткость, которая привлекла к себе всеобщее внимание. Тишина окутала бар, когда взоры всех присутствующих обратились к выпуску новостей.

— Бандиты ворвались в переполненный торговый центр в Амоше, Танзания, за несколько минут до того, как прогремел мощный взрыв. Десятки людей, вероятно, убиты. Более подробно о развитии сюжета от нашего зарубежного корреспондента...

Они снимают на месте происшествия, клубы чёрного дыма как тёмные смерчи поднимаются позади репортёра.

— Мой телефон.

Родел отвернулась от экрана и наткнулась на стол. Она перевернула свою сумку вверх дном и встала на колени, разыскивая телефон среди содержимого.

— Что случилось? — спросил Энди.

— Мне нужен мой телефон! Моя сестра в Амоше. Мне необходимо связаться с ней...

Она вцепилась в свой телефон и начала звонить.

— Подними трубку. Давай же, Мо. Подними трубку.

Её грудь вздымалась и опадала с каждым вздохом.

Кто-то усадил её на стул. Кто-то принёс ей стакан воды. Никто не взял трубку на другом конце. Звонок сразу перенаправлялся на голосовую почту. Она опять набрала номер. Её пальцы дрожали, когда она ждала серию набора международного телефонного кода, чтобы продолжить. Она собиралась повесить трубку и попытаться дозвониться до своих родителей, когда заметила маленький значок о новом голосовом сообщении.

Мо. Она должна была оставить сообщение, когда раньше звонила.

Родел слушала, как голос её сестры раздавался через динамик, но он не был тёплым и игривым, как обычно, когда они беседовали с Мо после ее отъезда в Танзанию. Эта Мо была напряжённой и жёсткой, и она говорила резким, отрывистым шёпотом, Родел напряглась, чтобы разобрать, что говорилось.

— Ро, я в торговом центре «Килимани»... что-то... падает... повсюду вооружённые люди... — слова исчезали и появлялись, как при плохой связи. — Я прячусь... здесь... единственное, что... поддерживает меня... — была большая пауза. Родел могла слышать приглушённые голоса, прежде чем Мо вернулась на линию. — ...буду ждать... здесь безопасно, но если я... — её голос надломился. — Если... я... люблю тебя, Ро... маму и папу... не беспокойтесь. Мы будем... смеяться... над моими сумасшедшими историями... Австралия. У меня есть... все шансы, Ро.

Голосовое сообщение закончилась. И то, что началось как самый счастливый день в жизни Родел, закончилось, когда воцарилось пустое коварное эхо в конце голосового сообщения сестры.

Ро...

После чего последовал треск прерванной связи.

Мозг Родел закипел.

Мо упомянула Австралию. Она тогда тоже думала, что умрёт, и позвонила Родел, пока пересекала кишашую крокодилами реку на тонущем пароме. Она кричала «Ро, Ро!», но люди на пароме думали, что она говорила им: «Гребите, гребите!». Судно доставило их в безопасное место, и когда Мо рухнула на берегу, вызов продолжался, и они обе смеялись с головокружительным облегчением.

— Возвращайся домой, Мо, — настаивала Родел.

— Я ещё не закончила, — ответила её сестра. — Не знаю, если когда-либо закончу. Я хочу умереть, делая то, что я люблю.

«Нет. Я не хочу исполнения этого желания».

Родел прильнула к телефону, не подозревая о невидимых нитях, которые связывают желания, действия людей и последствия. Она не имела ни малейшего представления о том, что образы, мелькающие на экране телевизора, уже запустили цепь событий, которые устремились прямо к ней навстречу, как каскад из домино, которое привели в движение легким касанием руки.

Часть 1

Родел

Глава 1

На несколько блаженных секунд до пробуждения я обо всем забыла. Я забыла, что Мо больше не было, что я спала в её кровати, в незнакомой комнате, в чужой стране, где она провела последние несколько месяцев своей жизни. Но гортанное воркование диких голубей, ритмичный стук мотыги снаружи, лязг открывающихся и закрывающихся металлических ворот — всё напомнило мне, что это было моё первое утро в Амоше.

Я открыла свои глаза и уставилась на жужжащие лопасти вентилятора на потолке. Мо оставила свой след на нём. Яркие ленты оставляли красочные следы, вращаясь надо мной. Это было таким ярким, болезненным напоминанием о ней — её безграничной энергии, её подвижности, калейдоскопа её жизни — что я заново почувствовала острое чувство потери. Когда ты теряешь кого-то, кого любишь, ничего не заканчивается с этим событием, или с их похоронами, или с их именем на надгробной плите. Ты теряешь их снова и снова, каждый день, в какие-то моменты, которые застают тебя врасплох.

Почти месяц прошел после панихиды над ней. Я откладывала свою поездку в Африку, чтобы собрать её вещи и убрать комнату.

— Не уезжай, — просила моя мать, глядя на меня сквозь ресницы покрасневшими от горя глазами. — Там все ещё существует предупреждение для туристов.

Мой отец стоял молча, сгорбившись, неся бремя человека, тело дочери которого никогда не будет извлечено из-под обломков. Мы все были лишены возможности проститься, увидеть её лицо в последний раз.

— Я должна, — ответила я. Мне была невыносима мысль, что кто-то чужой перебирает вещи Мо, избавляясь от кусочков её жизни.

И вот я приехала, единственный не путешественник в семье странников, в Nima House в Амоше, где Мо была волонтером в течение шести месяцев. Это начиналось как романтическое приключение, предполагающее подъем на гору Килиманджаро в компании с любовью всей её жизни. Ну, с любовью всей её жизни в том месяце. Когда он отказался делить свою туалетную бумагу с ней где-то на высоте между 15 000 и 17 000 футов, Мо бросила его задницу и вернулась назад — без туалетной бумаги и билета на самолёт, чтобы улететь оттуда. Наши родители предложили заплатить за неё, но Мо ещё не закончила с Танзанией и уговорила их выделить немного наличных, чтобы она могла

задержаться там. Она устроилась на неоплачиваемую должность, работая с детьми в детском доме в обмен на дешёвые продукты питания, жильё и свободное время, чтобы гоняться за водопадами, фламинго и стадами газелей в Серенгети.

— Делай что-нибудь хорошее, посещай достопримечательности, — сказала она, когда мы говорили в последний раз, прежде чем дать мне подробный отчёт о том, как громко и шумно совокуплялись львы. — Каждые пятнадцать минут, Ро. Теперь ты знаешь, что мой Муфаса — долбаный король джунглей.

— Ты извращенка, Мо. Ты просто сидела там и наблюдала?

— Чёрт, да! Ещё у нас был там обед. Тебе нужно притащить сюда свою задницу. Подожди, пока ты не увидишь член слона, Ро...

Она всё болтала и болтала, а я слушала её только вполуха, не зная, что это будет в последний раз, когда я говорю с ней, не зная, что я буду в её комнате глядеть на тот же потолочный вентилятор, на который она, вероятно, смотрела, когда позвонила мне.

За исключением последнего раза, когда Мо позвонила мне из торгового центра.

Когда я не ответила.

Когда она нуждалась во мне больше всего.

Я перевернулась на другой бок, пытаюсь сбежать, укрыться от мыслей, которые неотступно преследовали меня.

Кровать рядом с моей была пуста и аккуратно заправлена. Соседки Мо по комнате, Коринны, уже не было. Она впустила меня накануне вечером и обняла.

— Мне так жаль, — сказала она, — это была такая удивительная душа.

Упоминание Мо в прошедшем времени было болезненным. Просыпаться в её постели было больно. Я встала и раздвинула занавески. Было позже, чем я ожидала, но я всё ещё приспособлялась к разнице во времени. Цементный пол был жёстким под ногами, поэтому я скользнула в тапочки Мо. Они были с кроличьими мордами, с розовыми носами и ушками, которые болтались туда-сюда, когда я ходила.

Я встала в центре комнаты и огляделась. Со стороны Мо был узкий шкаф, но одежда либо соскользнула с вешалки, либо сестра никогда не трудилась развешивать её.

Вероятно, последнее. Я улыбнулась. Мы были такими разными и в тоже время настолько близки, как могли быть только две сестры. Я могла слышать её болтовню в своей голове, пока перебирала её вещи.

«Эй, помнишь, когда я заполнила воздушный шар блёстками и

спрятала его у тебя в шкафу? Он лопнул, и вся твоя одежда была настолько блестящей, что ты в течение нескольких дней выглядела как диско-шар».

Думать о ней так, словно Мо была рядом со мной, помогло мне пройти через весь этот ад. Это помогло мне не сломаться, когда я складывала топы, которые она никогда не будет снова носить, они все ещё хранили её запах.

«Не забудь про выдвижной ящик, Ро. Такое облегчение, что это делаешь ты. Можешь ли ты себе представить, что мама найдёт фалоиммитатор? Я вроде как обсуждала это сама с собой, но он такой реалистичный, ты знаешь? Тебе обязательно нужно купить такой же, чувак. Нет Муфасы? Не беспокойся...».

И так проходил день: под комментарии Мо, которые порхали в моей голове подобно бабочкам, перелетающим от цветка к цветку, прощаясь, когда солнце скрылось за горизонтом.

Уже близился вечер, когда я снова встала и осмотрела комнату. Всё вещи Мо были в коробках, кроме карты на её стене, покрытой стикерами с её небрежными, витиеватыми надписями, и лент, которые Мо привязала на вентилятор. Я не могла заставить себя убрать их. К тому же, у меня было ещё три недели, прежде чем я вернусь в Англию. Я хотела увидеть места, которые она упоминала, понять магию, которая вела её, найти какое-нибудь решение в том месте, которое её поглотило.

Торговый центр «Килимани» был всё ещё огромной зияющей дырой в земле, но гражданским лицам был нанесён сопутствующий ущерб. Целью стрелявших был министр правительства, который выступал на съезде в тот день. Его охрана сопровождала его в безопасное место, когда взорвался начинённый взрывчаткой автомобиль, убив их всех. Он сработал на подземной стоянке, и большая часть торгового центра рухнула. Никто не взял на себя ответственность, и следователи всё ещё разбирали завалы. Это была одна из тех трагических, бессмысленных вещей, как когда без предупреждения появляется воронка и засасывает ваш автомобиль, дом, людей, которых вы любите. Некого винить за это, так что вы носите вашу боль и гнев с собой, всё время ожидая озарения, зерна понимания того, что помогло бы вам двигаться дальше, потому что, наверняка, всё это что-то значило.

Я опустилась на кровать и обняла подушку Мо, желая иметь возможность почувствовать её руки вокруг меня. Что-то твёрдое скользнуло под моими пальцами. Я сунула руку под наволочку и вытащила чехол для очков. Её запасная пара всё ещё была там — в оранжевой, в форме кошачьих глаз, оправе. Мо имела привычку прятать вещи в

наволочку. Я была удивлена, что не обнаружила их накануне. Опять же, я была слишком подавлена, чтобы заметить их.

— Я бы хотела, чтобы ты могла видеть мир моими глазами, — говорила она мне, когда я не могла понять очарование её образа жизни.

«Ну, вот я здесь, Мо». Я надела её очки и оглядела комнату через их искаженные призмы.

Солнце садилось, и его золотой свет заполнил комнату, падая на стену. Металлические гвозди, которые удерживали карту над её столом, сияли как блёстки, которые Мо высыпала на мою одежду.

Я встала и проследила пальцами вдоль жёлтых стикеров, которые она закрепила на ней. Сняв её очки, я наклонилась ближе, чтобы прочитать их.

14 апреля — Мириаму (Нони).

2 мая — Хузуни (Пендо).

12 июня — Джавекс (Кабуда).

17 июля — Джума (Барака).

29 августа — Сумуни (Меймоси).

1 сентября — Фураха (Магеса).

Записи были странными и трудно расшифровываемыми. Первые три были вычеркнуты чёрными чернилами. Они были разбросаны по карте, словно кости, что брошены были в игре, некоторые ближе к Амощу, некоторые дальше от него.

— Вау. Ты много сделала, — сказала Коринна, когда вошла в комнату и бросила сумку на кровать. — Ты не выходила весь день?

Я посмотрела на себя. Я всё ещё была в своей пижаме.

— Ты ела что-нибудь? — спросила она.

Я покачала головой, понимая, что последний раз я перекусывала в самолёте.

— Как ты можешь быть сестрой Мо? Мы называли её Злюка-Мо, когда она не ела. Она начинала беситься, когда была голодной.

Коринна направила меня в сторону ванной.

— Прими душ, чтобы мы могли поужинать.

Я посмотрела на своё отражение, пока расчёсывала волосы. Тёплые каштановые волны были естественно разделены пробором и ложились

мягко на одну сторону, плавно ниспадая мне на лоб. В моих глазах всё ещё стоял тот испуганный взгляд, который появляется у людей, когда ты отнимаешь что-нибудь у них, что-то ценное. Они казались тёмно-коричневыми, как если бы зрачки были расширенными и оставались такими. Мо так выглядела, когда была взволнована чем-то, хотя её глаза были далеки от обычного коричневатого цвета. Они напоминали мне о тёплой древесине и золотом песке. Наши родители удачно назвали нас. Мо была непринуждённой, как тёплые Карибы, с прохладным, беззаботным ритмом регги, что укачивал вас на волнах. Я была тихой бухтой и древними горами. Я не одевалась слишком ярко и не говорила слишком громко. Мне было более комфортно смешиваться с толпой на заднем плане. Моя среднестатистическая внешность облегчала это. Средний рост, средний вес, средняя работа, средняя жизнь. Я во всем была середнячком.

Переодевание в джинсы и футболку с длинным рукавом не заняло много времени. Коринна устроила мне быструю экскурсию по зданию. В Nima House комплекс волонтеров располагался вдали от приюта, со скромными номерами, которые выходили на общий двор.

Другие волонтеры уже собрались вокруг длинного стола снаружи.

— Ты должна попробовать вали и махараге, — сказала Коринна, когда мы присоединились к ним. Она положила в мою тарелку рис и что-то, похожее на тушёную фасоль.

— Не позволяй суахали обмануть тебя, — вставил кто-то. — Она просто читает это с доски.

— Я пытаюсь произвести хорошее впечатление, — Коринна села рядом со мной.

— Извини, я забыла представить тебя. Эй, ребята, это сестра Мо, Родел.

В разговоре произошла ощутимая заминка, прежде чем все заговорили одновременно.

— Эй, очень жаль.

— Без неё здесь тихо.

— Я до сих пор не могу поверить, что её больше нет.

Они поделились своими историями о Мо. Они все здесь подписались на различные сроки, кто-то на пару недель, другие — как Мо — на полные шесть месяцев. Это была маленькая, неофициальная группа, собранная со всего мира. Коринна родом из Нигерии. Парень рядом со мной был немцем. Несколько человек приехали из городов, которые были расположены недалеко от Амоша. Не все говорили по-английски или на суахили, но, так или иначе, все понимали друг друга. Моё сердце переполнилось чувствами,

пока я слушала, какой они помнили мою сестру: милая, авантюрная, громкая, смелая.

— Она была чертовски горячей, — сказал один из парней, прежде чем кто-то пнул его в голень.

Пока я и Каррина не вернулись назад в комнату, я не осознавала, насколько устала. Я всегда была на грани, когда путешествовала. Это в сочетании с эмоциями, которые были словно американские горки в течение дня, заставило меня отчаянно захотеть поваляться на кровать. Но у меня была ещё одна вещь, которую нужно вычеркнуть из списка.

— Коринна? — сказала я. — Что означают эти заметки? — И я указала на стикеры на карте.

— О, эти.

Она стояла рядом со мной, рассматривая их.

— Мо работала с детьми из группы риска в свободное время. Она брала ребёнка из одного из этих мест каждый месяц и доставляла его в безопасное место. Смотри, она указала даты, когда её там ждали, имя ребёнка и в скобках название места. Она стремилась собрать шестерых детей в течение шести месяцев. Она сделала это для первых трёх, — Коринна указала на те, которые были вычеркнуты.

— Как насчёт остальных? Кто будет заботиться о них?

— Я предполагаю, что парень, с которым она работала. Габриэль или как там его. Один из местных. Nima House не имеет ничего общего с этим. Тут и так переполнено. У сообщества нет ресурсов, чтобы позаботиться о детях, которых они собирали.

— Так где же их принимали?

— Я не уверена. Возможно, Мо упоминала об этом, но я не помню, — Коринна залезла в постель. — Спокойной ночи, Родел. Постарайся немного поспать.

Я выключила свет и скользнула под одеяло. Вентилятор на потолке медленно вращался надо мной. Я едва могла разглядеть ленты в темноте. Мозг был заполнен всеми кусочками и фрагментами, которые я узнала о Мо. В то время как я искала героев в книгах, моя сестра была одной из них — молчаливой, вероятно, случайной — кто посмел бы заткнуть рот, если бы её назвали одной из них. Она не стремилась спасти кого-нибудь. Она просто была жадной до жизни — до удовольствия, еды, цветов, опыта. Она не могла абстрагироваться от прошлого, которое было прямо перед ней, и она делала только те вещи, которые дарили ей счастье, но это делало её ещё большим героем для меня.

Я подумала о заметках на карте, которые она не смогла вычеркнуть, —

часть её, которая осталась невыполненной, — и решила исполнить её желание. Шесть детей за шесть месяцев. Вот к чему она стремилась. Ещё оставалось три ребёнка.

«Я собираюсь забрать их для тебя, Мо. Я собираюсь вычеркнуть каждую из записей, прежде чем я вернусь домой».

Глава 2

Я остановилась у подножия роскошной лестницы, которая вела к «The Grand Tulip»^[4], легендарному отелю в Амоше, известному своими традициями приёма требовательных знаменитостей. Я всё ещё нервничала после того, как проехала на местном миниавтобусе *дала дала*^[5], чтобы добраться туда, но это было место, в которое Коринна отправила меня. Она не знала фамилию Габриэля — человека, с которым работала моя сестра, но знала, где он жил.

И нет, это был не «The Grand Tulip». Это была деревня на окраине Амоша.

— Там ты можешь воспользоваться *дала дала*, но они немного беспорядочные в своем движении и не очень безопасные, — подходят, как правило, для быстрых поездок время от времени. Чтобы добраться до дома Габриэля, я бы порекомендовала поехать с шофёром, — советовала Коринна. — Я пользовалась его услугами пару раз. Его зовут Бахати. Он не рискует ездить далеко за город, но знает местность и свободно говорит по-английски. По утрам он обычно в отеле «The Grand Tulip».

И вот она я, поднимаюсь по лестнице великолепного отеля. Массивные колонны, напоминающие гигантские корявые деревья, поддерживали затемнённую вершину входа. Двое мужчин в форме охраняли открытый вестибюль, но мне на глаза попала статуя воина Масаев в натуральную величину, установленная на фоне абсолютно белого полотна внешней стены (*Прим. Масаи — полукочевой африканский коренной народ, живущий в саванне на юге Кении и на севере Танзании*).

Он стоял в гордой позе, с копьём в руке, его волосы были украшены красно-коричневой грязью. Эбеновое дерево было отполировано настолько гладко, что его кожа выглядела так, будто смазана жиром животного. Его красная тога вздымалась и развивалась на ветру. Он выглядел как молодой библейский пророк, как в канувшие в лету времена, словно какой-то экспонат, который принадлежал музею.

Я подошла ближе, изучая тонкие детали — красные и голубые бусы, украшающие его тело, ресницы с такими прекрасными кончиками, которые ловили утреннее солнце. Я вытащила свою камеру и сфотографировала его лицо.

— Восемь тысяч шиллингов, — сказал он.

— Что? — я отпрыгнула назад.

— Сфотографировать.
— Ты настоящий!
— Да, мисс. Вам это будет стоить шесть тысяч шиллингов.
— Всё в порядке, — сказала я, отступая.
— Вы из Англии? Я понял это по вашему акценту. Два фунта стерлингов. Дешевле, чем кофе в «Старбакс».
— Нет, спасибо. Вообще-то, я кое-кого ищу. Его зовут Бахати. Ты его знаешь?
— Тысяча шиллингов, и я отведу вас к нему.
— Не важно, — я покачала головой и ушла. Он явно был помешанным.
— Простите, — обратилась я к швейцарам. — Кто-нибудь из вас знает, где я могу найти Бахати?
Они обменялись взглядами, а затем указали мне за спину.
«Вы, должно быть, шутите». Я медленно обернулась.
Конечно же. Масаи ухмылялся мне.
— Вы нашли меня. Без комиссии. Вы умный торговец. Что я могу сделать для вас?
— Я искала водителя, но всё в порядке. Я передумала.
Я начала спускаться по лестнице.
— Мой друг. Мой друг! — позвал он меня, но я не оглянулась.
«Замечательно, — подумала я. — Мне придётся ехать на страшном дала дала до самой деревни Габриэля». Я отправилась в пыльный двадцатиминутный путь назад, на автобусную остановку. Это была головокружительная какофония рейсовых автобусов, туроператоров, размахивающих картами перед моим лицом, и людей, желающих продать мне браслеты, бананы и жареную кукурузу. Улица напоминала оркестр, состоящий из мотоциклов, машин и *дала дала*; все двигались с разной скоростью, начиная движение и останавливаясь без порядка и предупреждения. Кондукторы висели на подножках микроавтобусов, выкрикивая их места прибытия, хлопая по бокам машины, когда хотели, чтобы водитель остановился для пассажиров. Каждый *дала дала* был ярко раскрашен, имел наклейку или слоган в честь какой-нибудь знаменитости: Бейонсе, Обама, Элвис. Я ждала, когда выкрикнут название деревни Габриэля, Рутема, но никто из них не ехал в ту сторону.
— Мой друг, я нашёл вас! — полноприводной автомобиль резко остановился возле меня, едва не задев человека на велосипеде. Водитель был одет в белоснежную рубашку с закатанными рукавами, в его очках-«авиаторах» отразилось моё измученное лицо.

— Это я, — он снял очки и послал мне дерзкую улыбку.

Бахати.

— Что случилось с твоим... костюмом? — прокричала я сквозь гул.

— Это не костюм. Я настоящий Масаи.

— Твои волосы тоже исчезли?

— Косички? Они накладные. Я одеваюсь для туристов. Они фотографируются со мной. Я также экскурсовод, но это всё временно. Я на самом деле актёр-супермен, ожидающий шанса прославиться. Однажды ты увидишь меня на большом экране. Но это в будущем. Вы сказали, что искали водителя. Куда вы хотите поехать?

— Рутема, — ответила я.

— Садитесь. Я отвезу вас туда.

— Сколько? — спросила я, прищурившись.

— Для вас та же цена, что и за *дала дала*.

Я колебалась. Я не была одной из тех, кто прыгал в машину с незнакомцем, не говоря уже о незнакомце в совершенно другой части света.

Кто-то ущипнул меня за задницу. Это могла быть старуха, пытающаяся продать мне браслеты. Я не проверяла. Я запрыгнула в машину Бахати, когда кондуктор с мегафоном что-то проорал мне в ухо.

— Ты знаешь Коринну из Nima House? — спросила я. — Она посоветовала мне обратиться к тебе.

«Замечательно, — подумала я. — У меня есть друзья, придурок, и им известно, куда я направилась».

— Я знаю мисс Коринну. Она дала вам хороший совет. Я отличный водитель.

Бахати сделал резкий поворот налево, и я сжала приборную панель, костяшки пальцев побелели.

— У вас нет ремней безопасности? — я потянулась за своим, но руки нащупали пустоту.

— Здесь никто не пользуется ремнями безопасности, — засмеялся он. — Не волнуйтесь. Вы в надёжных руках. У меня безупречный послужной список. Никаких несчастных случаев.

Я наблюдала, как два пешехода отошли с дороги как раз вовремя, чтобы не быть сбитыми им.

— Вы не сказали мне своё имя, мисс...? — он оставил повисший вопрос.

— Родел.

— Мисс Родел, вам повезло, что я нашёл вас, или вы были бы в этом, — он указал на *дала дала*, обгоняющий нас. — Большинство из этих

миниавтобусов предположительно должны быть на десять человек. Если в нём меньше двадцати человек, это не настоящий «дала». Если вам удобно, это не настоящий «дала». У водителя абсолютная власть. Никогда не просите его выключить музыку. Никогда не ждите от него, что он остановится там, где вы должны выйти. Никогда не смейтесь над картинками на его солнцезащитном козырьке. Как только вы садитесь в «дала», вы отказываетесь от всех своих прав. Он может подвести вас, уехать, пока ваша нога ещё будет в его миниавтобусе, с вашим багажом, вашим...

— Я поняла. Мне будет лучше с тобой.

— Абсолютно. И я предлагаю много специальных пакетов. Упакованный ланч. Банановое пиво. Бесплатный африканский массаж. Нет. Не такой массаж, мой друг. Я имею в виду это, видите? — он посмотрел в мою сторону, когда мы проскочили через покрытую выбоинами улицу. — Африканский массаж. Хе-хе. Нормально, да? Вы оставите мне отзыв? У меня 4,5-звёздный рейтинг...

— Бахати?

— Да, мисс?

— Ты слишком много говоришь.

— Нет, мисс. Я только сообщаю вам важную информацию. Сегодня хороший день, чтобы поехать в Рутему. Завтра там дождь. Дороги очень грязные. Я счастлив, что мы едем сегодня. Завтра мне пришлось бы взять с вас больше, чтобы помыть машину. Это для Сюзи, моей машины, — он ударил по рулевому колесу. — Она любит, когда я содержу ее в чистоте. Но если вы хотите поехать завтра, то это тоже хорошо. У меня есть зонтик в багажнике. Он из отеля «The Grand Tulip». Очень большой, очень хороший. Его использовала Опра Уинфри (*Прим. Опра Уинфри — американская телеведущая, интересная личность, известная не только в Соединенных Штатах, но и во всем мире*). Вы увидите логотип. Логотип «The Grand Tulip», не Опры. Они дали его мне, потому что...

— Сегодня подходящий день. Это не то место, в которое мы направляемся?

— Да, да. Это то место, в которое я везу вас. Вы уже говорили мне. Вы забыли? Это нормально. У меня хорошая память. Но я не понимаю, почему вы хотите пойти туда. Там нечего смотреть. Если вы спросите меня, то должны пойти...

Мы проехали оживленные рынки и колониальные здания, которые стояли как упрямые, пыльные свидетельства далекого прошлого среди модных магазинов. Бахати бубнил, пока мы выехали из Амоша и ехали по

грязной дороге через небольшие фермы и традиционные усадьбы. Он умолк на холме с потрясающим видом на площадь и остановил машину.

— Смотрите, — сказал он, указывая на каньоны, простирающиеся до горизонта.

Над облаками, как божественная корона небесной славы, возвышался заснеженный купол Килиманджаро. Я представляла себе его роскошное величие каждый раз, когда Мо говорила об этом, но ничто не подготовило меня к моему первому наблюдению его высоких, припорошенных снегом пиков.

Казалось, Бахати разделял моё чувство благоговения. На некоторое время было затишье в его комментариях. У него не было слов, чтобы поделиться со мной, не было уймы фактов, чтобы произвести на меня впечатление. Мы смотрели на сюрреалистического великана, который маячил вдали, величественно возвышаясь над золотыми равнинами африканской саванны.

— Почему вы хотите посетить Рутему? — спросил Бахати, когда мы снова вернулись на дорогу. — Это всего лишь кучка деревенских домиков и пара магазинов.

— Я ищу друга моей сестры, — я объяснила, что привело меня в Амошу и почему я нуждалась в помощи Габриэля.

— Я сожалею о вашей сестре. Это было ужасно, — сказал он. — Этот человек — Габриэль — вы не знаете его фамилию?

— Нет. Только то, что он и моя сестра работали вместе.

— Не беспокойтесь, мисс Родел. Мы найдём его.

Это было обычное утешение, но я была благодарна за это.

Когда мы въехали в Рутему, за нами по пыльной улице бежали босоногие дети, повторяя снова и снова: «*Mzungu! Mzungu!*» (Прим. здесь и далее *Mzungu* — белый человек).

— Что они говорят? — спросила я Бахати.

— *Мзунгу* означает белый человек. Они не привыкли видеть здесь много туристов. — Он припарковал машину под фикусным деревом. Группа покрытых грязью мужчин работала под трактором, бормоча, как хирурги над пациентом. — Я спрошу, знают ли они Габриэля.

Дети окружили нашу машину, пока Бахати разговаривал с мужчинами. Они глазели и хихикали.

— Схоластика, Схоластика! — кричали они, указывая на меня.

— Я понятия не имела, что это значит, но они исчезли, когда вернулся Бахати и прогнал их.

— К счастью для вас, в деревне есть только один Габриэль, у которого

есть друг девушка *мзунгу*. Но он много путешествует, и они не видели его некоторое время. Его семья живёт там. — Он указал на большой комплекс, который выглядел неуместным среди рядов маленьких хижин. Дом по периметру окружал забор с острым, битым стеклом, закреплённым раствором наверху.

Моё сердце замерло. Я не рассматривала возможность того, что Габриэля может не быть поблизости.

— Мы можем пойти спросить, когда он вернётся?

Мы посигналили у ворот и стали ждать. Мужчины перестали работать на тракторе и с любопытством наблюдали за нами. Женщина в платье из красочной местной ткани вышла, чтобы поприветствовать нас. Она говорила с Бахати на суахили через металлическую решётку, но её глаза всё время возвращались ко мне.

— Ты сестра Мо? — спросила она.

— Да. Меня зовут Родел.

— Я рада видеть тебя. *Карибу*. Добро пожаловать, — сказала она, отпирая ворота. — Я сестра Габриэля, Анна.

Её улыбка была тёплой, а глаза мрачны. Она была прекрасна в своем спокойствии, такими бывают люди с разбитым сердцем. Анна провела нас во двор с фруктовыми деревьями и маленькой игровой площадкой для детей. Пустые качели скрипели, по-прежнему покачиваясь, как будто их торопливо покинули.

Внутри были задёрнуты занавески — позор, потому что это был такой прекрасный, солнечный день. На полу разбросаны коробки, некоторые были пустыми, некоторые заклеенными.

— Я сожалею о вашей сестре, — сказала Анна, после того как мы сели.

— Спасибо, — ответила я. — Я не хочу занимать слишком много вашего времени. Не могли бы вы сказать мне, как связаться с вашим братом.

— Хотела бы я знать, — сказала она, глядя на свои руки. — Я давно не получала от него известий. Он никогда не пропадал так надолго. Я боюсь, что он не вернётся. Или, хуже того, с ним случилось что-то плохое.

— Что-то плохое? — я перевела взгляд с неё на Бахати, но он смотрел через моё плечо на что-то, находившееся позади меня.

Я обернулась и увидела девочку, стоящую у заднего входа. Её тёмный силуэт был очерчен светом, льющим через открытую дверь. Казалось, что ей было около шести или семи лет, но её поза была зажатой и настороженной, как будто она не была уверена, должна ли она войти.

— Всё в порядке, Схоластика, — сказала Анна. Она перешла на

суахили и уговорила ребёнка зайти внутрь.

Когда девочка вышла на свет, я вздрогнула. Возможно, это была неожиданность, шок от увиденного бледного призрака, появившегося из теней среди бела дня. Её кожа была странного оттенка белого цвета с розовыми пятнами в тех местах, где солнце коснулось её. Она смотрела на нас своими невероятными глазами — молочными и голубыми. Её вьющиеся волосы приглушенного светлого оттенка выглядели жесткими, никакой мягкости и изысканности — она была острижена практически налысо. Отсутствие цвета было резким, как картина, лишённая пигмента. Раньше я видела людей с альбинизмом^[6], но у этой девочки были стружья^[7] на губах и по всему лицу, будто чёрные маленькие мухи пировали на ее коже. Я не могла удержаться от дрожи, которая пробрала меня, хотя именно Схоластика заметно отшатнулась от меня, от рефлекторного ответа, с которым она, без сомнения, знакома. Отвращение. Ужас. Негодование.

Я отвела взгляд, стыдясь за себя. Она была просто маленькой девочкой, рождённой без цвета.

— Это дочь Габриэля, — сказала нам Анна. — Она не говорит по-английски. Габриэль перестал посылать её в школу, потому что они не могли гарантировать её безопасность, поэтому она остаётся дома, со мной.

Я кивнула, думая о детях, которые скандировали «Схоластика, Схоластика!», когда они увидели меня. Для них, она, вероятно, больше походила на меня, чем на них. Как учитель я хорошо знала, как дети могли объединяться и реагировать на то, чего они не понимали.

— Она чувствительна к солнцу, но я не могу держать её в помещении весь день, — Анна коснулась лица своей племянницы. — Это коросты от солнечных ожогов, — её голос дрогнул, когда она заговорила снова. — Я хочу, чтобы ты взяла её с собой.

— Прошу прощения? — я наклонилась вперед, убеждённая, что неверно расслышала.

— Твоя сестра помогала Габриэлю перевести детей-альбиносов в приют в Ванзе. У них там есть школа для таких детей, как Схоластика, место, где она будет в безопасности, где она не должна будет чувствовать, что она какая-то другая.

— Ты хочешь отослать её? В детский дом? — я была поражена. — Разве ты не должна сначала обсудить это с Габриэлем?

— На этот раз Габриэль отсутствует слишком долго. Он сказал, что мы переедем в Ванзу, когда он вернётся, — подбородок Анны задрожал, и она глубоко вздохнула. — Я не могу присматривать за Схоластикой одна. У меня двое собственных детей. Габриэль принял нас и арендовал дом

побольше, когда мы с мужем развелись. Без него я не смогу платить арендную плату. Я только что получила уведомление о выселении. — Она указала на коробки вокруг нас. — Я должна переехать, и как только мы покинем эту территорию... Бахати, ты понимаешь? Скажи ей, что бы она отвезла Схоластику в приют.

При упоминании её имени Схоластика перевела взгляд со своей тёти на Бахати.

«Она не понимает, о чём мы говорим», — подумала я.

— Детский дом в Ванзе — это то место, в которое Мо перевозила всех детей? — спросила я.

— Габриэль забирал их. Он попросил Мо помочь ему доставить их туда. У них была договорённость. Габриэль предложил Мо отвезти её туда, куда она только захочет, — национальные парки, озёра, сафари-отели — бесплатно. Взамен Мо перевозила детей как своих собственных.

— Я не понимаю. Мо перевозила детей как своих собственных? — спросила я.

— Дети-альбиносы выделяются в Африке. Они особенные. Другие. Есть люди, которые, не колеблясь, могут издеваться над ними или навредить им. Когда вы надеваете большую шляпу и правильную одежду на этих детей, вы можете обмануть людей, заставив их думать, что они туристы — по крайней мере, на расстоянии. Намного легче, когда люди думают, что они видят мать *мзунгу* и ребёнка *мзунгу*, путешествующих с местным гидом. Раз в месяц Мо обеспечивала безопасный проход для одного из детей, которого находил Габриэль, и он возвращал долг, показывая ей окрестности.

— Но теперь он пропал, — сказала я. — Вы сообщили об этом в полицию?

— Да, но есть много мужчин, которые уезжают в город и никогда не возвращаются. Они думают, что Габриэль бросил нас.

— Это возможно?

— Я не знаю. Я так не думаю. Он бы не бросил Схоластику просто так. Её мать уехала после её рождения. Она хотела отдать её, потому что считала, что дети-альбиносы прокляты, но Габриэль не стал бы этого делать. Если бы ты могла доставить Схоластику в Ванзу, я бы чувствовала себя намного лучше, по крайней мере, пока моя жизнь не наладится. Когда Габриэль появится, он будет знать, где её найти.

Было слишком информации для размышления. Я приехала в Рутему с простой миссией: найти человека, который, как я думала, помогал моей сестре. Вместо этого, меня попросили о помощи.

— Извините, но без вашего брата я сама в затруднительном положении. Я пришла в поисках его, потому что у моей сестры были имена троих детей, которым необходимо было добраться из одного места в другое. Я не могу помочь им или вам в одиночку, — я чувствовала себя как дерьмо. Мне не нравились стыд и чувство вины, которые ползли по моей коже каждый раз, когда Схластика смотрела на меня. Она сидела на полу, возле ног Анны, дёргая за края юбки, чтобы прикрыть пальцы ног. Я предположила, что это привычка, чтобы ежедневно защищать себя от солнца.

— Как насчёт тебя? — спросила Анна Бахати. — Ты не можешь отвезти мисс Родел в Ванзу?

— Чтобы добраться до Ванзы, нам придётся пересечь землю Масаев, и я туда не поеду.

— Почему нет? — Анна оценивающе оглядела его высокую долговязую фигуру. — Разве ты не Масаи?

— Да, но мои люди отреклись от меня. У меня нет желания видеть их, — Бахати сжал челюсти, давая понять, что разговор окончен.

Анна рассеянно погладила волосы Схластики. У неё был задумчивый взгляд, отчасти отчаянный, отчасти смиренный.

— Я знаю кое-кого, кто мог бы помочь, — сказал Бахати через некоторое время. — Он тоже мзунгу, но его семья жила в Танзании в течение трёх поколений. Его дедушка был британским солдатом, служившим здесь во время Второй Мировой Войны. Может быть, мисс Родел сможет убедить его доставить Схластику и других детей в Ванзу.

Они выжидающе посмотрели на меня — оба, Бахати и Анна.

— Как думаешь, сколько он возьмёт за это? — спросила я. У меня были ограниченные ресурсы. Мой банковский счёт был пуст после того, как я сделала первый взнос за коттедж, а поездка опустошила оставшуюся часть сбережений.

— О, он не будет делать это ради денег. У него есть кофейная плантация, одно из крупнейших имений в этом районе. Он важный человек — не тот тип человека, с которым кто-нибудь захочет связываться. И у него большое сердце. Вы и дети были бы в надёжных руках.

— Как его зовут?

— Джек, — ответил Бахати. — Джек Уорден.

Имя повисло в воздухе между нами как мост, ожидающий меня, чтобы пересечь его. У меня возникло ощущение, что если я сделаю это, пути назад больше не будет. Я буду связана тем, что я решу в ближайшие несколько секунд. Я почувствовала тяжесть момента, когда часы на стене

стали тикать.

— Как насчёт Схоластики? — спросила я, указывая на маленькую девочку, чья голова была опущена, пока она прослеживала невидимые узоры на полу. — Разве она не имеет права голоса во всём этом?

— Габриэль пообещал отвезти её в Ванзу, чтобы она могла быть с детьми, такими же, как она сама. Она всегда хотела поехать туда. Она скучает по отцу, но если я скажу ей, что он встретится с ней там, она поедет.

Тогда Схоластика подняла на меня глаза. Казалось, она чувствовала, что мы говорили о ней. На мгновение, я представила, как я выхожу на солнце, оставляя её там, рисуя невидимые узоры пальцем на сером цементном полу, в комнате со всеми опущенными занавесками.

— Я сделаю это, — сказала я.

— Благослови тебя Бог! — Анна сжала мои руки.

Бахати не был таким восторженным.

— Ты уверена, что хочешь сделать это? — его лицо было другим, как будто он снова превратился в ту внушительную, вырезанную из дерева статую с копьем в руке.

— Насколько трудно это может быть? Доставить кучку детей в Ванзу? — я обещала вычеркнуть оставшиеся имена детей из записей Мо, и это именно то, что я собиралась сделать.

— Анна, приготовь вещи Схоластики. Мы едем к Джеку Уордену.

Глава 3

К тому времени, как мы добрались до того места, где жил Джек Уорден, было уже поздно. Каменные столбы с выгравированными словами «Имение Кабури» повели нас вниз по извилистой ухабистой дороге к главному зданию — белоснежной усадьбе, окружённой зелёными ущельями, банановыми рощами и бесконечными рядами кофейных деревьев. Она стояла подобно мятежнику в тени могучей Килиманджаро, с синими ставнями цвета электрик, которые выделялись на фоне тёмных облаков, собирающихся на небе.

— Я думала, ты сказал мне, что сегодня не будет дождя, Бахати, — сказала я, когда вышла из машины. — Похоже, надвигается буря.

— Я сказал ей танцевать как буря.

Это был мужской голос, глубокий и рокочущий, как низкий раскат грома. Но его самого не было видно.

— Это Джек, — Бахати кивнул головой в сторону крытого крыльца. — Пойдёмте. Я вас представлю.

— Нет. Оставайся в машине с Схоластикой. Я пойду, поговорю с ним.

Я не хотела втягивать Схоластику в эту ситуацию, пока сама не поговорю с Джеком.

В небе вспыхнула молния, когда я ступила на веранду.

— Джек Уорден? — спросила я человека, который сидел на качалке цвета спелого киви.

Он не ответил. Словно он не слышал меня. Его взгляд был обращён к горизонту, он держал телефон, записывая видео. Шторм. Молния. Когда раздался гром, он поднялся и подошёл к перилам, всё ещё продолжая съёмку.

Он стоял на фоне просторов фермы — высокий и худощавый, с резкими чертами лица и прямыми плечами, в тёмной одежде с капюшоном и пыльных рабочих брюках. У него была такая борода, которая, как мне представлялось, выросла бы у человека, который впал в спячку на всю зиму. Она было короче с боков и длиннее на подбородке. Его волосы были густыми, рыжевато-тёмные у корней и с выжженными на солнце концами. Они свисали до его плеч, дикие как джунгли, но прекрасные в своем хаосе.

Когда начали падать первые капли дождя, он убрал телефон и упёрся в перила, глядя в небо. Я собиралась снова привлечь его внимание, когда он начал смеяться.

— Я сказал ей танцевать как буря, — повторил мужчина, но он говорил это не мне. Он разговаривал сам с собой.

Мужчина протянул руки, позволяя воде течь сквозь его пальцы, и снова засмеялся. Это был тяжёлый, надрывный смех с большими, задыхающимися паузами, отличающийся от всего, что я слышала ранее. Потом вздохи стали громче, дольше, и я поняла, почему это звучало так странно. Я никогда не слышала, чтобы кто-нибудь смеялся от боли, а Джек Уорден плакал и смеялся на одном дыхании.

— Джек? — я снова позвала его. — Вы в порядке?

Он обернулся, увидев меня в первый раз. Я почувствовала, что все его потерянные, распавшиеся кусочки стремительно собираются воедино глубоко внутри него. Это произошло так быстро, что я почувствовала, будто столкнулась с другим человеком: отстранённым и безэмоциональным — у которого каждая деталь, каждая эмоция заперта внутри. Воздух вокруг него затрещал, как если бы он только что поднял электрический забор вокруг себя. На фоне темных штормовых облаков, он стоял как Тор, глядя на меня, и в его глазах сверкали молнии.

— Кто ты? — спросил он.

— Я...

Я замолчала, зная, что только что вторглась в очень личный, неловкий момент. Это была единственная причина, по которой он смотрел на меня так, как будто собирался пожевать и выплюнуть.

— Меня зовут Родел Эмерсон.

— Что ты хочешь? — резко проговорил он, не спуская с меня глаз.

«*Кошачьи глаза*, — неожиданно всплыло в памяти, как говорила Мо. — *Потому что кошки не скрывают своей полной ненависти и презрения ко всему человечеству*». Тогда я рассмеялась, потому что это было забавно, но сейчас я не смеялась. Я была жалкой и застенчивой, желая, чтобы я выбрала нечто более существенное, чем прозрачный топ и вылинявшие джинсы.

— Может быть, сейчас не лучшее время, — проговорила я. — Я вернусь завтра.

— И завтра будет более подходящее, потому что...?

Он сделал шаг ко мне, и моим первым инстинктом было повернуться и убежать. Но это не для меня. Это для Мо, Схластики и других детей. Тем не менее, я ненавидела, что мне нужен кто-то, чтобы сделать то, что я должна была сделать, мужчина или женщина.

— Мне нужна ваша помощь, чтобы доставить несколько детей в Ванзу, — сказала я.

— Тебе нужна моя помощь, — медленно произнес он, прокатывая слова на языке.

Он повернулся и сказал, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Ей нужна моя помощь.

Затем он начал смеяться. Не тем болезненным смехом, как до этого, но безрадостным, без намека на юмор.

— Убирайся с моей собственности, — сказал он. — Ты нарушаешь ее границы. Ты также идешь по ложному следу. Я не в том состоянии, чтобы помочь вам или кому-либо еще. И, что еще более важно, я не хочу.

— Вы же Джек Уорден, верно? — стояла я на своём. Я обещала Анне, что доставлю Схоластику за Ванзу. Я не собиралась сдаваться при первых же трудностях.

— Да, — он выпрямился во весь рост, и у меня возник соблазн сделать шаг назад.

Чёрт возьми, он был большим мужчиной.

— Тогда вы тот человек, который доставит меня в Ванзу.

— И почему конкретно я должен беспокоиться о тебе? Или же о том, чтобы доставить тебя в Ванзу?

Я уставилась на него, школьный учитель во мне желал сделать ему выговор за его манеры, за его неприемлемое отношение. Он даже не потрудился выслушать то, что я должна была сказать.

— Ты слышишь это? — сказал он, приложив ладонь к уху. — Это — тишина, и она говорит именно о том, насколько мне по хрену.

Моё лицо загорелось ярко красным цветом.

— Знаете, что? Что бы не раздирало вас изнутри, черт возьми, вы этого заслуживаете.

Я развернулась на своих каблуках и вышла под проливной дождь, по моим горячим воспаленным щекам стекали капли дождя.

— Поехали, Бахати, — я захлопнула дверцу машины. — Я должна буду найти другой способ.

Но Бахати смотрел на человека, который наблюдал за дождем.

— Что-то не так с его глазами, мисс Ро. Это не тот Джек Уорден, которого я знаю.

— Ну, это Джек Уорден, с которым я разговаривала. И он... — я прикусила язык, хотя Схоластика всё равно бы не поняла меня. — Просто давай поедем.

Мы были почти у ворот, когда красный джип, едущий навстречу, чуть не врезался в нас. Бахати ударил по тормозам, нас занесло, и мы замерли всего в нескольких шагах от него. Другой водитель нажимал на гудок,

издавая громкий, ревуший, непрерывный сигнал.

— Сумасшедшая леди, — пробормотал Бахати, сдавая назад. Это была однополосная дорога, и красная машина надвигалась на нас, не давая нам иного выбора, кроме как ехать назад, пока она продвигалась вперёд.

Капли дождя стекали по листьям, и я едва могла разглядеть дорогу, пока Бахати разворачивал машину в сторону главного здания. Но, вместо того, чтобы припарковаться, джип продолжал ехать на нас, пока мы не оказались зажаты в угол. Водитель вышла и постучала в окно Бахати.

— Куда, по-твоему, ты направляешь в эту ужасную погоду, молодой человек? Едешь как сумасшедший по этой размытой дороге? — она заглянула в машину, капли дождя стекали по ее пластиковому капюшону. Наверное, ей было, по меньшей мере, девяносто, но ее голубые глаза сияли ярко и ясно.

Мы с Бахати обменялись взглядами. Она была той, кто мчался на нас, как летучая мышь из ада.

— ...тем более с женщиной и ребенком, — продолжила она, глядя на меня и Схоластику. Я должна была передать ее ей. Она не выказала отвращения при виде девочки. С другой стороны, учитывая ее возраст, она, вероятно, уже встречала подобных детей.

— Выходите. Все вы.

Она захлопала в ладоши и направилась к дому, оставив машину стоять на месте.

— Это Гома, бабушка Джека, — объяснил Бахати. — Ты не можешь спорить с ней.

Мы направились к крыльцу, наша обувь хлюпала по грязи. Я почувствовала облегчение от того, что Джек ушел. Когда дверь с сеткой закрылась за Гомой, Бахати, Схоластика и я задрожали в нашей мокрой одежде под навесом.

— Ну? Вы идёте, или я должна послать своих почтовых голубей, чтобы доставить приглашение? — крикнула Гома изнутри.

Мы вошли в очаровательную гостиную с большими окнами, мягкими диванами и выцветшими сосновыми полами. Дом был столь же эксцентричным, как и дама, которая пригласила нас, — смесь колониального дизайна и африканского наследия с неподходящими друг другу кусочками и простыми текстурами. Гома стояла посреди комнаты, спустив штаны до щиколоток, потом преступила через мокрую одежду. Мы с Бахати отвели глаза, в то время как Схоластика смотрела широко раскрытыми глазами.

— Смелая девочка, — сказала Гома. — Не боится старой кожи. Ты

ведь не говоришь по-английски, не так ли?

Она переключилась на суахили, и вскоре Схоластика хихикала.

— Пойдем, — она протянула ей руку. — Давай дам тебе сухую одежду.

Я тайком взглянула уголком глаза, чувствуя облегчение от того, что Гома оставила своё нижнее бельё. Они вернулись, одетые в красочные мууму — длинные свободные платья, которые покрывали их с головы до ног.

— Я сделала их из китенге. Тебе никогда не захочется снова носить эти джинсы (*Прим.: Китенге — хлопчатобумажная ткань, напоминает сарон; саронг — традиционная одежда народов Юго-Восточной Азии полоса ткани, обёртываемая вокруг бёдер или груди и доходящая до щиколоток*), — сказала Гома, протягивая мне мууму. Бахати посмотрел на нее так, как будто она сошла с ума, когда женщина дала ему зеленую и желтую.

— О, давай, — она сунула их ему в руки. — С тебя капает вода по всему полу.

Они стояли друг напротив друга, молча сражаясь в течение нескольких секунд. Затем Бахати выхватил у нее мууму.

— Ванная там, — она наклонила голову и наблюдала, как он не спеша пошёл к ней, его ноги заплетались, как будто он направлялся к жертвенному алтарю.

— Я Кэтрин Уорден, — сказала она, поворачиваясь ко мне. — Все зовут меня Гома.

— Родел Эмерсон, — я пожала ее скрюченную руку. — А это Схоластика.

— Родел и Схоластика, — повторила она, смотря на нас с любопытством в глазах. — И что тебя сюда привело?

Я объяснила ситуацию настолько сжато, насколько могла.

— Мне жаль, что Джек был так груб с тобой, — сказала она, когда я закончила.

— Похоже, вы оба связаны событиями трагического дня. Джек не был прежним с тех пор, как потерял Ли... — она остановилась, когда вернулся Бахати, одетый в мууму. Оно едва доходило ему до коленей.

Гома ущипнула Схоластику — быстрый, резкий щипок на внутренней стороне её руки, чтобы она не захихикала. Бахати в мууму был очень спокойным человеком, ничем не похожим на Бахати, который шумел и болтал.

— Извините, — мне нужно было уйти оттуда, прежде чем Гома ущипнула бы меня тоже, — я думаю, что пойду, переоденусь.

Когда я вернулась, они все были на кухне — Бахати и Схоластика собрались вокруг стола, пока Гома наливала горячий суп в их миски.

— Ты можешь повесить их в прачечной, — сказала она, указывая на мокрый свёрток у меня в руках.

Всё ещё шёл сильный дождь, когда я пробиралась по коридору в прачечную. Я нашла несколько прищепок и повесила свои вещи, когда молния осветила заднюю часть дома. Мне показалось, что на мгновение я увидела в окне Джека, стоящего в центре невероятно сильного тропического шторма. Я как раз хотела списать это на своё воображение, когда ещё одна вспышка опять осветила его. Он просто стоял там, под деревом, которому было лет сто, и смотрел на землю, в то время как дождь выплескивал ад и ярость вокруг него.

— Я думаю, что Джек всё ещё снаружи, — сказала я, когда вошла в кухню.

Гома кивнула и продолжила есть свой суп.

— Он это делает. Сидит с ней всякий раз, когда приходит шторм, — она подтолкнула ко мне миску. — Ешь.

— Сидит с кем? — спросила я, беря стул и садясь напротив неё.

— Лили. Его дочь. Она там похоронена. Они все там. Это место полностью оправдывает своё название.

— «Имение Кабури»? — я вспомнила знак у входа.

— Да. Предполагалось, что это будет «Имение Карибу». Карибу означает «добро пожаловать», но я тогда всё ещё учила суахили, и в бланке я написала Кабури. Это означает «могила». Сэм — мой муж — подумал, что это весело. Он отказался исправить это. Он всегда говорил, что будет любить меня до самой могилы, — Гома посмотрела в свою миску. — И он это сделал. Он любил меня до конца.

Я почувствовала начало эпической истории любви, о которой всегда мечтала, но она больше ничего не говорила. Женщин просто усмехнулась и стала водить своей ложкой вокруг чашки, делая маленькие круги.

— Должны ли мы... Должен ли кто-нибудь пойти за Джеком? — спросила я, когда молния снова пронзила небо. Я начинала чувствовать себя ужасно из-за того, что я ему сказала.

— Он придёт, когда закончит. И он будет продолжать делать это, пока однажды не исчезнет необходимость в этом. Это то, что ты тоже делаешь, не так ли? Вдалеке от дома. По-своему скорбишь по своей сестре. Ты должна позволить этому идти своим чередом. Поддавайся, пока это не пройдёт и не успокоится, пока ты не научишься дышать из-за потери.

Я держала ложку с супом и думала о том, что она сказала. Смерть Мо

была похожа на дверь, которая была заперта навсегда. Я никогда не смогу пройти через неё, никогда не смогу послушать ее болтовню обо всех несущественных вещах, по которым я сейчас так ужасно скучала. Существует невидимый порог возможностей, когда кто-то жив. Он сжимается, когда они уходят, поглощая все миры, парящие вокруг них, — имена людей, которых они никогда не встретят, лица детей, которых у них никогда не будет, ароматы мороженого, которые они никогда не попробуют. Потерять Мо чертовски больно, но я не могу себе представить, каково это — потерять ребёнка.

— Я думал, что сказал тебе убираться отсюда.

Я подпрыгнула от звука голоса Джека. Он стоял у задней двери в луже воды, насквозь промокший. Толстовка исчезла, и футболка облепила мускулы, которые появляются от тяжёлой физической работы. Мы были высоко у подножия горы, где по вечерам воздух был с примесью мороза, но мужчина не показывал никаких признаков того, что ему холодно. Возможно, в этом и был смысл — стоять под дождём до оцепенения.

— Я их пригласила, — сказала Гома.

Джек проследил за её взглядом и впервые заметил Бахати.

— Nabari, Джек, — сказал Бахати (*Прим. Nabari на языке суахили значит «здравствуй» или же «что нового», «как дела»*).

В ответ Джек кивнул головой. У него не было никакой реакции, когда он увидел мужчину, одетого в мууму, за столом своей бабушки. Затем его взгляд упал на Схластику, и все изменилось. Если до этого он был суров со мной, по отношению к ней он был однозначно враждебно настроен. Его руки сжались в кулаки по бокам у тела, от чего воздух, казалось, оцетинился от невысказанного напряжения.

— Это принадлежит Лили, — прорычал он.

— Так оно и есть, — Гома не была встревожена его реакцией. — Схластикe нужно было переодеться, поэтому я дала ей платье Лили.

Челюсть Джека сжалась, как будто он едва сдерживался, чтобы не откусить кому-то голову. Схластика прижалась ближе к Гоме, сжавшись под его враждебным взглядом.

— Я думаю, нам пора идти, — сказала я Бахати. Я понятия не имела, разрешат ли Схластикe пожить со мной в хостеле для волонтеров, пока я не придумаю что-нибудь. Все, что я знала, — это то, что мне не понравилось, как Джек Уорден заставлял меня чувствовать себя. Я привыкла быть постоянной с людьми — приятной, плавной как течение реки, возможно с несколькими всплесками то здесь, то там. Но с Джеком это было похоже на проверку на детекторе лжи, записывающая стрелка

металась по всему дому. Мой настрой сменился от полного надежд до ощущения крайнего унижения, от сочувствия его потере до гнева из-за его отношения.

— Никто никуда не поедет в такую погоду. В том случае, если вы не слушали прогноз, шторм не прекратится в ближайшее время, — сказал Гома. — На многие мили нет уличного освещения, а дороги коварны в дождь. Кроме того, тебе надо думать о Схоластике.

— Я уверена, что ее можно будет устроить в хостеле на одну ночь, — ответила я. — Я могу позвонить заранее и...

— Это не то, что я...

— Это не безопасно, — заявил Джек. — Вы уедете утром.

Я молча смотрела на него. *«Что заставило его думать, что он имеет право отдавать приказы, что мне делать? Или когда?»* Может быть, если бы он сказал это по-другому, как будто ему было не наплевать, я бы подумала об этом, но он явно не хотел, чтобы мы были здесь, и я не собирался принимать от него никакие одолжения.

— Вы не можете принять такое решение за нас, — я подняла подбородок и встретила с ним взглядом.

Его глаза сузились, но он ничего не сказал. Я была уверена, что через несколько секунд я сгорю до горстки дымящегося пепла, когда его внимание переключилось.

— Бахати, — он протянул руку. — Ключи.

Бахати бросил на меня быстрый взгляд, но он явно не хотел вступать в спор с Джеком.

Ключи исчезли, когда Джек сжал пальцы и спрятал их в карман.

— Вы уезжаете утром, — он многозначительно посмотрел на меня.

— Что ж. Тогда все решено, — Гома добила меня своим выражением лица, которое не оставляло места для протеста. Она встала и наполнила чашку супом для Джека.

— А теперь сядь и перекуси.

— Позже. Я собираюсь принять душ, — объявил он, снимая футболку и вытирая лицо. Всё его тело было загорелым, без линий, разделяющих загорелые и нетронутые солнцем участки, кроме тёмных порезов, обрисовывающих его пресс с кубиками. Он начал подниматься по лестнице, а потом обернулся. С его волос по спине текли струйки воды.

— Бахати, пойдём со мной. У меня есть кое-что, что ты можешь позаимствовать. Тебе нужно выбраться из этой... вещи.

Бахати взглянул на Гому, прежде чем последовать за Джеком.

— Что? — она пристально посмотрела на него. — Ты всё время

носишь эту племенную одежду. То же самое, только с рукавами.

— Вы знаете Бахати? — спросила я, когда мужчины ушли.

— Да. Любой, кто был в «Grand Tulip», знает его. Джек возил свою жену туда на выходные — его бывшую жену, Сару. Она не была создана для жизни здесь. Они познакомились, когда Джек учился в Кении. Тогда ей казалось, что ферма — это так романтично, но когда она оказалась здесь, жизнь в глуши стала сводить ее с ума. Она скучала по магазинам и ресторанам. Спа в «Grand Tulip» был ее любимым убежищем, поэтому Джек отвозил её в город, когда только мог. После этого он брал её на представление. Иногда они оставались там. Там же он столкнулся с Бахати. Персонал там приятный, но все они высмеивают его. Он стоит впереди как храбрый воин, но он будет визжать, если божья коровка приземлится на него. Он первый, кто покидает пост при малейшем намеке на неприятности. Они смеются, потому что, несмотря на все это, он хочет быть супергероем. Но только не Джек. В то время он был в поисках своей страсти. Он бросил взгляд на Бахати и сказал ему, что ему не хватает квалификации. Масаи ходят везде, но это бы никак не помогло ему. Как он собирался справляться с быстрой ездой на машине, если у него случалась крапивница только от одной мысли о том, чтобы сесть за руль? Итак, пока Сара получала свой массаж, Джек учил Бахати водить.

— Не уверена, что это можно ставить себе в заслугу, — пробормотал я, думая о том, что нервничала всю дорогу, пока ехала с ним.

— Почему это?

Я покачала головой и огляделась.

— У вас прекрасный дом. Я надеюсь, что мы не навязываемся.

— Совсем нет. Я не помню, когда у нас последний раз была компания. В этом большом старом месте лишь Джек и я. Сара вернулась в Кейптаун много лет назад. Они развелись, когда Лили было всего два года. Я не могу тебе сказать, как сильно я ожидала её приездов сюда. Я очень скучаю по ней, и когда под нашей крышей снова есть маленькая девочка, я опять счастлива, — она провела своим пальцем по Схоластике. — У нас много свободных комнат. Ты можешь выбрать одну, — она указала мне на коридор. — С левой стороны шкаф с постельным бельем и чистыми полотенцами. Воспользуйся этим.

— Спасибо, — ответила я. — Вы не будете против, если я сделаю быстрый звонок? Мне нужно дать знать своему другу, что меня не нужно ждать сегодня вечером.

— Конечно, — Гома махнула мне рукой в сторону гостиной.

Там был старый дисковый телефон на столе. Я набрала номер Nima

House и попросила Коринну.

— Где ты? — спросила она.

— В поместье «Кабури».

— Где?

— Это кофейная плантация, которой управляет Джек Уорден и его бабушка. Я не смогла связаться с Габриэлем. Бахати сказал, что Джек может помочь.

— Джек Уорден? Тот самый Джек Уорден, который потерял свою дочь во время нападения на торговый центр?

— Джек потерял дочь во время нападения на торговый центр?

— Да. Это он. Теперь я вспомнила. Он был у мемориала жертвам «Килимали мола».

— Я не знала.

Я села, понимая, что имела в виду Гома, когда сказала, что мы связаны событиями трагического дня. Он потерял Лили в том же месте, в то же время, когда я потеряла Мо.

— Да. Он получил какую-то награду в знак признания за спасение будущей мамы и ее сына. Он так и не встал, чтобы получить её. Он просто сидел там и смотрел перед собой, как будто ничего не видел и не слышал. Преподаватель танцев его дочери тоже получила награду за спасение детей. Жаль, что его дочь не была одной из них. Как он сейчас?

— Обиженный. Грустный, озлобленный, желчный. Я думаю, возможно, он хочет умереть. Он стоял под деревом во время шторма, на могиле своей дочери, как будто хотел быть сражённым прямо рядом с ней. Он не хотел ничего слышать из того, что я говорила о детях или Ванзе.

Я оставалась на линии достаточно долго, чтобы разузнать, не поможет ли Коринна с Схоластикой.

— Ты не можешь вернуться назад в хостел вместе с ней, — сказала она. — Он только для волонтеров. Они сделали для тебя исключение из-за того, что случилось с Мо.

— Я что-нибудь придумаю. Может быть, бабушка Джека сможет подсказать, что делать.

Я попрощалась и повесила трубку.

— Если ты думаешь, что привлечение Гомы убедит меня помочь, ты ошибаешься.

Я обернулась и увидела, что Джек наблюдает за мной из дверного проема, потягивая из бутылки кока-колу. Душ вернул тепло его лицу, но от его голоса у меня по спине побежали холодные мурашки.

— Вы ясно дали понять, что вас это не интересует, но если вы думаете,

что я сдамся, то это вы ошибаетесь, — ответила я.

Он рассматривал меня через всю комнату, глаза светились чем-то загадочным, он не двигался и не произносил ни слова.

— Я сожалею о вашей дочери, — сказала я, когда напряжение стало слишком тяжелым. — И о том, что сказала ранее.

Он кивнул и уставился в свою бутылку.

— Я сожалею о твоей сестре, — сказал он. — Бахати рассказал мне. Послушай моего совета, — он перевёл взгляд и упёрся им в меня. — Собирайся и отправляйся домой. Твоя судьба в твоих руках. Ты понятия не имеешь, во что ввязываешься.

Я разозлилась. По какой-то причине Джек Уорден знал, как лишить меня спокойствия. Каждый. Раз.

— Знаете, что? Я просто устала от того, что вы предполагаете, что знаете, что лучше для меня. Вы не можете мне помочь? Отлично. Но я не просила вашего совета, и я уверена, что, чёрт возьми, я не позволю этому остановить меня.

— Скажи мне кое-что, — его голос был спокойным и ровным. Это раздражало меня. Он меня раздражал. — На самом деле, как много твоя сестра рассказала тебе об этих детях, которых ты хочешь доставить в Ванзу?

— Я... она... — я проклинала себя за то, что не обращала более пристального внимания на все то, о чем говорила Мо. — Что это значит? С чем именно, по-вашему, я не смогу справиться?

Прошли секунды, прежде чем он ответил.

— Тебе лучше не знать. Поверь мне. Некоторые вещи лучше оставить в темноте, которой они принадлежат.

Потом он осушил свою бутылку кока-колы одним длинным глотком и вышел из комнаты.

Глава 4

Пронзительный крик петуха разбудил меня следующим утром. Он кукарекал каждые десять минут, говоря мне, что наступил рассвет, хотя было ощущение, что я только что заснула. Я вскочила с постели, дрожа в мууме Гомы, и подошла к окну.

Света было как раз достаточно, чтобы разглядеть фигуру на полях. Джек на тракторе вспахивал голый участок земли. Я попыталась представить себе, на что это было бы похоже — скорбеть о ком-то в том месте, где всё растёт, где каждый день новая жизнь прорывается сквозь землю яркими зелеными побегам.

«Куда ты меня привела, Мо? Что ты показываешь мне?».

Я направилась в прачечную и обнаружила, что мою одежду выстирали, выгладили и её можно носить. Я надела её, наслаждаясь теплом, которое всё ещё сохранилось в ней.

— О, хорошо. Ты встала, — сказала Гома, когда я вошла на кухню. — Завтрак готов. Будь добра, приведи Бахати и Схоластику. Они в библиотеке.

Дом представлял собой хаотичное строение, новые помещения пристраивались к основному зданию годами, образуя повсюду укромные уголки и закоулки. Мне понадобилось некоторое время, чтобы найти Бахати и Схоластику, и когда у меня это получилось, я остановилась на полдороге.

Они сидели на полу друг напротив друга — один из них был высоким, худым и темным, как ночь, другая — мягкая и серебристая, как лунный свет, — наблюдая за самым странным зрелищем: черепаха с жёлтым воздушным шаром, обвязанным вокруг неё, пересекала пол между ними. Они искоса посмотрели на меня, потом опять на черепаху, а потом друг на друга. Черепаха брела на своих круглых коротких ногах, переваливаясь на них — левая, потом правая, как сварливый старик, качая головой с мрачным неодобрением. Мы все одновременно стали смеяться. Хихиканье Схоластики заполнило пространство, даже после того, как я и Бахати остановились, чтобы отдышаться.

— Пойдёмте, вы, двое. Завтрак уже готов, — сказала я, изображая, что ем, для Схоластики. Я направилась к двери, но остановилась во второй раз за это утро.

Джек стоял и смотрел на Схоластику. Его сапоги были грязными, рукава закатаны, одна нога выставлена вперед, но он никуда не шёл, как

будто его заморозило от звука её смеха — маленькой девочки в платье его дочери, хихикающей над черепахой и воздушным шаром.

Схоластика замолчала, как только увидела его, она по-прежнему настороженно относилась к его реакции на нее прошлой ночью. Девочка опустила голову, когда он вошел в комнату и двинулся к ней. Секунды тикали в неловком молчании, как его тень нависла над ней. Потом он что-то сказал ей на суахили. Она кивнула и вернулась назад, глядя на черепаху. Джек достал что-то из своего кармана и лопнул шарик.

БАХ.

Черепаха втянула свою голову и лапы в панцирь так быстро, что воздух вырвался из её лёгких с длинным шипением. Она лежала на полу, раздражённая и недовольная, в клочьях воздушного шара, как с маленькими жёлтыми флажками для капитуляции.

— И это самое быстрое передвижение Аристотеля, которое ты можешь увидеть, — заметил Джек, прежде чем повторить это на суахили для Схоластики. Он опустился на колени рядом с напуганной черепахой и погладил её раковину.

— Ты в порядке, малыш?

Аристотель осторожно высунул свою шероховатую голову и посмотрел на Джека с капризным презрением.

Схоластика расхохоталась. Она смеялась так сильно, что перевернулась, держась за живот. Джек сидел и смотрел на нее, его кадык подпрыгивал, как если бы звук смеха пронзал его сердце сладостной дрожью. Он поднялся и направился к углу, где была куча других желтых воздушных шаров, и передал один из них Схоластике. Она взяла его и указала на черепаху.

— Нет, — он покачал головой. — Для тебя.

— Господи, — вошла Гома и посмотрела на нас на всех. — Я послала одного, чтобы привести остальных, и потеряла всех вас. Все на кухню. Пойдёмте, ну же.

Она направила нас к столу и наполнила наши тарелки едой.

— Кофе с нашей фермы, — сказала она, наливая мне и Бахати по чашке, прежде чем сесть.

— Очень вкусно, — сказал я после первого горячего глотка. — Спасибо. И спасибо, что привела мою одежду в порядок сегодня утром. Надеюсь, я буду вполнину так же активна, когда достигну вашего возраста.

— Это ферма, — ответила Гома. — Чистый воздух, тяжелая работа, свежие продукты.

Схоластика завязала свой воздушный шар к стулу рядом с Джеком и села возле него. Он смазал тост, намазал его вареньем и положил ей на тарелку. Он моргнул, когда она поблагодарила его, как будто это было что-то, что он сделал по привычке, не осознавая, пока не закончил.

— Я слышала, что ты спас беременную мать и ребёнка во время нападения на торговый центр, — сказал я, пока Бахати и Гома разговаривали на другом конце стола. — Это невероятно.

— Неужели?

Я положила вилку и посмотрела на него.

— В чем твоя проблема? Каждый раз, когда я пытаюсь быть милой, ты бросаешь мне это назад в лицо. Каждый раз, когда я думаю, что у тебя есть другая сторона, ты снова становишься придурком.

— Это потому, что я придурок. Я придурок, который позволил дочери умереть. В этот день я был в торговом центре. Прямо там. И я остановился, чтобы сначала вывести парочку незнакомых людей. Я был слишком занят, спасая другие жизни.

— Ты когда-нибудь думал, что, возможно, они спасли твою жизнь?

— Ты думаешь, они меня спасли? — Джек засмеялся. Смехом, который был совершенно чужим. Этот смех был наполнен глубокой, темной иронией. Он когда-нибудь смеялся как нормальные люди? Действительно смеялся?

Он наклонился через стол так близко, что я смогла разглядеть золотые ободки вокруг его ледяных синих радужек. Они были цвета пересохшей травы в саванне, ожидающей дождя.

— В тысяче жизней я бы умер тысячей смертей, чтобы спасти ее. Снова и снова, и снова.

Я ему поверила. Каждому слову. Из-за того, как он это сказал.

У меня не было ответа, поэтому я наблюдала, как он встал, открыл холодильник и потянулся за бутылкой колы. Он поместил край крышки на барную стойку и ударил по нему ладонью. Отбросив крышку, он придвинул стул, запрокинул голову и осушил бутылку на одном дыхании.

«Какой странный человек, — подумала я. — Кофейный плантатор, который не пил кофе».

Большинство людей утопили бы свои печали в чём-то посильнее. Джек выбрал бутылку колы. Может быть, он хотел в полной мере осознавать, полностью чувствовать боль. Может быть, Джек Уордену нравилась эта боль, потому что он считал, что это было именно тем, что он заслужил.

— Ты решила, что будешь делать дальше? — спросила меня Гома.

Я переключила своё внимание с Джека на неё.

— Я надеялся, что вы знаете кого-то, кто мог бы доставить меня и Схоластику в Ванзу, с парой остановок по пути.

— Я знаю идеального человека для этой работы. Он сидит прямо за этим столом, и он это тоже знает, но он слишком поглощен собой, так что ему наплевать.

— Ты не теряла дочь, — прорычал Джек, не сводя глаз с тарелки.

— Нет, я не теряла, — ответил Гома. — Я потеряла единственного сына, твоего отца. И в том же самом несчастном случае я потеряла его жену, твою мать. Я потеряла своего мужа. И я потеряла Лили, правнучку. Это уже четыре поколения, которые я похоронила. А я всё ещё здесь. Ты думаешь, что от потери я не хотела пойти спать и никогда не проснуться? Всякий раз? Ты думаешь, что моё и твоё сердца такие разные? Это не так. Мне так же больно, как и тебе, Джек. Но я встаю, потому что ты всё ещё здесь. Ты остался один, и знаешь, что? Тебя достаточно. Ты — достаточная причина, чтобы держать меня на ногах. И меня убивает — видеть тебя таким, живым снаружи, но мертвым и глухим внутри. Ты слышишь меня? Это убивает меня.

Последовавшая за этим тишина была густой и тяжелой, как ком, застрявший у меня в горле. Я знала, что должна извиниться, но не могла двигаться. Бахати смотрел на свои руки, несомненно, чувствуя то же самое. Даже Схоластика, которая не поняла ни слова, напряжённо сидела на своём стуле.

Джек посмотрел на Гому и начал что-то говорить, но потом вместо этого повернулся ко мне.

— Мне жаль тебя разочаровывать, — он бросил салфетку на тарелку. — Я не могу тебе помочь. Я даже не смог помочь своему собственному ребенку. Я хочу, чтобы все просто оставили меня в покое!

Его стул упал на пол, когда он встал и вышел из комнаты.

Гома осталась сидеть и доедала свой завтрак. Когда она закончила, то вытерла хлебные крошки со стола, её кожа натянулась над полупрозрачными суставами.

— Стареть совсем не весело, — мягко сказала она. — Ты теряешь людей, которых любишь. Снова и снова. Некоторых отбирают у тебя. Некоторые уходят. А некоторых ты учишься отпускать.

Бахати, Схоластика и я молчали, когда она сидела, глядя в окно. Шторм с прошлой ночи рассеялся, явив великолепные голубые небеса.

— Куда теперь? — спросил Бахати, когда мы закончили.

— Назад, в Амошу, — сказала я. — У кого-нибудь в Nima House должна быть идея, что я могу сделать.

— Я возьму ключи, — сказала Гома. — Мой джип все еще блокирует машину Бахати. Встретимся снаружи у входа.

Я прибралась в своей комнате и оставила мууму Гома сложенной в изножье кровати. Когда я вышла, Бахати уже ждал у своей машины.

— Готовы? — спросил он.

Я кивнула и слегка улыбнулась, но я понятия не имела, что собиралась делать.

— Жаль, что это не сработало, — сказал он.

— Я уверена, мы найдем другой путь

Я совсем не была уверена, но со Схоластикой в связке назад пути уже не было. Я скользнула в машину и закрыла дверь.

Гома надела шляпу на голову Схоластики.

— У нее нет пигмента, — сказала она. — Это делает ее чувствительной к солнцу. Возьми солнцезащитный крем, когда приедешь в Амошу.

— Хорошо, — пообещала я. — Спасибо за ваше гостеприимство.

— Не стоит благодарности. *Kwaheri*, Родел. *Kwaheri*^[8], Схоластика. Прощайте.

Женщина открыла дверь машины для Схоластики, чтобы та могла запрыгнуть, но Схоластика побежала к крыльцу. Там стоял Джек, протягивая ей забытый воздушный шар. Она подарила ему широкую улыбку, когда взяла шар, но он не заметил этого. Его взгляд был сосредоточен на шляпе, которая была на ней.

— Где она взяла это? — спросил он.

— Не сейчас, Джек, — Гома подошла к крыльцу. — Я нашла это в твоей машине.

— Лили была в ней. Когда мы вошли в торговый центр, она оставила её в машине.

— Это всего лишь шляпа, Джек. В ней нет части Лили. Она здесь, — Гома коснулся его сердца, — где она всегда будет.

— Это последнее, что у меня осталось от неё. Её солнцезащитная шляпа. Ты не имеешь права её отдавать.

— Я сделала ей эту шляпу. Я могу отдать её тому, кого выберу.

— Это не просто шляпа. Не для меня!

Они ходили туда-сюда, огрызаясь друг на друга.

Взгляд Схоластики метнулся от Джека к Гома. Не понадобилось много времени, чтобы понять, о чем они спорят. Она сняла шляпу, медленно стянув её с головы. Какое-то мгновение она восхищалась большим ярким цветком в центре, который выглядел как небольшая вспышка солнечного

света. Затем девочка сложила её пополам и протянула Джеку, щурясь на него своими странными молочно-голубыми глазами. Он остановился в середине фразы, глядя на нее. Она подтолкнула шляпу ближе, и когда он продолжал стоять там, жесткий и застывший, она положила её ему на ладонь и сжала его пальцы вокруг ткани.

У меня в горле запершило, когда я увидела, как солнце опалило её оголенную голову. Где-то на уровне подсознания она стала моей подопечной, я несла за неё ответственность. Я увидела в ней нечто большее, чем ее необычный внешний вид; я увидела в ней маленькую девочку, которой она была.

Джек тоже что-то увидел, что-то, что заставило его схватить ее за руку, когда она повернулась, чтобы уйти. Он крепко сжал шляпу своей дочери и опустил на колени перед Схоластикой.

— Её звали Лили. *Jina yake ilikuwa* Лили^[9], — сказал он.

— Лили? — спросила Схоластика.

Джек кивнул.

— *Mtoto yangu*^[10]. Ей нравились радуга и шоколад. Расплавленный шоколад. Видишь? — он указал на пятна и надел шляпу на голову Схоластике. — Ей нравилось танцевать. И петь. И фотографировать, — он поправил шляпу так, чтобы подсолнух был расположен спереди. — Она умерла, — сказал он. — *Alikufa*.^[11]

— *Pole*^[12], — ответила Схоластика.

Затем она обняла его. Они обнялись под фронтоном дома, шарик Схоластики подпрыгивал над ними, а гора Килиманджаро молча наблюдал аиз-за облаков.

Это мгновение было важным для всех — для мужчины, для девочки, для горы, для поместья. Я не могла видеть лицо Джека, но я знала, что что-то происходит — что-то невероятно сильное, но нежное. Когда это случилось, они говорили друг с другом без слов. Джек выпрямился и подвел Схоластику к машине, где ждали Бахати и я.

— Ты сказала, что вернешься завтра, — сказал он мне.

— Прости?

— Вчера. Ты сказала: «Может быть, сейчас не лучшее время. Я вернусь завтра».

Я тупо уставилась на него.

— Сейчас завтра, Родел Эмерсон. Возвращайся внутрь. Я отвезу тебя и Схоластику в Ванзу.

— Ты отвезёшь? — небольшой трепет прошёл по моему

позвоночнику. — Как насчет других детей? — у меня были другие имена. Мне было нужно это соглашение.

Джек открыл дверцу машины и стал ждать, когда я выйду. Затем протянул руку. Когда я вложила свою руку в его большую, грубую ладонь, он задержал ее на мгновение в крепкой хватке, словно позволяя мне отступить.

Потом он сжал.

Это было молчаливое рукопожатие, невысказанное соглашение. И хотя я только что познакомилась с ним, я знала, что могу доверять Джеку Уордену, что он выполнит своё обещание. Что бы ни случилось.

Глава 5

После обеда я последовала за Джеком в библиотеку и наблюдала, как он разворачивал карту на полированном столе орехового дерева. Он взял три стикера, которые я передала ему, и положил их на карту:

17 июля — Джума (Барака).

29 августа — Сумуни (Мэмози).

1 сентября — Фураха (Магеза).

— Мы совершим одну поездку в Ванзу, — сказал он, изучив записки Мо. — Последние две остановки располагаются по пути туда и даты близки. Твоя сестра и Габриэль, вероятно, планировали это именно так. Вместо того чтобы ехать туда и обратно, мы отправимся в Бараку и сначала заберём Джуму, — он постучал по карте. — Мы можем уехать завтра и привезти его на ферму. Следующая поездка только через неделю. Мы отправимся с ним и Схоластикой, остановимся в Меймоси и Магезе и оттуда отправимся в Ванзу, — он посмотрел на меня в ожидании согласия.

Его силуэт вырисовывался на фоне окна, пылинки танцевали вокруг него, когда лучи солнца под наклоном проходили через стекло. Кончики его волос сияли как бледное золото там, где солнце касалось их, делая его похожим на темный, нарисованный углём рисунок, наполненный светом. Он всё ещё был окружён стеной, всё ещё был отгорожен изнутри, но кое-что приоткрылось.

У Джека не было желания возвращаться в мир, который забрал его дочь. Он сыграл свою роль, сыграл героя, получил высокую оценку за спасение трех жизней — женщины, её неродившегося ребенка и маленького мальчика, — но он не нашел утешения в том, что они живы или что он жив. Лили умерла, и он был в настоящей агонии. И все же, он был там, смотрел на меня, ожидая ответа, как будто впервые признавая, что я существую, что то, что я думала, имело значение.

— Звучит здорово.

Если бы он мог видеть меня внутри этого водоворота боли, если бы он мог видеть что-то, кроме себя, я, безусловно, могла заглянуть за его грубые, острые края. Кроме этого, мне было что сказать мужчине, который держал в своей темной библиотеке кучу воздушных шаров.

— Они напоминают мне о Лили, — сказал он, заметив, что мой взгляд задержался на них. — Я покупаю новые, когда бываю в городе. Это была последняя вещь, о которой она меня просила. Желтые воздушные шары. Она хотела их для Аристотеля, так нам не пришлось бы продолжать его искать, — объяснил он, прежде чем вернуть мне стикеры с заметками.

Я подумала о том, как Мо и Лили всё ещё присутствовали в желтой бумаге, которую я держала, в жёлтых воздушных шарах, которые хранил Джек, и в черепахе, которая находилась где-то за столом, — невидимая, но со всплеском цвета, тянущегося за ней.

— Я надеюсь, что все мы живем так, оставляя что-то яркое позади себя, — сказала я.

Мы молча наблюдали, как воздушные шары мягко подпрыгивали в углу, словно тронутые мягкими, невидимыми вздохами — поднимались и опускались.

— Это она. Это моя сестра. — Я поискала в телефоне и показала Джеку фотографию Мо. На фото она заплетала волосы. Расчёска торчала из несобранной части волос. Она выглядела такой счастливой, сидя в тени дерева на перевернутом пластиковом ящике в бирюзовом платье в горошек. — Мы не очень похожи друг на друга.

Мо была тем человеком, который привлекал внимание и на фотографиях, и в толпе. Ваши глаза просто автоматически находили её.

— Мы с дочерью тоже были не очень похожи друг на друга.

Я не думала, что он расскажет что-то ещё, но потом, похоже, он передумал.

— Это она. — Он достал кошелек и дал мне фотографию Лили.

Ее кожа была цвета меда, и она с чистым озорством в глазах улыбалась в камеру. Пряди распущенных волос выглядывали из-под шляпы с подсолнухом — той, которую Джек дал Схоластике. Она разительно отличалась от Джека, но я видела его в изгибе её бровей и дерзкой линии подбородка. Она бы рушила правила, разбивала сердца и наслаждалась бы этим каждую минуту.

Пока мы держали фотографии рядом, я испытала чувство потери, которое сопровождалось утратой улыбок, энергии, голоса и тепла, а также отсутствием выбора. И всё же, между нами была совместно разделённая сладость и осознание, что ты был любим, хотя это казалось таким же мимолетным, как трепет птичьих крыльев.

Я вернула фотографию Лили и наклонилась, чтобы поднять то, что упало на пол. Это был ещё один палароидный снимок Джека, он находился на заднем плане. Он выглядел так, будто его застали врасплох посреди

разговора, его кожа на снимке была засвечена, словно вспышка была направлена прямо ему в лицо. Возможно, поэтому он выглядел совершенно по-другому — его глаза были такими ясными и поразительными, что пленили меня. Они светились, это было практически невозможно не заметить, как льдинки, окруженные золотым летним светом. В них не было никаких намеков на грозовые облака, которые были сейчас. Я бы дала ему около тридцати, но он выглядел намного моложе на этой фотографии.

— Она сделала обе эти фотографии, — сказал Джек, когда я вернула ему второй снимок. — В тот день мы ехали в торговый центр, — он рассеянно погладил уголок фотографии Лили. — Я сказал ей прекратить тратить плёнку впустую, — он засунул фотографии назад в свой кошелек и уставился на кожу, из которой тот был сделан.

— В тот день я не ответила на звонок своей сестры, — я никому не говорила об этом, даже моим родителям. Я передала последнее сообщение Мо, но не тот факт, что проигнорировала её звонок. Мне было слишком стыдно, но я почему-то почувствовала, что будет правильно разделить это с Джеком. — Я была слишком занята, подписывая бумаги на мой новый дом.

Джек хранил молчание. Может быть, он перебирал те же вещи, что и я: сценарии «что, если бы», через которые ты проходишь снова и снова, прокручивая их раз за разом в своей голове.

— Так вот почему ты это делаешь? — спросил он. — Продолжаешь её незавершенное дело? Потому что ты чувствуешь себя виноватой?

— Я не знаю, — призналась я. — Мы не всегда понимаем то, что делаем. Мы просто делаем это и надеемся, что нам станет лучше.

— Не знаю, как на счет «станет лучше», — Джек глубоко вздохнул и выпрямился, оттолкнувшись от стола. — Всё, что я знаю, так это то, что когда Схоластика вернула мне шляпу Лили, я не смог отказаться ей. Все дело было в том, как она смотрела на меня — без ожидания, без осуждения. У меня нет угрызений совести, когда я говорю «нет» тебе, или Гоме, или ещё кому-нибудь, кто просит меня о чём-нибудь, потому что я не никому ничего не должен, включая объяснения. Но когда эта маленькая девочка посмотрела на меня, не прося, не говоря, что-то во мне ответило.

Голос Схоластики сливался с голосом Гомы на кухне, пока мы стояли в библиотеке. Вероятно, именно так звучало «Имение Кабури», когда Лили была жива — смесью молодого и старого, с проникающими через окна отдаленным гулом трактора и приглушенными разговорами персонала. Ветер подхватил запах кожи Джека — зеленых кофейных бобов и мягкой земли. Он был лёгким и тёмным, неуловимым, как и этот мужчина. Я могла продолжать наслаждаться моментом, но у меня было странное ощущение,

как будто я стояла на краю чего-то глубокого и огромного, и мне нужно было отступить.

— Это мать Лили? — я подошла к одной из полок и взяла рамку. В ней была фотография Джека с красивой чернокожей женщиной. У неё была изящная, длинная шея, элегантная и гладкая кожа, и лицо, которое не нуждалось в макияже, чтобы подчеркнуть его красоту. Её черты излучали осмысленную уверенность. Джек обнимал её за плечо, пока она держала маленькую Лили перед камерой.

— Сара, — Джек взял рамку из моих рук и посмотрел на неё. — Она хотела отвезти Лили в Диснейленд, но я настоял, чтобы она приехала сюда, как и в предыдущие годы.

Он оставил всё остальное невысказанным, но было ясно, что Сара обвинила его в том, что случилось с их дочерью. По выражению его лица было ясно, что он не злился на её, потому что он тоже винил себя.

— Лили была нашей последней связью, единственным, что удерживало нас вместе. Я не разговаривал с Сарой после похорон.

Джек осторожно поставил рамку на полку.

Он так часто это делал. Каждое движение было кратким и выверенным, подобно тому, как он фокусировался на вещах, которыми он мог управлять, чтобы не быть затянутым в тёмный водоворот пустоты.

Пронзительный звон судейского свистка раздался из гостиной, где Бахати смотрел футбольный матч. Это нарушило странные чары, которые, казалось, были неумовимо сотканы вокруг Джека и меня.

— Мне пора, — сказал Джек. — Я нужен снаружи. — Он надел солнцезащитные очки и остановился у двери. — Мы отправимся в Барак у утром.

После того как он ушел, я села и наблюдала, как Аристотель отрывает маленькие кусочки салата из своей кормушки. Лучи солнечного света падали на темные полки вокруг меня. Только тогда я поняла, что меня окружают книги. Но ни одна из них не привлекла моего внимания, пока Джек был в комнате.

Глава 6

Когда мы покинули ферму, я покрутила записку Мо между пальцами. Капли утренней росы ещё блестели на листьях, как разбросанные по полю бриллианты.

— 17 июля — Джума (Барака), — сказала я.

Это был первый из стикеров Мо, который не был зачёркнут, и хотя теперь уже август, мы направились туда, где, как предполагалось, она должна была забрать ребёнка по имени Джума. Нам потребовалось полдня, чтобы добраться туда по грунтовым дорогам, которые вились среди высокой жёлтой травы.

Барака представляла собой скопление хижин с соломенными крышами, окруженных кустами терновника и тропинками, которые вели к небольшим полям кукурузы и картофеля. Жители деревни указали нам в сторону хижины Джумы, а затем вышли на улицу, прислушиваясь.

Я пыталась следить за разговором между Джеком и женщиной, которая сидела на корточках у костра, но они говорили быстрыми, короткими фразами на суахили.

К её спине был привязан ребёнок, и она готовила нечто, похожее на густую кашу. Цыплята клевали землю вокруг её ног, в то время как другой малыш спал в углу.

Разговор стал накаляться. Джек сидел рядом со мной на деревянном стуле, его прежняя сердечность исчезла. Он сгорбился, пытаясь поместиться в маленьком дымном пространстве. Женщина, мать Джумы, казалось, уклонялась от его вопросов и игнорировала нас. Было произнесено имя Габриэля. Женщина пожала плечами, покачала головой и развернулась спиной к нам.

— Габриэль уже был здесь? — спросила я.

— По-видимому, он никогда не появлялся, — ответил Джек.

— А Джума? Где он?

Джек послал женщине мрачный недвусмысленный взгляд.

— Она говорит, что не знает.

В этот момент вошёл мужчина и начал с нами разговаривать, он повысил голос и дико размахивал руками.

— Что происходит? — я перевела взгляд с него на Джека.

— Это отец Джумы. Он хочет, чтобы мы ушли, — но Джек не двинулся с места. — Только когда они расскажут нам, где Джума.

Сельчане подглядывали снаружи, пока разговор становился всё громче. Жесткое упорство Джека подпитывало ярость другого человека. Мать Джумы начала рыдать, напугав спящего малыша. Его крики смешивались с её, поскольку мужчины продолжали спорить. Тёмная хижина превратилась в сумасшедший дом с кудахтающими цыплятами, плачем и криком.

— Стоп! — я не могла больше этого выносить. — Всё, просто остановитесь!

Мой протестующий крик был встречен изумлённой тишиной. Думаю, тишина была во всей комнате.

— Пожалуйста, — я встала и сжала руки женщины. — Мы здесь только из-за Джумы. Это то, что вы хотели, не так ли? Поэтому Габриэль и Мо договорились заехать к вам. Чтобы отвезти его в Ванзу. Если вы передумали, просто скажите нам, и мы уйдем.

Она не знала, что я говорила, но пока она смотрела на наши соединённые вместе руки, большие и крупные слезы начали капать вниз на них.

— Джума, — сказала она, её горло конвульсивно сжалось от его имени. Затем она заговорила так, как если бы она так долго сдерживала слова, что не могла остановить их, когда они начали вырываться. Когда женщина закончила, то крепко сжала мои руки и заплакала.

— Джек?

Когда его глаза встретились с моими, в них царил уныние.

— Пойдем. — Он оттащил меня от нее, сжав пальцы вокруг моего запястья. — Нам тут ничего делать.

Он провел меня через дверь, мимо толпы, собравшейся на улице, и направил к машине.

— Что она сказала? — спросила я.

— Садись, — он уже заводил машину.

— Нет, пока ты не объяснишь, что только что произошло в этой хижине.

— Садись в машину, Родел, — прорычал он.

Джек сжал челюсть и смотрел прямо перед собой, не глядя на меня. Это был Джек, которого я встретила на крыльце в первый раз — суровый, отстраненный, неуступчивый.

— Я никуда не уйду, пока ты не ответишь мне.

— Ты действительно хочешь знать? Отлично.

Он хлопнул по рулю обеими руками.

— Они продали его, Родел. Они продали Джуму. Они собирались передать его Габриэлю в обмен на некоторые предметы первой

необходимости, но когда Габриэль и Мо не появились, они продали его кому-то еще. Джумы больше нет.

— Куда? Что ты имеешь в виду, говоря, что они продали его?

— Я имею в виду, что его родители продали его, потому что у них слишком много ртов, чтобы прокормить их. Там двое маленьких и ещё трое в поле. Они пожертвовали одним ребенком, чтобы другие могли жить. Они получили семена для своей фермы, кучу цыплят и достаточное количество еды, чтобы продержаться некоторое время.

— Я поняла, — сказала я, хотя это потрясло меня. Я многое повидала, сопровождая отца в его заграничных поездках. И хорошее, и плохое.

— Это ужасно, что его родители были вынуждены сделать нечто подобное, но Джума в хорошей семье, верно? Я имею в виду, они действительно хотели лучшего для него, раз согласились с тем, чтобы Мо и Габриэль проделали сюда весь этот путь, чтобы забрать его.

— Джума — ребёнок-альбинос. — Джек всё ещё был в ярости. Не разъярённо злой, но разбитый, подавленно яростный. Он выплёвывал слова, словно не мог их удержать. — Мёртвый он стоит больше, чем живой. На альбиносов здесь охотятся ради их частей тела, потому что люди верят, что они обладают магическими свойствами. Ведьмы делают из них талисманы: зубы, глаза, внутренние органы. Рыбаки вплетают волосы альбиносов в рыболовные сети, потому что они думают, что это привлечёт больше рыбы. Политики нанимают охотников на альбиносов, чтобы заполучить их конечности и кровь, чтобы они помогли победить на выборах. Богатые покупатели платят за них большие деньги. Три тысячи долларов за руку или за ногу. Пятьдесят тысяч на все тело, может быть, больше.

Джек посмотрел на меня в первый раз с тех пор, как он вытащил меня из хижины.

— Так что, нет. Джума не в хорошей семье, потому что Джума мёртв.

Его слова были шокирующими. Я знала, что альбиносы находятся в опасности, но предположила, что это произошло из-за того, что над ними издевались, задирали, подвергали остракизму или физическому насилию. Я не представляла себе ничего столь же зверского, как их хладнокровное убийство ради прибыли, жадности и суеверия.

«Некоторые вещи лучше оставить в темноте, которой они принадлежат», — вспомнились мне слова Джека.

Это то, от чего он пытался меня оградить. Я думала, что справлюсь с этим. Я была большой девочкой. Я жила в большом мире. Но в тот момент, в бедствующем поселении Барака, под пылающим жаром

послеполуденного солнца, я почувствовала слабость и головокружение — мне было тошно при мысли об искромсанном маленьком мальчике, преданном его собственными родителями. Я отвернулась от машины и натолкнулась на ближайшую хижину, благодарная за темноту в её тени, которая оградила меня от жителей деревни.

Они все знали.

Сельчане. Джек. Гома. Бахати. Схоластика.

Мо тоже знала.

Намного проще, когда люди думают, что они видят мать *мзунгу* и ребёнка *мзунгу*.

Раз в месяц Мо обеспечивала безопасную транспортировку одного из детей, которых разыскал Габриэль.

Теперь слова стали более понятными. Мо взяла на себя опасную миссию, но она знала.

Её так же вырвало на почву цвета охры, как и я меня? Она также дохромала до стены и упала на землю, когда впервые услышала об этом?

Нет. Мо была сильной. Она всегда была начеку, всегда крепко стояла на ногах. Она не заикливалась на вещах, которые разбивали ей сердце. Как бойфренды, которые изменяли ей, или люди, которые её разочаровали, или события, которые разрушали её иллюзии. Она все принимала, подстраивалась и двигалась дальше.

— Мир разобьёт тебе сердце. Это данность. После того, как ты примешь это, становится легче, — сказала она после особо грубого разрыва отношений.

Что происходит, когда ты хочешь расстаться с миром, Мо? Когда он бросает на тебя что-то такое непростительное, что ты сворачиваешься калачиком в тени грязной хижины и уже никогда не хочешь снова увидеть его лицо?

Ответа не было. Подъехал Джек и стал ждать меня, удерживая машину на холостом ходу. Я устала на колеса, покрытые грязью и пылью за время нашего путешествия, в салоне лежали солнцезащитный крем и закуски для Джумы. Мы заберем их обратно невостребованными.

— Сколько, по-твоему, ему было лет? — спросила я, все ещё сидя на земле. Ему могло быть два, пять, десять, двенадцать.

— Мы никогда не узнаем, — ответил он, усталый и измученный.

— Разве мы не можем пойти к властям? Попросить их что-нибудь сделать?

— Если бы полиция могла что-то с этим сделать, этого бы не случилось. Ты не можешь сражаться с армией безымянных, безликих призраков. Даже если ты догонишь их, они всего лишь посредники, работающие на целителей, которых, в свою очередь, финансируют богатые, влиятельные покровители. Это не человек, с которым ты имеешь дело, Родел, или группа людей, — это образ мышления, менталитет. И это самый опасный враг из всех.

— Значит, мы ничего не сможем сделать? Просто принимаем это и двигаемся дальше? Потому что это не личное? Потому что это нас не касается?

— Да! Да, ты принимаешь это! Так же, как я должен был это принять, — глаза Джека стрельнули в меня обжигающей горечью. — Нет ничего более личного, чем потерять дочь. Ты думаешь, я не хотел наказать людей, ответственных за убийство Лили? Ты думаешь, я не пытался представить себе их лица? Я каждую ночь бодрствую, цепляясь за дым и пепел, вдыхая зловоние собственной беспомощности. Так что не проповедуй мне о равнодушии. И если ты не можешь справиться с этим, то вперед, можешь упаковать свои вещи и вернуться домой, Родел, потому что это не грёбаное чаепитие в колыбели Африки.

Я приподняла подбородок, хотя он дрожал. Джек был единственным, кто потерял кого-то. Я потеряла свою сестру. И по какой-то сумасшедшей иронии судьбы наши пути пересеклись — два человека с еще не зажившим, хрупким горем, брошенные в безнадежную ситуацию, пытаюсь спасти кучу детей, когда мы едва могли удержаться от паники.

Я засмеялась над иронией ситуации. А потом снова засмеялась, потому что начала понимать пустые, безрадостные причины смеха Джека. Но мой смех превратился в тихие, всхлипывающие рыдания. Это был стоицизм, который поразил меня, принятие трагедии — самоубийства или совершенного преступления. Я видела это в глазах Джека, а затем снова в хижине, в глазах матери Джумы. Возможно, когда вы наблюдали как снова и снова лев заваливает наземь газель, когда вы чувствовали, как земля дрожит от миграции миллионов антилоп гну, это происходит естественным образом. Вы подружитесь с непостоянством, мимолетностью и незначительностью. В то время как я некогда лелеяла трагедию, неудачу или разочарование. Я сопротивлялась. Я продвигалась вперед с глубоким убеждением, что счастье — естественное состояние вещей. Я верила в это.

Я хотела уцепиться за счастье, но оно медленно ускользало от меня.

Джек позволил мне поплакать. Он не пытался меня уговаривать или утешать. Меня не торопили, не говорили, чтобы я перестала. Когда я,

наконец, села в машину, он коротко кивнул мне, как, я подозреваю, один солдат кивнул бы другому. Подтверждая уважение, родство, то, что вместе пережили что-то большое и уродливое.

Когда мы въехали в мерцающую синеву туманного горизонта, я мельком увидела его душу. Так много кусочков его были скормлены львам. И также мрачно и горько это изменило его, он был гладиатором, выстоявшим там, где я бы точно упала.

Глава 7

Сквозь острова деревьев акации с плоскими кронами в блекнувшее небо просачивались лучи малинового и фиолетового цвета. Даже когда ночь опустилась на обширные равнины, свет был ослепительным и ясным. Это был Серенгети, регион Африки, простирающийся от северной Танзании до юго-западной Кении. Известный своими великолепными львами и стадами мигрирующих животных, Серенгети охватывал ряд заповедников и природных зон.

— Нам придется остановиться где-нибудь на ночь, — сказал Джек. — Скоро стемнеет. Время свернуть с дороги. В Бараке мы задержались дольше, чем ожидали.

«Из-за моего нервного срыва», — подумала я.

Мы всё ещё были в нескольких часах езды от фермы, проезжая по краю кратера Нгоронгоро^[13], жемчужины Серенгети. Извержение гигантского вулкана произошло около 3 миллионов лет назад, и затем он превратился в кратер глубиной 2000 футов (610 метров). В настоящее время самый большой в мире нетронутый кратер служит одним из самых обширных убежищ для диких животных на земле. В другой раз я, возможно, обратила бы больше внимания на него, но я рассеянно уставилась на расстилавшуюся перед нами дорогу. Я все думала о Джуме и о том, что он всё ещё был бы жив, если бы Габриэль и Мо сделали это, — как мы все связаны странными, таинственными способами. Потяните нить сюда, и там разрушится жизнь.

Джек свернул в палаточный лагерь, когда солнце начало садиться. Знак на въезде гласил: «Роскошные сафари-палатки». Маленькие, тёмные очертания виднелись тут и там, когда автомобиль подпрыгивал на грунтовой дороге, ведущей к ресепшену. Ночи в Серенгети принадлежали животным, и я была благодарна за крепкий, закрытый «Лэндровер» Джека.

— Мы можем что-нибудь поесть? — спросил Джек у стойки, после того как мы зарегистрировались.

— Ужин через пару часов, но в обеденном зале всё ещё есть закуски.

Мы направились к открытому навесу и заняли стол, обращенный к кратеру. Небо на западе становилось бледно-фиолетовым после заката солнца.

— Хотите что-нибудь выпить? — спросил один из сотрудников.

— Чай, пожалуйста, — ответила я.

— «Кока-Колу», — сказал Джек.

— Я сейчас принесу напитки. Здесь нет меню. Пожалуйста, угощайтесь в буфете, — официант указал на стол.

Я не думала о еде весь день, мой аппетит сдерживала зверской реальность того, что я узнала. Но в моём желудке заурчало, когда я подобрала остатки того, что должно было быть послеобеденным перекусом. Бутерброды с огурцом, кексы и сахарное печенье.

— Спасибо, — сказала я, когда официант принес мне чай.

Я усмехнулась, когда Джек вернулся к нашему столу, его тарелка была больше моей.

— Что? — спросил он.

— Ничего, — но даже когда я пыталась сдержаться, что-то вырвалось.

— Что?

— Это, — я подняла чашу и жестом указала в сторону кратера. — Чёртово чаепитие в колыбели Африки.

Сначала он не реагировал. Он просто посмотрел на меня, в шоке от того, что его собственные слова вернулись к нему. Затем его глаза засветились, и потребовалось ещё несколько секунд, чтобы улыбка коснулась остальной части его лица.

Было здорово посмеяться. И Джек смеялся со мной. Его настоящий смех был теплым и глубоким, как неожиданная находка в солнечный день.

— Не только колыбель Африки, — сказал он. — Вполне возможно, колыбель человечества. Одно из древнейших свидетельств существования человечества было найдено там, в Олдувайском ущелье^[14].

Мы смотрели на небо. Оно было темным и настолько огромным, что казалось, что оно может растянуться до бесконечности.

— Зинджантроп, — сказала я. — Щелкунчик^[15].

Джек наклонил голову, оценивая меня.

— Ты полна сюрпризов, Родел Эмерсон.

— Я учитель, — я пожала плечами. — И ты можешь называть меня Ро.

Он отпил своего напитка прямо из бутылки. Кока-кола у кратера.

— Мне нравится Родел, — сказал он. — Я никогда не встречал Родел, которая мне не нравилась.

— Это окольный способ сказать, что я тебе нравлюсь?

Мы оба знали, что он никогда раньше не встречал никого по имени Родел.

— Я не из тех людей, которые ходят вокруг да около. — Он поставил бутылку и пригвоздил меня своими кошачьими глазами. — Ты мне

нравишься. Мне нравится, что ты твердо стоишь на ногах и видишь всё до мельчайших деталей. Мне нравится, что ты можешь упасть, отряхнуть с себя пыль и идти дальше. Мне нравится, что у тебя есть эта... эта врожденная вера. Не важно, насколько тьма поглощает все вокруг, ты будешь тянуться к свету. Мне нравится сидеть за этим столом вместе с тобой, вываливая на тебя своё собственное дерьмо. Прости, если я был резок раньше. Я злился из-за Джумы. На его родителей за то, что они сделали. На обстоятельства, связанные с этим. На тебя за то, что ты привела меня сюда. На себя за то, что я ничего не могу с этим поделать. Я чувствовал себя так же беспомощно, как и в тот день, когда потерял Лили.

Я откинулась назад в замешательстве. Джек Уорден был постоянно меняющейся загадкой. Он одновременно похвалил, извинился и раскрыл душу, с прямотой и искренностью, из-за которых я просто потеряла дар речи. Мои эмоции рядом с ним постоянно менялись, независимо от того, был ли он счастлив, сердит, грустен или сокрушен.

— Я поняла, — ответила я. Это всё, что я могла сделать. Я не поняла точно, что я просила его сделать, но было ясно, почему он закрылся от меня в первый раз. Последнее, что нужно было Джеку, это чтобы кто-то стучал в его дверь, прося его взять на себя ответственность за жизнь другого ребенка, когда он считал, что не справился со своим собственным. Какой человек снова охотно столкнется с реальностью своего худшего кошмара?

Мы закончили есть в полной тишине.

Сторож с ружьем и фонарём привёл нас к нашей палатке. Это была обычная для любого кемпинга палатка средних размеров. Она размещалась на больших деревянных поддонах, с высоким потолком, поддерживаемым деревянными балками. В ней были две кровати с маленькими прикроватными тумбочками, сундук с одеялами и шкаф, чтобы повесить нашу одежду. Межкомнатная дверь привела в небольшую, но функционирующую ванную.

— Ужин через час. Посигнальте мне своим фонариком, когда вы захотите быть сопровождаены в столовую, — сказал охранник.

— Не думаю, что смогу снова есть, — сказала я, когда он ушёл.

— Ты можешь передумать. Здесь нет торговых автоматов, если ты проголодаешься посреди ночи, — Джек сбросил ботинки и откинулся на кровать.

Когда они сказали нам, что осталась только одна палатка, я не думала, что это будет проблемой, но маленькое пространство, казалось, еще больше уменьшилось от присутствия здесь Джека.

— Я пойду и немного освежусь. — Я схватила сумочку и скрылась в ванной.

Но вышла оттуда через две минуты и направилась к выходу.

— Что ты делаешь? — Джек наблюдал, как я пыталась отодвинуть полотно, закрывающее вход.

— Туалет не смывается. Я дам им знать.

— Ты не могла бы просто зайти внутрь, Родел. Это место не огорожено, а это значит, что вокруг него ходят дикие животные. И это не автоматический туалет. Тебе нужно налить воду в бак, когда ты хочешь смыть.

— Ах. Ладно, — я вернулась в ванную и огляделась. — Эмм... Джек?

— Да?

Я испугалась, обнаружив его прямо позади себя.

— В раковине нет никакого крана.

— Ты берешь воду отсюда, — он поднял лоскут и указал на ряд ведер, наполненных водой, затем снял крышку с унитазного бачка, налил в него воду и покраснел.

Если я подумала, что он занял всё пространство в палатке, то в тесной ванной я едва могла дышать. Было что-то такое в Джеке, что коснулось границ моего сознания, — как он двигался, как сжались его руки, когда он поднял ведро. Он излучал жар и тепло. Но это был просто Джек. Я была уверена, что это была реакция, которую он вызывал у большинства женщин, — случайный взгляд, за которым следовала пауза и признание чего-то столь великолепного, каким бы мимолетным оно ни было. Я смогла бы на него не реагировать только в том случае, если бы была глубоко под землей, покоилась в могиле. Дело не только в том, как он выглядел. В нем было что-то ещё. Солидность. Сдержанность. То, что луна делает с приливами, привлекая к волнам больше внимания. Джек может вызвать у вас мурашки, просто пройдя мимо. Я содрогнулась при мысли, на что это будет похоже, если он намеренно решил уничтожить тебя.

— Спасибо, — пробормотала я, возвращая пустое ведро. — Думаю, что сейчас я могу принять душ.

Я практически вытолкнула его из двери. Мне нравились мурашки, бегущие по коже, но я любила их на своих условиях. И эта ситуация была не подходящей для мурашек на коже. И это уж точно не был мужчина, от которого я должна была чувствовать мурашки на коже.

Я была на половину раздета, когда поняла, что в душе нет кранов. И насадки душа. Просто сток в полу.

Чёрт.

Я обратно натянула свой свитер и открыла дверь.

Джек стоял там, сложив руки, прислонившись к перекладине, как будто ждал меня.

— Это вёдерный душ, — объяснил он, предвосхищая мой вопрос.

— Нет горячей воды?

— Только утром. Но они нагреют для нас воду, если мы попросим об этом.

— Я могу подождать. Сегодня я просто оботрусь влажной тканью.

Я снова закрыла дверь и услышала, как удаляются его шаги.

Когда я вышла, то схватила одеяло и обернула его вокруг себя. Было здорово избавиться от въевшейся в кожу грязи и пыли, но вода была холодной, температура упала, и я замерзала.

— Всё в порядке? — Джек открыл один глаз. Он лежал на животе полностью одетый под одеялом.

— Ага.

— Холодно?

— Нет.

— Хочешь пойти на обед?

— Да. — Чтобы только согреться в нагретой столовой. — Мы можем пойти сейчас?

— Так быстро проголодалась? — в его голосе был слабый намек на улыбку.

— Умираю от голода, — ответила я.

Джек посигналил сторожу своим фонариком.

— Сейчас.

Он снял свою толстовку и накинул её мне на плечи, когда мы вышли на улицу.

— А как насчет тебя? — спросила я, погружаясь в его тепло. Толстовка пахла им, и я нашла этот запах успокаивающим.

— Я не так голоден, — сказал он.

Смешок возник и застрял у меня в горле. Джек зацепился за тот факт, что я не собиралась признаваться, что мне холодно, и поэтому подыграл мне.

Я подавила смешок, потому что не могла позволить себе испытывать чувства к Джеку Уордену. Только не в этой ситуации. В обеденной зоне были установлены столы для ужина, соответствующие числу палаток. Джек и я оказались за одним столом с пожилой парой.

— Привет, я Джуди. А это мой муж, Кен, — сказала женщина. У неё были платиновые светлые волосы, и она была одета в платье с ярким

рисунком.

— Я Родел.

— Джек.

Мы пожали друг другу руки, прежде чем занять свои места.

— Я заметила британский акцент? — спросила Джуди, когда появилась закуска

— Да. Я из Котсуолда, — ответила я.

— Но ты — нет, — заметил её муж, обратив внимание на загорелую кожу Джека. У него были серебристые волосы и глаза, блестящие, когда он говорил.

— Нет. Я родился здесь, — ответил Джек.

— Ну, приятно видеть пару, которая не позволила небольшому расстоянию встать на их пути.

— О, мы не... — я показала между Джеком и мной.

— Мы не вместе, — сказали мы одновременно.

— Именно это я всё время говорила, не правда ли, Кен? — засмеялась Джуди. — Мы не вместе, мы не вместе.

— И вот мы здесь, — сказал Кен.

— Спустя сорок лет.

— Только потому, что ты хочешь увидеть мир, и нужен кто-то, чтобы носить твои сумки.

— Мы собираем безделушки со всего мира для нашего винтажного магазина в Канаде, — объяснила Джуди.

— Место называется Гамильтон.

— Это возле Ниагарского водопада.

— Заходите, если вы когда-нибудь будете в этом районе.

— Он называется «У Кена и Джуди».

Они прекрасно дополняли предложения друг друга и развлекали нас своими рассказами весь оставшийся вечер. После того, как они ушли, мы с Джеком послонялись вокруг, наблюдая, как мерцающие фонари качаются на ночном ветру.

Сторож не нуждался в своём фонарике, чтобы показать нам дорогу обратно в палатку. Кто-то разжёг небольшой костер в центре полукруга из палаток. Несколько гостей сидели на одеялах, в то время как один из охранников играл на гармонике.

— Задержитесь ненадолго! — Джуди похлопала по пустому одеялу рядом с собой. — В палатках нет отопления.

Я пробралась через небольшие валуны вокруг круга из гостей и села рядом с Кеном и Джуди. Джек последовал за мной, заняв свободное место

возле меня. Россыпь звёзд повисла над нами в бархатном небе. Огонь трепетал, как глаза леопарда в ночи, напоминая мне о древних людях, которые приходили и уходили в холмистые луга и вулканические возвышенности вокруг нас.

Я разомлела от тепла огня. Гармоника играла долгими, медленными переливами, убаюкивая мои чувства. Другой охранник начал бить в барабан с тем же неспешным ритмом. Кен и Джуди поднялись и стали покачиваться под музыку. Пара, сидящая рядом с ними, передала мне трубку.

— Что это? — спросила я.

Они что-то сказали, но не на английском.

В другой раз я бы отказалась, но мысли о Джуме, Мо и Лили начинали заполнять мою голову. Я сделала глубокий вдох какого-то облачка дыма и вернула им трубку. Это согрело мои легкие и оставило древесный, вязущий вкус во рту. Мы сделали пару кругов, обмениваясь трубкой.

Древесный дым, мягкие голоса, угасающий свет, скользящий по блестящим лбам, легкое тепло, холодные звёзды — все это соединилось в пульсирующее волшебство ночи. Музыка проникла мне под кожу, её пьяные нотки неслись по моим венам. Долина задрожала, небо осветилось пламенем. Я чувствовала себя как забытая галактика в обширной вселенной, как будто я собиралась уплыть.

— Потанцуй со мной, Джек, — я схватила его за руку. Она тяжело повисла, пока я не встала и не потянула её.

Я не могла вспомнить, когда танцевала в последний раз, не говоря уже о том, чтобы попросить кого-то потанцевать со мной. Было приятно находиться в объятиях Джека, передвигаясь вокруг огня в его теплых руках, обнимающих меня за талию. Я положила голову ему на грудь и услышала бой барабана в его сердце. Я чувствовала себя, как оракул, прислушивающийся к нему. Оно сказало мне, что я в равной степени часть земли и звезд, состою из равных частей тела и души. Я надеялась. Я была стихийным бедствием. Я была любовью. Я была предрассудком. Я была моей сестрой. Я была его дочерью. Я была Джумой. Я была *Джеком*, *Джеком*, *Джеком*.

— Мне нравится, как бьётся твоё сердце, — сказала я. — И мне нравится, как ты произносишь моё имя. Родел. От этого я чувствую себя красивой.

— Ты красивая. — Он сделал паузу в середине шага, как будто я сбила его с ритма. Он осторожно поднял мой подбородок и стал наблюдать за игрой золотого света на моем лице. — Ты безумно красивая.

Это были не те слова, которые я бы использовала, чтобы описать себя, но в тот момент я ему поверила. Я чувствовала себя безумно красивой, хотя на мне не было ни капли макияжа, одежда была помятой, а на ногтях не было маникюра. Я верила ему, потому что он сказал это, как простое наблюдение, которое, казалось, удивило его. Словно он только что заметил это сам.

Кровь бросилась к моим щекам, губам, дугам бровей, кончику носа — везде, где его глаза обжигали мою кожу.

— Нет, — я отвела свой взгляд. Было неправильно чувствовать себя такой живой, неправильно чувствовать этот всплеск волнения. — Мо была красивой. И веселой. И смешной. Я скучаю по ней. Так сильно.

Джек не сдвинулся с места, но казалось, как будто мы оба отступили от того, что мгновенно вспыхнуло между нами, вместо этого превращаясь в наши личные мысли, наше личное горе. Пока мы покачивались в тишине, я обнаружила, что глубоко погружаюсь в комфорт его рук. Он был таким тёплым — теплее, чем огонь.

— Это Бахати смеется? — пробормотала я, прижав щеку к его груди. Джек был высоким, самым высоким парнем, с которым я когда-либо танцевала. — Что он здесь делает?

— Я не знаю, что ты курила, Родел, но это не Бахати. Это гиена. Где-то там, — он рассмеялся.

— Мне нравится, когда ты смеешься. Я имею в виду, когда ты действительно смеешься. Это начинается здесь, — я коснулась его горла. — Но я чувствую это здесь, — я растопырила свои пальцы на его груди.

Мы оба это почувствовали — вспышку чего-то дикого и взрывоопасного, как мерцающие угли, выпрыгивающие из костра. Наши глаза встретились, и Джек потупился, каждый мускул на его сильной груди сжался в сильном напряжении. Его грудь под моей рукой была горячее, как будто все наши чувства слились там, в палящем, расплавленном беспорядке. Затем он прочистил горло и отошёл.

— Я думаю, нам лучше уложить тебя в постель, — сказал он.

Я кивнула, чувствуя, как будто находилась в зыбучих песках. Мои ноги дрожали, а сердце колотилось. Должно быть, это было из-за той трубки, потому что я стояла там вялая и опустошённая, как тушёная лапша.

Я не могла вспомнить, сама ли я дошла или Джек отнес меня назад, но помнила, как он уложил меня в постель и плотно завернул в одеяло.

— Спокойной ночи, Родел.

— Спокойной ночи, *Джек, Джек, Джек, Джек.*

Я слышала мягкий стук его ботинок и скрип постели. Стрекотание ночных жуков и пьяное тепло костра почти усыпили меня, когда я услышала громкий рёв.

— Это лев? — пробормотала я. Похоже, что это было за пределами нашей палатки, но я слишком устала, чтобы по-настоящему испугаться.

— Да. Но это не так близко, как кажется. Рёв льва разносится на большое расстояние.

— Они это делают?

— Что делают?

— Муфаса, — я зевнула. — Вот почему он грёбанный король джунглей.

— Муфаса?

Я повернулась к нему лицом, но сползала в глубокий туман сна.

— Не имеет значения.

Я слышала, как Джек хмыкнул в темноте.

— Ты заставляешь меня смеяться, Родел, — сказал он мягко. — Я не смеялся долгое, долгое время.

Глава 8

Когда я распахнула глаза, было ощущение, словно в них насыпали песка. Потребовалось время, чтобы сосредоточиться на балках, проходящих через потолок. У меня во рту был горький привкус, а язык, казалось, покрыт толстой шерстью. Что-то было не так.

Потом я вспомнила. Палатка. Трубка. Танцы с Джеком. Огонь. Барабаны. Его сердцебиение. *Джек, Джек, Джек, Джек*. Что-то ревело между нами.

Я перевернулась на бок и застонала. Я была с похмелья от того, что что-то курила.

— У тебя все в порядке? — голос Джека был хриплым и грубым.

Мы лежали в наших кроватях, лицом друг к другу.

— Я в порядке, — мой ответ вышел, как будто я вдохнула гелий. Не каждый день я просыпалась в одной комнате с большим бородатым мужчиной. Или среднего размера мужчиной. Или с кем-то, у кого может вырасти щетина за ночь.

Бледный свет играл в его волосах, придавая им мягкий голубоватый оттенок. Одна его рука была под подушкой, а другая свисала с кровати, его пальцы были достаточно близко, чтобы прикоснуться к моим. Даже сквозь все слои материала было легко разглядеть подтянутое тело Джека.

Когда вернусь домой, я собираюсь жить жизнью, которую себе пообещала. Встречаться с горячими мужчинами. Свидания. И много-много секса. Я была не настолько неопытной, когда дело касалось действий рядом с горячим мужчиной.

— *Сейчас ты дело говоришь!* — слова *Мо* раздалась у меня в голове.

— *В самом деле? И именно сейчас ты решила появиться? Когда у меня полно непристойных мыслей?*

— *Ты мне должна. ПО-КРУПНОМУ. У тебя никогда не было интересных историй, чтобы поделиться, когда я была рядом.*

— *Ну, ничего интересного здесь прямо сейчас не происходит.*

— *Еще нет.*

— *Мо! Он потерял дочь, а я всё ещё переживаю из-за тебя.*

— *И что? Нет ничего более жизнеутверждающего, чем секс.*

— *Ты же знаешь, что меня не интересует быстрый перепих на сеновале.*

— Нет. Ты хочешь больше. Ты всегда хотела большего. Но ты не всегда получаешь то, что хочешь. Иногда ты получаешь именно то, что тебе нужно. И, Боже мой, посмотри на него! Не говори мне, что ты не хочешь кусочек этого.

Я вздохнула и закрыла глаза.

— Скажи мне кое-что, Мо. Мы на самом деле говорим об этом или это плод моего воображения?

— Как будет угодно твоей душе.

— Ты абсолютно не помогаешь.

— В любое время, сестренка.

Тугой узел застрял у меня в горле. «Я скучаю по тебе, Мо».

Нет ответа.

— Родел? Ты уверена, что с тобой все в порядке?

Я открыла глаза.

Джек смотрел на меня через небольшое пространство, разделяющее наши кровати.

Я кивнула и вытерла побежавшую слезинку.

— Просто один из тех моментов.

Он не отводил своих глаз от моего лица, и мне было странно комфортно при этом, когда он видел ту часть меня, которую больше никто не видел. Он был настолько знаком с потерей, что делить это с ним не казалось чем-то чуждым. В его взгляде было принятие, понимание, которое ободрило и поддерживало меня. Возможно, он нашёл то же самое во мне, потому что его лицо смягчилось — расслабилась линия губ, рот слегка приоткрылся.

Лязг чего-то снаружи разрушил этот момент.

— Я думаю, они просто принесли горячую воду, — сказал он. — Ты хочешь принять душ сейчас?

— Это было бы чудесно.

Но никто из нас не пошевелился. Мы лежали в течение нескольких мгновений, в то время как вода остывала снаружи, поднимаясь в виде облачков пара в холодное утро. Мы нашли уединенное место, где все призраки в наших разумах спали, и мы были единственными, кто проснулся.

Затем Джек моргнул, и этот момент закончился. Я наблюдала, как он принес ведра и занес их в ванную. Я пошла первой, убедившись, что оставила достаточно горячей воды для него. Опять же, может, и нет. Понадобится чертовски огромное количество воды, чтобы он смог

помыться.

Я вышла из палатки, пока он мылся. Тусклое солнце только проглядывало на горизонте. Всполохи розовых облаков прощались с перламутровой луной. Охранники исчезли, поэтому я подумала, что днём здесь безопасно. Лагерь был построен на краю кратера, с широким обзором пейзажа внизу. Сохраняя приличное расстояние от края, я посмотрела вниз и увидела мозаику из цветов на травянистых равнинах. Пока я смотрела, они менялись и двигались. Потом я поняла, что они были стадами гну и зебр, пасущимися на дне кратера. Они были едва различимы с этой высоты, как блоки маленьких марширующих муравьев.

Это было красивое, почти сюрреалистическое зрелище. Я подкралась ближе, но толстые облака, которые летели с края и покрывали кратер, закрывали мне обзор. Воздух был заметно холоднее, и на моем лице были мелкие капли дождя. Я застегнула толстовку Джека и направилась обратно в палатку.

Я ушла не слишком далеко. Всё стало пасмурным и серым. Туман клубился вокруг меня в дымчатом водовороте, давая слабый обзор, прежде чем снова сомкнуться. Я прошла в одну сторону, увидела кого-то и начала идти в этом направлении. Через несколько минут я полностью потерялась и была полностью дезориентирована. Я не знала, иду ли я к кратеру или от него.

— Эй? Кто-нибудь меня слышит? — мои волосы прилипли к голове, когда я протянула руки, пытаясь вырваться из тяжелого серебряного лабиринта.

Что-то переместилось передо мной.

— Джек? Это ты? Кто там? — я повернулась, чтобы проследить за движением.

Гигантская темная фигура выросла передо мной. Она имела призрачные очертания человека, но с непропорционально вытянутыми руками и ногами. Её голова была окружена мерцающим кольцом, как туманный радужный ореол.

Я моргнула, почти уверенная, что вообразила это нервное видение, но оно было там, как есть, капельки воды стекали по моей коже. Я сделала шаг назад, и оно двинулось со мной.

«Ублюдок».

Я повернулась и бросилась вслепую, спотыкаясь на неровной земле. Я подумала, что услышала своё имя, а затем позади услышала тяжелые шаги. Я увеличила темп, двигаясь на большой скорости от адреналина, но все бес толку. Сильный захват сжал моё запястье и развернул меня.

— Какого черта, Родел? Разве ты меня не слышала? Почему ты бежишь?

— Джек! — я издала мягкий вздох. — Слава Богу. Эта штука.

Я посмотрела через его плечо, моя грудь вздымалась.

— Ты видел? — я отошла от него подальше, ища призрака.

— Послушай меня, — он с такой силой притянул меня назад, что я врезалась в него. — Перестань двигаться. Ты меня слышишь? Прекрати. Чертово. Движение.

Резкость, прозвучавшая в его голосе, остановила мои шаги.

— Ты была так близко к краю, — он оставил дюйм между большим и указательным пальцами, — так близко. Что, черт побери, ты делаешь?

Он был в ярости, его лицо превратилось в гневную маску.

— Послушай меня! — я отдернула руку, моё сердце всё ещё сжималось от страха. — Я что-то увидела. Призрака. Темную фигуру. Я не знаю, что это было, но оно следовало за мной.

Джек провёл рукой по волосам. Они были влажными от тумана. Или, может быть, после душа. Его волосы были темнее, когда они были мокрыми, их концы закрутились на приличную длину.

— Оно было большим? — спросил он. — Длинные руки, длинные ноги?

— Да.

— Радужные цвета вокруг его силуэта?

— Вокруг его головы. Да.

Он глубоко вздохнул.

— Родел?

— Что?

— Не уходи без меня, хорошо?

Он начал удаляться от меня. Казалось, он точно знал, куда шел.

— Подожди, — я не собиралась терять его из виду. — Ты собираешься рассказать мне, что это было?

— Мы поговорим внутри.

Я последовала за ним в столовую и подождала, пока мы не сядем.

— Как ты это сделал? — спросила я, после того как официант принес нам еду.

— Сделал что?

— Нашёл меня. А потом нашёл столовую в тумане.

— Когда ты проводишь много времени в дикой природе без ориентировочных знаков, зданий, без дорожных указателей, ты научишься держать всё здесь, — он постучал себя по виску. — Сколько шагов, в каком

направлении. Что касается тебя, то я просто следовал за твоим голосом и шагами. Это не сложно, если знаешь, за чем следуешь. Я просто не ожидал, что ты начнёшь бежать к скале.

— Это было оно, — меня охватила дрожь, которая не имела никакого отношения к холоду. — Что, чёрт возьми, там было Джек?

— Ничего, — он намазал кусок тоста и передал его мне. — Ты только что стала свидетелем оптической иллюзии под названием «Брокенский призрак»^[16].

— Сломанный что?^[17]

— Брокенский призрак. Б — Р — О — К — Е — Н — С — К — И — Й. Это была твоя собственная тень, спроецированная перед тобой сквозь туман.

Он откусил свой тост и запил его глотком колы.

— Это не было тенью, Джек. Оно было огромным, и вокруг него были эти цветные огни.

— Я видел его, — Джек кивнул. — Однажды. Во время восхождения на Килиманджаро. Это происходит не слишком часто. Только при определенных условиях. Солнце должно быть позади, низко над горизонтом, чтобы отбросить эту тень. Радужный цвет ореола создается светом, рассеянным сквозь облако капель воды. Глубинное восприятие изменено туманом, поэтому оно кажется отдаленным и намного больше, чем ожидалось.

— Но оно двигалось. Я имею в виду, не просто со мной. Оно тоже это делало, но это было так... это было не просто темным и ровным, как тень. Он менялся.

— То, что мы не понимаем, всегда пугает нас.

— Да, но теперь, когда я знаю, что это, я считаю это довольно красивым. Я имею в виду, я была чем-то большим на мгновение. С самыми длинными руками и ногами, всё было в пределах моей досягаемости. И давай не будем забывать о моём захватывающем радужном ореоле. Я могу выглядеть обыденно, но я чертовски волшебна!

Джек улыбнулся и посмотрел на меня над своими соединёнными пальцами.

— Что? — спросила я, ковыряясь в своей тарелке.

— В тебе нет ничего обычного. Я думал, что мы выяснили это вчера вечером.

Я покраснела, вспомнив его слова. «*Безумно красивая*». Несмотря на туманность прошлой ночи, этот момент всё ещё был ярким. И

сумасшедшая вещь, единственная, которая имела значение, заключалась в том, что он имел в виду это обо всей мне — не только то, как я выглядела.

— Должен признаться, — продолжал он, — я в какой-то степени рад, что ты так перепугалась.

— Это ужасно. Почему тебе нравится что-то вроде этого?

— Иногда нам нужно быть выбитыми из нашей собственной реальности. Мы так сильно опираемся на чужие представления о нас. Мы живем для комплиментов, одобрения, аплодисментов. Но что на самом деле нам нужно, так это грандиозная, тревожащая встреча с самим собой, чтобы поверить, что мы чертовски волшебны. И это — лучший вид веры, потому что никто не может взять эти слова назад или отнять у тебя.

Я кивнула и отхлебнула чай.

— А как насчет тебя, Джек? Ты веришь в свою собственную магию?

— Я перестал верить, — сказал он. — После Лили.

Он уставился в серое пространство кратера.

— Все Брокенские призраки для меня теперь являются тёмной проекцией самого себя. Уродливые. Жуткие. Искажённые. Это то, что делает мир, понимаешь? Он меняет тебя, пока ты не сможешь узнать себя.

Моё сердце сжалось от боли, которая мелькала в его глазах.

— Ты хороший человек, Джек, — сказала я. — Ты спас мою жизнь сегодня. Я могла бы оказаться на дне этого кратера, если бы ты не появился тогда, когда ты это сделал.

Его глаза вернулись ко мне, как будто он был далеко, и я просто вернула его назад.

— Что ты делала так близко от края?

— Я смотрела вниз, за край. Это было красиво. Животные, озеро, лес. Это было до того, как появился туман и скрыл всё.

— Ты должна увидеть это поближе, прежде чем мы уйдём. Сделай это сейчас. Никогда не знаешь, если мы снова пройдем этим путём.

Я кивнула. Несколько недель назад я понятия не имела, что принесёт эта поездка. Новые лица, новые места. Через несколько недель все они останутся позади. Я почувствовала укол боли, но на этот раз он не имел никакого отношения к Мо.

— Что-нибудь слышно от Гомы? — спросила я.

Джек попросил Бахати остаться с Гомой и Схоластикой, пока мы были в отъезде. После того, что случилось с Джумой, я поняла, почему. Я подумала об обнесенном стеной периметре дома Габриэля в Рутеме, битом стекле сверху, наспех брошенных качелях.

Они не могли гарантировать её безопасность, так сказала Анна, сестра

Габриэля, объясняя, почему Схоластика не ходила в школу. Я списала это на то, что дети были злыми, потому что она была другой, но это было намного бóльшим, чем я предполагала.

И теперь я была ответственна за то, чтобы Схоластика была в безопасности, и я втянула Джека, Гому и Бахати в это.

— Здесь ужасная сотовая связь, — сказал Джек. — Мне придется воспользоваться стационарным телефоном на стойке регистрации. Я дам знать Гоме, что не следует ожидать Джуму. У тебя есть что-нибудь в комнате?

Я покачала головой и похлопала по своей сумочке.

— Хорошо. Оставайся, заканчивай завтрак. Я пойду и выпишу нас.

Когда он вернулся, я разговаривала с Кеном и Джуди. Туман поднимался, и гости медленно перемещались в столовую.

— Если ты хочешь увидеть кратер, нам нужно выдвигаться, — сказал Джек.

— Слушай этого человека. Он знает, о чем говорит, — Кен налил чай себе и Джуди. — Вчера у нас был поздний старт, и было полно машин.

— Вот, — Джуди протянула мне визитную карточку. — Если вы когда-нибудь окажетесь в нашем уголке мира и все еще «не вместе».

Она сделала жест рукой, произнося «не вместе».

— Спасибо, — я засмеялась. — Наслаждайтесь остальной частью вашего визита.

Мы попрощались и направились к кратеру. Джек остановился у ворот, чтобы проследить за разрешениями и документами.

Когда мы поехали по извилистой дороге, которая спустилась в кальдеру, облака, покрывающие жерло, уступили место резкому сюрреалистическому ландшафту. Туман рассеялся, и мир снова приобрёл краски. Первые животные, которых я заметила, были...

— Коровы? — я удивленно повернулась к Джеку.

Красные клубы пыли на мягких пастельных лугах отмечали линию крупного рогатого скота, медленнодвигающегося вниз по крутой узкой дорожке на дно кратера. Тощая фигура направляла своё стадо в львиную обитель.

— Масаи, — объяснил он. — Они могут свободно перемещаться по заповедной зоне Нгоронгоро, но они не могут жить в кратере, поэтому перегоняют свой скот, чтобы пасти его здесь. Они должны ежедневно входить и выходить.

— Но что произойдет, если на него нападут? Или на одну из его коров?

— Крупный рогатый скот — величайшее богатство Масаи. Масаи

сделает всё, чтобы поддержать или защитить свой скот. Он обучается этому с малых лет. Когда ребенок проходит окончательный тест на храбрость, он зарабатывает себе имя воина. Убийство льва было последним этапом в обряде, чтобы стать воином, но всё изменилось. Появились правительственные правила и положения, которые должны соблюдаться. Тем не менее, там, — Джек жестом указал на одинокого человека, движущегося под звон коровьих колокольчиков с копьем в руке, — это настоящий воин.

— Это то, что делал бы Бахати, если бы он жил здесь? Бахати — это его имя воина? — спросила я, когда мужчина остался позади нас.

— Бахати — его прозвище. Он никогда не получал имя воина.

— Что случилось? Он сказал мне, что его семья отреклась от него, но он не сказал, почему.

— Это то, о чем ты должна спросить его, — Джек переключил передачу, когда мы достигли дна кальдеры^[18].

Участки леса шли по краю вокруг крутых утёсов, создавая резкий контраст с морем травы, пятнистыми стадами пасущихся буйволов. Зоркие стервятники высматривали добычу с высоты. Пугливый бородавочник пробежал по равнине, его хвост был поднят в вертикальном положении, пучок из щетинок на его конце развивался, как маленький чёрный флаг. Страусы рассматривали нас яркими глазами, их лысины поднимались и опускались. Вид был неизменным и чётким на многие мили.

Я сделала глубокий вдох. Так много земли. Так много неба. Огромного и бесконечного. Это было завораживающе и впечатляюще, как будто крыша была поднята, и я могла видеть рассвет мира.

«Это прекрасно, Мо, — подумала я. — Я бы хотела приехать сюда, когда ты попросила меня. Пока ты всё ещё была здесь».

— Там.

Джек выключил двигатель и указал на что-то позади нас в высокой золотой траве.

У верхушки травы произошло почти незаметное движение. Затем трава покачнулась, и выскочил, хлопая по бокам хвостами, прайд львов, они пошли вниз по дороге, по направлению к нам. Я наблюдала за их приближением в зеркале заднего вида и затаила дыхание, когда они прошли мимо нас большими, мощными шагами. Там было десять львов, включая двух самцов с густыми черными гривами. Их массивные мягкие лапы ступали бесшумно, когда они проходили мимо машины. Один из детенышей отделился, но его мать пошла за ним. Она подняла его за загривок и не отпустила даже после того, как они догнали остальной прайд.

Он качался взад-вперед, свисая из её пасти, мяукая извинения.

— Не очень величественные проводы для принца, — засмеялась я, когда львы снова вошли в кусты.

— Это были я и Гома, когда я был маленьким, — сказал Джек, заводя машину. — Я всегда гонялся за чем-то, и она всегда возвращала меня назад.

— Что случилось с твоими родителями?

— Мой отец любил летать. Родители возвращались домой, когда их двухместный самолёт разбился. Мне было семь. Гома заперлась в своей комнате на неделю. Когда она вышла, она была такой же сильной. Хотя иногда я думаю, что это было больше для меня. Она не могла позволить себе расклеиться. Как я сделал с Лили.

«Она не винила себя за то, что случилось с ее сыном, как ты это делаешь из-за Лили», — подумала я, но держала язык за зубами.

— Твоего дедушки не было рядом?

— Он умер до моего рождения, но я чувствую, как будто знал его. Вероятно, из-за рассказов Гомы о нём. Я думал, что она их выдумывает, но я все ещё встречаю людей, которые говорят о нём. Он был больше, чем жизнь. Экстраординарный человек.

Мы проехали стада гну и зебр. Джек объяснил, что зебры пасутся на более скудных участках растительности, в то время как гну предпочитают более плодородные части, поэтому они были вместе. Совместное скитание по равнинам усиливало защиту от хищников, а полосы зебры запутывали больших кошек.

— Там, где мы видим белое и чёрное, лев видит только узорчатые полосы, потому что он почти дальтоник. Если зебра стоит неподвижно в волнистых линиях травы вокруг неё, лев может совершенно не замечать её.

Меня всегда привлекали мужчины, у которых были мозги, подкреплённые мускулатурой. Джек идеально отвечал всем требованиям, но я только наполовину слушала его слова. Меня очаровал его голос. Он не говорил много, но здесь, в огромном, свободном пространстве, он, казалось, открывался мне. И его голос был восхитителен. Это заставило мою кожу вибрировать, как камертон^[19] — идеальный шаг, идеальный тембр, так что крошечные волоски на моей шее вставали дыбом. Я хотела, чтобы он продолжал и продолжал.

Может, он почувствовал изменение в воздухе, потому что замолчал и посмотрел на меня. Прямо на меня. И в этом не было мягкости его утреннего взгляда. Все было иначе. Сердце билось по-другому.

Существует негласное правило о том, как долго вы можете так смотреть на другого человека. Никто этого не говорит, но мы все это знаем.

Существует быстрый взгляд, которым мы окидываем незнакомцев, признание, которым мы обмениваемся с людьми, которых мы знаем, шуточки, безмолвное согласие, влюблённый взгляд, родительское беспокойство. Наши глаза всегда разные, всегда говорят. Они встречаются и отворачиваются, тысячи нюансов выражаются без слов. И потом есть ещё *это*. Что-то происходило между Джеком и мной в середине этой древней кальдеры. Возможно, это было потому, что мы не знали точно, где наше место, — два человека, связанные солнечным трагическим днем, отступающие от края притягательности жизни, которые были океанами, дыханием, которое задержалось в пространстве между нами.

Джип с включённой на полную громкость музыку пронёсся мимо нас, оставив на лобовом стекле мелкую пыль. Джек отпрянул и завел машину.

— Они начинают заезжать. Мы должны отправиться к озеру до того, как оно станет слишком переполненным. В центре кратера есть соленое озеро, не слишком далеко.

Я выдохнула и кивнула. Что-то всегда потрескивало между нами, пребывая в нетерпеливом ожидании, некие вспышки огня. Это не то, чего хотел бы один из нас, и поэтому мы держали дистанцию и прибегали к отвлечению внимания.

Я смотрела в окно на стада буйволов, настолько прирученных, что они не сдвинулись с места, когда мы проезжали мимо.

— Они одни из «большой пятерки», — сказал Джек.

— Большая пятерка?

— Львы, леопарды, слоны, носороги и буйволы. Их называют Большой пятеркой. Это термин, возникший у охотников на крупного зверя. Это не имеет никакого отношения к их размеру, а потому что они были самыми жестокими и опасными животными для охоты. Теперь сафари здесь считается не законченным без обнаружения всех пяти.

— Пока я видела двух. Льва и буйвола.

В тот момент я скучала по Мо настолько, что вдруг стало тяжело дышать. Я была настолько увлечена своими целями, что позволила ускользнуть важным вещам. У меня был свой коттедж, но у меня никогда не будет воспоминаний о сафари с Мо.

— Я уверен, что ближе к лесу мы увидим слонов, но леопарды, как правило, стесняются, а число носорогов сократилось из-за браконьерства, — сказал Джек. — Рога носорогов пользуются большим спросом, в основном из-за мифа об их лекарственной ценности. Правда же такова, что вы с таким же успехом можете погрызть свои собственные ногти.

— Рога носорогов. Части тела альбиносов. Ты когда-нибудь задумывался, откуда берутся эти мифы и как они набирают силу?

— Мы все хотим волшебства, Родел. Мы хотим проснуться богатыми. Или здоровыми. Или красивыми. Мы хотим заставить человека, которого мы любим, остаться с нами, жить с нами, умереть вместе с нами. Мы хотим этот дом, ту работу, продвижение вперёд. И поэтому мы создаем мифы, мы живём ими, и мы в них верим. Пока не появится что-то лучше, что-то, что нам лучше подходит. Истина в том, что мы с тобой сами создаем мифы. С Схоластикой и другими детьми. Мы думаем, что если мы доставим их в Ванзу, мы их спасём. И да, им там будет безопаснее, но это всё равно ложь. Потому что они будут отрезаны от остального мира. В конце концов, им придется уйти, и мир по-прежнему будет миром. Они должны быть лучше подготовлены, чтобы справиться с этим, не так уязвимы, но они всё равно будут мишенями.

— Я знаю, — я проследила за стремительным полётом яркой райской птицы, прежде чем повернуться к нему. — Я знаю, что это не решение. Ничто не изменится, пока суеверия о них не исчезнут. И кто знает, когда это будет? У меня нет ответов, Джек, но иногда единственные вещи, которые удерживают нас от падения с обрыва, — необходимая ложь. Так мы говорим себе, чтобы мы могли продолжать двигаться вперед.

— Необходимая ложь, — повторил Джек. Он оторвал взгляд от дороги и посмотрел на меня.

Внезапно мы перестали говорить о детях. Мы говорили о сладкой необходимой лжи, которую мы могли бы рассказать друг другу в тот момент. Мы могли бы притворяться — обмениваться телефонными номерами, обещать оставаться на связи, приезжать, помнить дни рождения — просто чтобы позволить себе почувствовать вкус того, что неистово и быстро пульсировало между нами. Это было бы похоже на сосание конфетных шариков из перца чили. Это бы доставляло удовольствие и жалило, когда оно исчезало, но это было бы невероятно хорошо. И, может быть, именно это — очарование чего-то дикого и похожего на прыжок — вернёт нас к жизни. За исключением того, что мы не были такими людьми. Мы были Джеком и Ро. И последнее, что нам было нужно, — это вступить в близкий контакт, а потом потерять ещё одного человека.

Я отвернулась и посмотрела в окно, когда мы приблизились к озеру. Оно лежало как мерцающая драгоценность в центре кратера.

— Розовое озеро? — спросила я.

— Посмотри ещё раз, — сказал Джек.

— Фламинго! — воскликнула я, когда они оказались в поле зрения.

Тысячи птиц с розовым оперением выстроились вдоль берега. Их змеевидные шеи погрузались и поднимались из воды, как будто если бы они клевали свои высокие, тонкие отражения.

— Там у тебя будет лучший обзор, — Джек сдвинул крышу, и я поднялась наверх, чтобы высунуть голову.

Когда Джек приблизился к берегу, фламинго разбежались вокруг нас, как розовые лепестки на ветру. Некоторые взлетели в воздух, разворачивая свои крылья и демонстрируя нижнее красное оперение.

Моё сердце наполнилось неожиданной радостью за Мо. Что она видела это невероятное зрелище, что она не слушала, когда я читала ей лекцию о том, чтобы найти настоящую работу или арендовать настоящую квартиру. У нее в жизни было так много сборов, она жила каждый день на своих условиях, как будто знала, что некогда тратить время. Некоторые люди такие. Они слушают свой внутренний голос, даже если это сумасшествие и дикость и не имеет смысла для остальных.

«Это было коротко, Мо. Но это было полноценно и взрывалось вкусом».

«Ты говоришь о моей жизни или о конфетных шариках с перцем чили?»

Я засмеялась, когда фламинго танцевали вокруг меня, гудя, как гуси. Они были так близко, что я могла видеть желтый цвет их глаз и изгиб клювов. Небо сейчас было ярко-синим, за исключением нескольких солевых облаков, поднимающихся с озера. Было гораздо теплее, и моя кожа казалась насыщенной солнцем.

— Ха! — я постучала по крыше кулаком, наслаждаясь ветром в своих волосах. — Это прекрасный день! — прокричала я птицам.

Мы оставили их позади и проехали болота и топи, где бегемоты валялись в толстых, влажных грязевых бассейнах. Стая узкозадых гиен окружила останки убитого животного. Они прогнали чернокожих шакалов, которые посягнули на их добычу. Стервятники и аисты марабу парили выше, пытаясь присоединиться. Два восточных венценосных журавля наблюдали, как группа агрессивных буйволов преследует льва вокруг водопоя.

Джек свернул с грунтовой дороги и остановил машину. Через несколько минут он появился рядом со мной и протянул мне бинокль.

— Видишь там эту группу птиц? — он ждал, когда я замечу их. У них были сливочно-белые шеи, и они что-то подбирали с земли своими клювами.

— Это Африканские большие дрофы. Самцы относятся к самым

тяжелым летающим птицам в мире. Теперь посмотри на это дерево. Высокое, с веткой, простирающейся вправо.

Он стоял позади меня, с грудью, прижатой к моей спине, указывая на дерево. Его другая рука лежала на моем плече, теплая и тяжёлая.

Мне потребовалось несколько минут, чтобы найти то, что он хотел, чтобы я увидела.

— Гепард, — сказала я.

Он растянулся на ветке, закрыв глаза, а хвостом отгонял мух, парящих вокруг него.

— Не гепард. Леопард. — Мы были настолько близко друг к другу, что дыхание Джека шевелило мои волосы, когда он говорил. — Их легко спутать, потому что у них обоих есть пятна. Гепарды имеют сплошные черные пятна и черные разорванные линии, которые бегут из уголков их глаз. Пятна леопардов сгруппированы, например, в розетки. Леопарды также больше и более мускулистые. Они не созданы для скорости, как гепарды, но то, чего им не хватает в скорости, они компенсируют скрытностью и силой. Они часто уносят свою добычу высоко на деревья, чтобы другие хищники не съели её.

Я наблюдала, как живот леопарда поднимался и опадал при каждом вдохе. Я думала о том, как он скользит среди высокой травы саванны, вызывая едва заметную рябь, бросаясь на ничего не подозревающую добычу, оказывающуюся в смертельном захвате его мощной челюсти.

— Номер три из большой пятерки, — сказала я, немного содрогнувшись.

— Тебе все еще холодно?

— Я в порядке, — сказала я, наклоняя к нему свое лицо.

Солнце было прямо позади него, обрамляя его густые распущенные волосы, как золотую гриву.

«Интересно, ходит ли он в этом как Муфаса, Мо».

— Что смешного? — Джек заметил мою усмешку.

— Ничего, — я отвела взгляд. — Иногда у меня такие странные разговоры с моей сестрой.

— Это как-то связано со мной, не так ли? — спросил он, словно разговор с моей мёртвой сестрой был совершенно нормальным делом. Опять же, возможно, это было то, что он мог бы понять.

— Ты это делаешь? — спросила я. — Ты когда-нибудь разговаривал с Лили?

— Я не могу. — Вокруг него снова выстроились стены, как будто я зашла слишком далеко и коснулась чего-то, что он не хотел, чтобы кто-

нибудь видел, чего-то личного, оголенного и болезненного.

— Я не могу... с ней встретиться.

Моё сердце сжалось. Джек слишком винил себя, чтобы поговорить со своей дочерью. Даже в воображении. Потому что он не смог вовремя добраться до неё. Потому что она умерла одна. Я хотела что-то сказать, но закрыла рот. Говорить кому-то что-то вроде того, что нужно оставить свои переживания в прошлом было полным дерьмом.

— Если ты не можешь говорить, просто слушай, — сказала я. — Может быть, однажды ты услышишь, что она говорит.

Я протиснулась мимо него через открытую крышу и села. Мы ехали молча, пока не добрались до участка с высокими деревьями с желтой корой. Обезьяны-верветки выскочили из густого полога, а птицы порхали среди веток.

— Лес Лерай, — сказал Джек.

— О, Джек. Смотри! — я сжала его руку и указала в тенистую чащу.

Огромный слон терся о дерево, его большие бивни тащились по грязи.

— Это старый слон. Большинство слонов в кратере — самцы, — сказал Джек. — Большие размножающиеся стада только иногда спускаются сюда.

— Почему он это делает? Протирается об это дерево?

— Вероятно, чешется. Или избавляется от паразитов на коже.

Он наклонился вперед и посмотрел в бинокль.

— Может быть, он просто возбужден.

Он сказал это так деловито, что я рассмеялась.

— Ты что, посмотрел на его «шланг»?

Джек посмотрел в мою сторону.

— Ты только что фыркнула, Родел Эмерсон?

— Это был хохот.

Он сел и сложил руки.

— Ты фыркнула. И ты называешь член «шлангом».

— Мо сказала, что я должна спуститься сюда, чтобы показать мне шланг слона.

— В этом случае миссия выполнена, — он сделал мнимую галочку в воздухе и передал мне бинокль. — Продолжай. Не стесняйся.

— Нет, спасибо. Мне не нужно видеть его... его «шланг».

Я была уверена, что мои щеки стали бордово красными или, может быть, приобрели яркий оттенок спелой вишни.

— О, мой Бог. Ты стесняешься. Ты стала цветом как закат Серенгети, — Джек усмехнулся. Полноценная улыбка от уха до уха,

которая была ослепительной.

— Мы можем просто поехать? — я протянула ему бинокль.

— Держись, — сказал он, снова заводя машину. — Вероятно, мы увидим еще несколько «шлангов».

Моим щекам вернулся нормальный цвет, когда мы проехали пестрый лес, но волнение не прошло, которое я ощутила, увидев его улыбку. Мы увидели бабуинов, водяных козлов и еще слонов, разрывающих ветки и набивающих ими рот.

— Не похоже, что сегодня мы встретим всю «большую пятерку», — сказал Джек, когда мы приблизились обратно к подъему на вершину кратера. — Не видно носорогов.

— Четверо из пяти — не так уж плохо, — ответила я, глядя вниз, на кратер.

Линии машин пересекали равнину внизу, взбивая пылевые облака. Прайд львов развалился под тенью дерева, а Масаи пасли свой скот в двух шагах от них. Ещё в нескольких шагах новорожденная зебра тыкалась носом в свою мать, еле держась на неустойчивых ногах. Когда туман рассеялся, кратер был виден до самого края леса. Несколько белых облаков задержалась, бросая тёмные тени на дно.

«*Неужели Мо останавливалась здесь, чтобы так же рассмотреть этот вид?*» — подумала я. Несмотря на то, что она ушла, я чувствовала себя ближе к ней из-за того, что побывала там. Это было, как будто прикоснуться к тени её души.

— Спасибо, — сказала я Джеку. — Я не думаю, что когда-нибудь забуду это.

Синева его глаз окутала меня на мгновение. Все казалось притихшим и обнажённым.

Прошло некоторое время, прежде чем он заговорил, и его голос был мягким, но напряжённым.

— Я тоже.

Потеря кого-то, кого ты любишь, настраивает тебя на хрупкость жизни — моментов, воспоминаний и музыки. Это заставляет тебя хотеть охватить всё глупые, неясные желания, которые затрагивают самые глубокие чувства. Это заставляет тебя хотеть взять в руки неиспользуемые ноты несыгранных симфоний. Возможно, именно поэтому мы с Джеком привязались к этому моменту: глаза зажмурены, дыхание успокоилось, прислушиваясь к чему-то, что мы могли слышать, что-то, что жило в мимолетном пространстве между приветствием и прощанием. Это заставило меня захотеть, чтобы застыла качающаяся рябь пастбища под

нами и игра света на лице Джека.

Глава 9

Когда мы начали удаляться от кратера, деревья уступили место высокому, насквозь продуваемому ветрами плато.

— Еще одна остановка, прежде чем мы вернемся, — сказал Джек, поворачивая к въезду в деревню масаев.

Это была кучка хижин с соломенными крышами, окруженных по кругу колючими кустами, чтобы не подпускать диких животных и хищников. Джек достал из багажника дорожную сумку и перекинул её через плечо.

— Ты не путешествуешь налегке, не так ли? — заметила я, когда увидела всё, что было в его машине.

Запасные колеса, мотки толстой веревки, умывальник, кастрюли, сковородки, посуда, переносная плита, запасные галлоны бензина, вода, изолента, противомоскитная сетка, набор для кемпинга, сигнальные ракеты, аптечка, парафиновая лампа, спички, консервы, плоскогубцы, инструменты, гаджеты. И винтовка, которая выглядела как прибор ночного видения дальнего действия.

— Я готовлюсь, когда выезжаю в заповедник.

— Итак, что в сумке? — спросила я, следуя за ним по дороге в деревню.

— Кофе с фермы, — сказал он. — Для отца Бахати. Он также деревенский старейшина. Интересный парень. Мудрый, упрямый, проникательный. Он консервативен в некоторых вещах, но невероятно прогрессивен в других. Восемь жен, двадцать девять детей.

— Серьезно? Итак, Масаи полигамны?

— Да. Они определяют положение человека сначала по его храбрости, а затем количеством жен, детей и коров. У каждой жены обычно есть дом в том же *боме* или деревне. Деревня Бахати не так традиционна, как некоторые другие *бомы* Масаев. Это специальная культурная *бома*, что означает, что здесь останавливается множество туров, чтобы люди могли посещать дома, фотографировать, покупать сувениры. Всё такое.

Появилась группа мужчин Масаев, чтобы поприветствовать нас. Они были задрапированы в сверкающие оттенки красного и синего, их кожа была оттенка коры акации. Они были такими же высокими, как Джек, по крайней мере, шесть футов, но с худым, жилистым телом и глазами, которые выглядели желтыми — вероятно, из-за древесного дыма. Они

носили длинные косы, выкрашенные красной глиной, и у них были растянутые мочки ушей, украшенные бисером и орнаментом. Увидев Джека, их походка перестала быть напряженной, а улыбки стали шире.

— Джек Уорден, вход бесплатный, — сказал один из них. — Твоя девушка? Также бесплатно.

— *Asante*. Большое спасибо, — ответил Джек. — Пойдем, подруга. Давай следовать за moran^[20].

— Моран? — я проигнорировала часть про «подругу».

— Это те, кого они называют своими воинами.

Мы маневрировали среди куч коровьего навоза, поднимая стаи мух, и остановились у округлой хижины. Мораны представили нас достойно выглядящему мужчине с пледом в красную и черную клетку, который был накинут ему на плечи. Сережки в виде серебряных и бирюзовых колец висели у него в ушах. Он сел на низкий трехногий табурет и отмахнулся от мухи, летающей туда-сюда перед его лицом. Мужчины и женщины сидели на корточках вокруг него. Мораны стояли сбоку, опираясь на свои копья, некоторые из них балансировали, как аисты, на одной ноге.

— Джек Уорден, — сказал мужчина, плюнув на свою ладонь и протянув её Джеку.

— Олонана, — Джек пожал руку.

Я старалась не думать о плевке, скрепляющим их рукопожатие.

— Это мой друг, Родел, — Джек подталкивал меня вперед, пока я не встала перед старейшиной. — Родел, это отец Бахати.

О, Боже. Пожалуйста, пусть это будет приветствие без плевка.

Я улыбнулась и поклонилась, держа обе руки прижатыми к бокам. Он кивнул, и я выдохнула. Очевидно, его слюна была не для каждого, а только для тех, кто вызывал наибольшую симпатию. И ему, очевидно, нравился Джек, потому что он выдвинул для него еще один табурет, в то время как от меня отмахнулись.

— Она сядет со мной, — сказал Джек, схватив меня за руку и потянув назад.

Другой стул не появился, и после нескольких мгновений я поняла, что Джек действительно имел в виду, я сяду с ним. Вернее, на него. И я неловко уселась на колени к Джеку, и женщины и дети засмеялись надо мной.

— *Кассериан ингера*, — Олонана не пользовался знакомыми словами из суахили для приветствия, к которым я привыкла, типа *хабари* или *джамбо*.

— *Сапати-инера*, — ответил Джек.

Я задалась вопросом, приветствовал ли кто-нибудь другого вождя

таким же образом — торжественным и искренним, балансируя с извивающейся женщиной на бедре.

Они обменялись несколькими словами. Затем Олонана поднял метелку^[21] к человеку, чья согнутая, высохшая фигура была едва различима напротив темного входа в хижину.

Он был одет в зеленый наряд с длинным подолом, но что выделялось больше всего, так это кожаный мешочек, висящий на его шее. Он был украшен белыми бусами и раковинами каури, отличными от украшений, которые были на всех остальных. У него также было ожерелье из крокодиловых зубов, которое гремело, когда он двигался.

— Это Лонеоки. *Олоибони*, — сказал Джек тихим голосом. — Наверное, ты могла бы назвать его их духовным лидером. Шаман и знахарь. *Олоибони* отвечает за предугадывание будущего. Он контролирует их ритуалы и церемонии.

— Значит, он похож на Рафики, — я перестала ерзать и решила получить максимум от своего нелепого сидения на коленке.

Джек моргнул, прежде чем до него дошло.

— Ты говоришь о шамане из фильма «Король лев». Что тебя так связывает со всеми этими упоминаниями о «Короле льве»?

— Что ты имеешь в виду?

— Прешлой ночью ты болтала о Муфасе.

— Что? — «О, Боже». — Что я говорила?

— Что-то о том, что он был королем джунглей.

Я была рада, что Рафики, он же Лонеоки, он же знахарь, выбрал этот момент, чтобы стукнуть своей дубинкой о землю. У неё был полированный деревянный вал с тяжелой ручкой наверху, вырезанной в виде головы змеи. У его ног поднялись комья красной грязи.

Все обратили внимание на женщину, которая поднялась из толпы и скрылась в хижине.

— Что происходит? — спросила я Джека, понимая, что мы прервали какое-то деревенское собрание.

— Церемония совершеннолетия, — ответил он. — Независимо от того, что произойдет дальше, я хочу, чтобы на твоём лице ничего не выразалось. Не проявляй никаких эмоций. Не отводи взгляд. Не вздрагивай. Ты меня слышишь?

— Почему? Что?

Я замолчала, когда пронзительные крики девушки заполнили воздух. Они исходил из хижины. Всё, что с ней происходило, было невыносимым — болезненным и мучительным. И всё же никто не помог ей. Все ждали,

столпившись снаружи, пустые лица повернулись к темному открытому дверному проёму. Хор женщин начал напевать, как бы заглушая звуки или, может быть, предлагая ей утешение.

— Джек, что происходит? — прошептала я.

— Переход из девичества к женственности. Женское обрезание, — сказав это, он приобнял меня своей рукой, сдерживая мой порыв негодования.

— Послушай меня, — он наклонился, говоря медленно и спокойно мне на ухо. — Это происходит, хотя правительство запретило это. Это глубоко укоренившаяся традиция, но Олонана и его люди отходят от нее. То, что происходит там, символично. Девочка получает ритуальный надрез на бедре. Это ничто по сравнению с отсечением части ее гениталий. Крик важен. Она должна кричать достаточно громко, чтобы все на улице услышали, или они не будут чувствовать, что она заслужила статус, присвоенный ей. Они обрезают мальчиков тоже, в подростковом возрасте, за исключением того, что им не разрешается издавать ни единого звука. Это принесёт позор им и их семье.

Всё это было сложно и непросто принять. Когда крики девушки прекратились, я поняла, что мои пальцы плотно вцепились в Джека.

— Ты знаешь их через Бахати? — спросила я, отпустив его, как будто я коснулась горячей плиты. — Олонану и его людей?

— Семья Олонаны спасла моего деда во время войны, когда он получил ранения на вражеской территории. Они укрыли его, пока он не оправился от ран. Мы с Гомой всегда заезжаем и выказываем наше уважение всякий раз, когда находимся в этом районе.

— Вот почему ты взял Бахати под свое крыло и научил его водить?

— Сначала я не знал, что он был сыном Олонаны. Большинство его детей живут здесь, в бомасе.

Все стояли, когда девушка вышла из хижины в окружении двух женщин. Одна из них была женщиной, которая вошла в хижину раньше, вероятно, чтобы сделать ритуальный порез, а другая, как я предположила, была матерью девочки. Девочке дали традиционные бусины и кольцо из кожи животных, как признак ее перехода к женственности. Обряд обрезания призван показать её перед деревней готовой к браку и всем обязанностями, которые шли с этим.

— Она такая молодая, — заметила я.

— Она одна из счастливиц, — ответил Джек. — Несколько лет назад она не смогла бы выйти оттуда в течение нескольких дней.

— Так что же заставило их отказаться от этого? От женского

обрезания?

— Это не то, что произошло за одну ночь. В конце концов, дело сводилось к тому, чтобы убедить мужчин, что секс с необрезанной женщиной более приятен, что это не способствует распущенности, неповрежденный клитор делает женщину более восприимчивой к их успехам.

— Это патриархальное общество, — продолжал Джек, заметив выражение моего лица. — Их образ жизни может показаться странным и суровым, но каждая культура эволюционирует со своим набором ценностей и традиций, которые меняются со временем и обстоятельствами. Женщины прогрессируют в своих суждениях и становятся более независимыми. Многие из них начали работать с иностранными организациями, продавая браслеты и украшения. Они превращают свои традиционные навыки работы с бисером во что-то, что приносит доход.

В суматохе мы смешались с деревенскими жителями, которые направлялись к домашнему скоту в центре деревни. Большая часть крупного рогатого скота была выгнана на пастбище, но несколько голов отстало вместе с козами и овцами. Корова была прижата к земле и ей выстрелили в яремную вену тупой стрелой. Кровь, которая брызнула из шеи, была собрана в бутылку из тыквы и предназначалась девушке, которая только что прошла церемонию.

— Масаи редко убивают свой скот, — объяснил Джек. — Но они возьмут часть крови и сразу же обработают рану. Корова не пострадает, а кровь используется как белок, чтобы помочь слабым восстановить свою силу... — он замолчал, потому что заполненный кровью бутылку передавали по кругу и Олонана предложил её ему.

Я наблюдала, как он сделал глоток и передал бутылку дальше. К счастью, он пропустил меня, и за это заслужил мою вечную благодарность. Суши были авантюризмом, который я была готова попробовать, но я снимаю шляпу перед ним за то, что он прошел через это все, как Дракула.

— Ты пьешь, когда тебе предлагают, — сказал он. — Это знак уважения.

— Начиная кровью и заканчивая слюной, похоже, обмен жидкостями организма явно является одной из основных тем для разговора, — заметила я себе под нос, но Джек всё же услышал меня. Я всегда думала, что я честная и открытая, но мои предрассудки начали всплывать, и это вызывало у меня раздражительность и неловкость.

— Может быть, я не должен был принимать приглашение на общинную оргию, к которой мы направляемся?

— Что?

Я остановилась посередине пути.

Маленький мальчик, идущий позади меня, уткнулся носом прямо мне в задницу. Для него это было мягкое приземление, но у него была тяжелая голова, и я потеряла свою попу, когда все прошли мимо нас.

— Это часть праздника, — Джек с большим интересом посмотрел на мой зад, так что я пристально посмотрела на него, хотя чувствовала нервное возбуждение всякий раз, когда ловила быстрый взгляд этого Джека — забавного, непринужденного Джека, который был погребен под обломками торгового центра.

— Это пиршество, Родел, — сказал он. — Они собираются убить козу в честь сегодняшней церемонии.

— И я должна съесть её?

Моя попа болела, я устала, и мухи, казалось, запали на меня. Я была голодна, но не настолько.

— Они пожарят её, — рассмеялся Джек, — но сначала они танцуют, — сказал он, когда мы оказались на краю круга из жителей деревни.

Моран вошёл в круг, уравновешенный и царственный в своем алом одеянии и бирюзовой мантии. Он начал прыгать с копьем в руке, в то время как остальная часть мужчин издавала низкий гул. Когда он подпрыгивал всё выше и выше, они повысили гул, чтобы соответствовать его прыжкам, пока он не устал, а другой воин занял его место. Потом женщины стали петь. Одна женщина пела основную партию, а остальная группа отвечала в унисон. Многие женщины носили богатые украшения, вышитые бисером воротники вокруг шеи, которые качались вверх и вниз, когда они шевелили плечами. Когда мужчины прыгали, свирепые и гордые, достигая впечатляющих высот, все восхваляли их. Это было очень мужская демонстрация мускулатуры, мужественности и выносливости. Я взглянула на женщин, чтобы посмотреть, заметили ли они это.

Черт побери, они были заняты именно этим. Они были полностью сосредоточены на происходящем. Особенно девушка, прошедшая символическую церемонию обрезания. Другие девушки подталкивали и подпихивали её локтями. Она была «холостячкой», дебютанткой, королевой бала. Я задумалась, может ли она выбрать себе мужа, или если это будет решено за неё.

Я собиралась спросить об этом Джека, когда Олонана потянул его в круг. Сквозь толпу пронеслась пронзительная трель, когда Джек снял свои ботинки. По-видимому, это был призыв к битве, чтобы увидеть, кто может прыгать выше. Олонана и Джек прыгали лицом друг к другу, поднимаясь и

опускаясь. Я мельком заметила кинжал под одеждой старосты, когда они прыгали всё выше и выше. Это был поединок между главой и его гостем, и Джек участвовал в этом.

В его движениях была безудержная энергия, дикость, которая пробудила что-то горячее и электрическое во мне. Он двигал мышцами. Динамичный, доминирующий, убедительный. Я могла бы отследить линии его тела через одежду — очертание его груди, контуры стальных бедер, руки, которые коснулись меня прошлой ночью в ванной. Я вогнула свои ногти в ладонь, надеясь очнуться от безумия, поглощающего меня, распространяющегося по моим нервам, как огонь по траве. Что-то было в пыли, в сухом, низком напеве вокруг меня, что осело в моем животе, извиваясь, подобно рыбе, задыхающаяся без капли воды.

Я подозревала, что Джек, в конце концов, отступил из уважения к главе деревни. И пожилой мужчина был достаточно мудр, чтобы знать это, потому что он пригласил других моранцев присоединиться к ним, объявив общую победу для всех. Когда группа распалась, Джек нашёл меня. Я избегала его взгляда, остро осознавая, как его дыхание стало быстрым и прерывистым, на лбу блестел пот, а от тела исходило жаркое сияние.

— Все в порядке? — спросил он, делая большой глоток воды из тыквы, которую кто-то вручил ему. Здесь нет «Кока-колы». — Кажется, ты покраснела.

— Просто... из-за солнца.

Он передал мне воду, и я сделала глоток. И еще один. Я хотела облить себя ей. У меня не было права на сексуальные мысли об этом мужчине. Я не хотела их, черт возьми.

Мы были приглашены в *инкайийик* Олонолы, традиционный дом Масаев. Вход представлял собой длинную узкую арку без двери. После яркого дневного солнца мне потребовалось несколько минут, чтобы глаза приспособились к темноте. Я ощупала все вокруг и нашла узловатый стул.

— Родел, — Джек прочистил горло.

Именно в этот момент я поняла, что сжимаю колено старухи. Не стул.

— Мне очень жаль.

И я прыгнула на колени Джеку. Это стало моим убежищем.

Олонана и Джек разговаривали, а старуха смотрела на меня, не вставая со стула. Она порылась в холщевом мешке, а потом что-то протянула мне. Когда я потянулась за этим, что-то приземлилось на мою голову. Оно было влажным и теплым. Я собиралась прикоснуться к этому, когда Джек схватил меня за запястье.

— Не надо, — сказал он.

— Что это? — я чувствовала, как это оседает на моей голове.

— Капля дождевой воды с крыши, — тихо произнес он на ухо. — Боги благосклонны к тебе. Просто улыбнись и прими подарок, который она протягивает тебе.

Я сделала, как мне сказали, взяв у старухи браслет. Это была цепочка из маленьких круглых бусин, пропущенных через кожаный шнур. Джек повязал его мне на запястье.

— Там что-то написано, — я подняла руку к свету. На каждой бусине была нарисована буква.

— *Талейной ольнисоилечашур*, — сказал Джек.

— *Тале* — что?

— Среди моего народа есть поговорка, что все одно, — сказал Олонана. — Мы все связаны. *Талейной ольнисоилечашур*.

Я была на мгновение озадачена тем, что он говорил по-английски, но имело смысл ему использовать местный диалект в разговоре с Джеком, так как они оба понимали его.

«*Мы все связаны*». Я коснулась бусинок, чувствуя их прохладную гладкую поверхность.

— Спасибо, — сказала я старухе, тронутая её простым, ценным подарком. — *Асантэ*.

Она улыбнулась в ответ, показав отсутствие двух зубов, это сделало её похожей на морщинистого ребёнка.

— Моя мама говорит на *Маа*, а не на суахили, — сказал Олонана. — Слово *Масаи* означает людей, которые говорят на Маа.

— Пожалуйста, скажите ей, что мне очень нравится её подарок.

Пока я восхищалась голубыми, зелеными и красными бусинами на браслете, блюдо с горячим жареным мясом принесли в хижину вместе с тыквой, наполненной каким-то перебродившим напитком.

— Сейчас ты будешь сопровождать мою мать в другую хижину, — сказал Олонана, глядя на меня.

Очевидно, мужчины и женщины ели отдельно, поэтому я последовала за матерью Олонаны до дымного инкайийика, похожего на тот, который мы покинули. Большой деревянный столб поддерживал крышу. Стены были сделаны из ветвей, оштукатуренных грязью, коровьим навозом и пеплом. Одна из женщин ухаживала за больным телёнком. Все остальные женщины собрались вокруг большой деревянной чаши, тщательно пережевывая мясо. Это было не что иное, как простые движения, вроде тех, что совершали Джек и Олонана.

Мать Олонаны предложила мне кусок обугленного мраморного жира.

Я знала, что нельзя отказаться. Дети трогали мои волосы и одежду, пока я ела. Мухи вились вокруг их ртов и глаз, но они, похоже, не замечали этого. Кто-то передал мне рог, наполненный кислым молоком. Я смочила губы в нём, но не пила. В пределах видимости не было ни одного туалета, и у меня не было никаких шансов сделать безумный рывок в кусты на тот случай, если бы оно не пошло мне впрок.

«Ты такая тряпка, Ро».

«Спасибо, Мо». Как будто мне сейчас нужно было чувствовать себя ещё хуже.

«Я всегда говорила, что тебе нужно почаще выходить и встречаться с людьми. Ты открываешь себя, когда путешествуешь».

Я проигнорировала её, но она упорствовала.

«Слабачка».

«Отлично!» Я яростно вцепилась зубами в мясо. *«Счастлива теперь?»*

Когда я была уверена, что она исчезла, я бы выплюнула его, но не хотела рисковать, оскорбив кого-либо. Я подумала о том, чтобы бросить его в темный угол, но моя секретная операция оказалась ненужной. В хижину вошла собака, обнюхивая женщин и детей. Я почесала ей ухо и скормила поджаренный кусок из своей руки, и она повернула голову к стене и не оборачивалась, пока не доела.

«Мне очень жаль. Мне очень жаль, оно немного пережевано».

Мой желудок забурчал, потому что я ничего не ела с тех пор, как утром мы покинули лагерь. Мать Олонаны улыбнулась и протянула мне ещё один кусочек козьего мяса.

«Дерьмо».

К счастью, прибыл автобус с туристами, и все собрались поприветствовать их. Джек вышел из инкайийика Олонаны вместе с ним и присоединился ко мне. Олонана схватил кучу кофейных зерен из мешочка и закинул их себе в рот.

— Он жуёт сырые кофейные зерна? — спросила я.

— Они жареные. Но да, он ест их целыми. Для энергии, — ответил Джек. — Иногда мораны используют их в длительных походах или когда они хотят не спать по ночам.

Олонана отвел Джека в сторону, пока я прощалась с его матерью. Остальные жители деревни танцевали приветственный танец для туристов. Некоторые пытались продать им браслеты и другие изделия ручной работы.

— Что он сказал? — спросила я, когда Джек вернулся. — Он выглядел довольно напряженно.

— Он передал мне сообщение для Бахати.

— Он хочет помириться?

— У него просто было два слова для него: *Кассериан ингера*.

— Разве это не то, что он сказал тебе раньше?

— Да. Это приветствие Масаи. Это означает: «Как поживают дети?»

— Я не знала, что у Бахати есть дети, — я остановилась у киоска на входе в бому. Он был заполнен красочными сувенирами ручной работы.

— У Бахати нет детей. Речь идёт не о его детях, ни о моих, и ни о чьих-либо ещё. Ты всегда отвечаешь *Сапати ингера*, что означает «Все дети здоровы». Потому что, когда у всех детей всё хорошо, всё хорошо и правильно в мире.

— Это красиво. И глубоко. Какие они странные замечательные люди, — возможно, я не могла нормально относиться к их обычаям или образу жизни, но я восхищалась ими за гордость и подлинность, с которыми они держались за своё богатое, жестокое наследие.

— Тебе нравится? — Джек указал на деревянную фигуру, которую я держала. Она была размером с мою ладонь, вырезанная в форме мальчика, играющего на флейте.

Он заплатил за неё, не дожидаясь ответа, и передал её мне после того, как женщина упаковала её для нас.

— Спасибо. Тебе не нужно было этого делать.

— Я вроде как должен. Это мой способ извиниться, — он смущенно потер шею.

— Извиниться? За что?

— Знаешь, когда эта капля воды упала на твою голову?

— Да? — я пошла быстрее, пытаюсь идти в ногу с ним, когда он направился к машине

— Я не хотел, чтобы ты волновалась, но старуха плюнула на тебя.

— Старая женщина... — я резко остановилась. — Она плюнула... — я коснулась пятна на голове. Моя рука была сухой, но я уставилась на неё, ужаснувшись.

— Ты ей понравилась, — дыхание Джека сбилось, словно он пытался не засмеяться. — Это был её способ благословения.

Большинство людей испытывают неудобство в тишине, особенно когда ты знаешь, что кто-то вот-вот взорвётся. Джек не был одним из них. Он проигнорировал пар, идущий из моих ушей.

— Это ничего не изменит, — он открыл багажник, налил немного воды на тряпку и похлопал меня по голове. — Но так тебе будет спокойнее.

Я посмотрела на него, не сказав ни слова.

— Будешь? — он предложил мне пакет печенья.

Молчание.

— Будешь? — он бросил бутылку ананасового сока.

Моё возмущение рассеялось, потому что да. Да. Я умирала с голоду, и это заставило меня чувствовать себя гораздо, гораздо лучше.

— Друзья? — спросил он, открыв для меня дверь.

Я собиралась ответить резкой репликой, но вместо этого за меня решил ответить мой желудок. Диким рыком. К его чести, Джек сохранил серьезное выражение лица.

Я схватила печенье, прежде чем он сел в машину.

— Не поклонница местной кухни? — спросил он.

— Не поклонник жареных внутренностей, местных или других. И кто бы вообще говорил. Ты получил всё самое лучшее.

— Эй, я пришёл с подарками для главы. Мы поймали его как раз вовремя. Скоро он отправится пасти крупный рогатый скот.

— Но он глава. Он может заставить кого-то другого пасти скот.

— Он кочевник. Когда он чувствует зов земли, он идёт. Иногда он пробирается сквозь равнины с ними, следуя за водой.

— Ого, — я засунула в рот покрытое шоколадом печенье. — У меня будет много историй, которые я смогу рассказывающих моим ученикам, когда вернусь.

Мы покинули мрачное плато, и пейзаж снова изменился. Огромные смоковницы выстроились вдоль дороги, задрапированные в клубки свисающего мха. Когда мы проезжали мимо, сквозь листья проносились звездные всплески солнечного света. Я могла видеть в них Мо — её теплоту, её сияние, её острую, яркую энергию. На мгновение я вернулась назад в то время, когда мы были детьми, играя в «ку-ку».

«...5, 4, 3, 2, 1 ...готова или нет, я иду искать!»

Я вспомнила возбуждение от того, что пряталась. Стремление спастись. Сердце колотится. Внутренние органы скручивает. Визг, когда вы находите кого-то, или когда кто-то находит вас. Возможно, это и есть жизнь. Семь миллиардов человек играют в прятки, желая найти и быть найденными. Матери, отцы, любовники, друзья, играющие космическую игру открытия — себя и других — появляются и исчезают, как звезды над горизонтом.

Возможно, Мо всё ещё играла в прятки здесь, в лучах солнечного света, в танце травы, в аромате диких цветов, ожидая, когда я найду её снова и снова. Возможно, Джек находил Лили в грозы под деревом на её могиле. Возможно, он искал её в каплях дождя, потому что ей казалось, что

искупление льется с небес. Может быть, когда он записал гром и молнию, он поймал частички её, чтобы носить с собой в телефоне.

— Можем мы остановиться здесь? — спросила я, когда мы сделали круг по возвышенности. Одинокaя смоковница росла на участке мягкой земли у её края.

Мы вышли и размяли ноги. Было уже поздно, и тени на равнинах становились всё длиннее. Я вырыла маленькую ямку под деревом и похоронила деревянную статую, которую мы взяли в боме.

— Что это было? — спросил Джек, когда мы вернулись в машину.

— Для Джумы, — ответила я. — Каждому ребенку нужна колыбельная. Теперь он может слушать птиц на деревьях и ветер в долине.

Мы сидели молча в течение нескольких минут, а солнце медленно скользило позади силуэта гигантского дерева.

Затем Джек взял меня за руку, переплетя пальцы.

— Мы спасем следующего.

Что-то зажглось и зашумело в тишине между нами. Это ощущалось как надежда, как жизнь, как моё сердце, убегающее от меня.

— Мы спасем следующего, — повторила я, вспоминая двух других детей в списке Мо.

Может быть, это была необходимая ложь, которой мы пытались убедить себя, но в тот момент, положив свою руку на теплую, твердую руку Джека, я подумала, что всё возможно. Потому что это то, как мы с Джеком держались за руки, заставило меня почувствовать.

Глава 10

К тому времени, когда мы вернулись на ферму, свет был выключен, и все были в постели. Впервые за несколько недель я заснула, как только моя голова опустилась на подушку.

Ранним утром раздался выстрел — одиночный резкий треск, который эхом разнесся в тишине подобно удару грома.

«Схоластика!» — это была моя первая мысль, когда я соскочила с кровати. Я распахнула дверь в её спальню, но её там не было. Я проверила Джека, но его тоже не было в своей комнате.

— Схоластика! — позвала я, озираясь, и побежала напрямик к Гома. — Я не могу её найти, — сказала я, врезаясь в её хрупкое тело.

— Она в порядке. Она спала со мной, в моей комнате.

Гома открыла дверь, и там была Схоластика, мирно устроившаяся под одеялом.

— Что это за шум? — спросила я, стараясь говорить не громко. — Вы слышали это? А где Джек?

— Это была винтовка. И Джек, вероятно, уже снаружи, — Гома надела толстый халат поверх мууму. Она открыла двери своего гардероба, раздвинула одежду и потянулась за спрятанным ружьём. Гома спокойно зарядила его, прижала к бедру и взвела курок.

— Никогда не зли старую птицу. Мы раздражительные, страдаем запорами и нам нужно хорошенько высыпаться.

Она сказала мне оставаться позади неё, когда мы двинулись по коридору. Если бы я увидела себя, следующей за хрупкой фигуркой Гома, я, возможно, рассмеялась бы. Но она держала винтовку так, как будто знала, что делает, и у меня по-прежнему тряслись поджилки. Я понятия не имела, что нас ждёт внизу. И она тоже.

Под скрип половиц мы проверили первый этаж. Когда мы добрались до кухни, Гома кончиком ружья раздвинула прозрачные занавески.

— Там, — она указала на мерцающий свет на полях. — Кто-то в загоне с животными.

Мы вышли наружу и направились в ту сторону, две темные фигуры на фоне сияющего неба. Гома пнула открытые ворота кораля^[22], крепко удерживая винтовку впереди себя. Что-то лежало на земле за сараем, едва различимое в слабом пятне света.

В моей голове разыгрывались всевозможные сценарии. Что если бы

кто-то пришел за Схоластикой? Что если бы Джек встал на пути? Что если бы он стал мишенью того выстрела, который мы слышали?

«О, Боже. Пожалуйста, не дай этому случиться с Джеком».

— Нет!

Я бросилась к фигуре, растянувшейся за сараем. Земля вокруг была тёмной и влажной.

«Кровь».

— Отойди оттуда, — это был голос Джека. Мужественный и грубый. С облегчением, которое невозможно было скрыть, я повернулась к нему.

— Ты в порядке, — выдохнула я. Ничто другое не имело значения, только то, что он стоял там.

Я даже не поняла, что побежала к нему, пока между нами не осталось несколько футов, когда я мельком увидела выражение лица Гома. Она смотрела на меня со смесью любопытства и прозорливости, что заставило меня резко остановиться.

«Ты заботишься о нём, — она не сказала это вслух, но вполне могла так подумать. — Ты заботишься о Джеке».

«Конечно, я забочусь о нём, — я споткнулась и остановилась. — Если бы что-нибудь случилось с ним из-за меня, я бы чувствовала себя ужасно».

«Правильно, — Гома опустила дробовик. — На этом всё».

Но её пронзительные глаза продолжали смотреть на меня, заставляя чувствовать, что она легко могла видеть мою душу.

— Мы... мы слышали выстрел, — сказала я Джеку.

— Стая гиен на охоте. Они пришли за одним из телят. Я подстрелил одну. — Он указал на распростёртую фигуру. — Остальные убежали.

— А телёнок? — спросила Гома.

— Несколько порезов и царапин, но он поправится.

Гома кивнула.

— Я пойду и найду одеяло.

Она исчезла в сарае, оставив Джека и меня, стоящих над мёртвой гиеной.

— Такое часто случается? — спросила я.

Джек выстрелил гиене в голову, ровно в центр лба. Как ему это удалось в темноте ночи, было вне моего понимания.

— В основном, когда нет дождя. Вот когда животные склонны отклоняться от своих территорий. К счастью, лошади занервничали и предупредили меня.

— У тебя есть ещё лошади?

— И коровы, и куры. Мы стараемся быть настолько

самодостаточными, насколько можем. Яйца, молоко, фруктовые деревья, небольшой огород. Даже наш будильник натуральный.

Я улыбнулась, когда «будильник» снова прокукарекал.

— Тебе нравится держать натуральное хозяйство?

— На сто процентов.

Теперь я узнавала нюансы в его голосе. И по тому, как он смотрел на меня, он говорил не о ферме. Моё горло пересохло, когда я поняла, что была полностью освещена со спины светом, что каждый мой изгиб был продемонстрирован ему. Мои соски были напряжены от утренней прохлады, но тепло быстро затопило каждую мою клеточку. Моё сердце дико трепетало, как воздушный змей в воздушном вихре. У Джека был магнетизм и уверенность в себе, которые пробудили во мне желание отдать ему в руки все ниточки, управляющие моим телом. Я хотела знать, каково это, почувствовать его руки, сжимающие мои волосы — тянущие, дёргающие...

— Вам двоим стоит зайти в сарай.

Мы оба подпрыгнули от голоса Гома.

— Ты что, серьезно, с тушей у твоих ног? — она посмотрела на меня с Джеком. — Нет. Я не хочу этого слышать, — женщина подняла ладонь, когда Джек начал что-то говорить.

— Ты можешь отрицать всё, что хочешь. Вы оба. Но ты не проведёшь эту старуху. Здесь происходят важное сближение. Искры и всё такое.

Мы смотрели на неё в неловком молчании. Что можно сказать насчёт этого?

— Вернись в дом, Гома, — сказал Джек.

— С удовольствием, — ответила она, лукаво посмотрев на нас.

«О, Боже». Может ли земля просто развернуться и поглотить меня?

Мы оба уставились на свои ноги, когда она ушла.

— Мне жаль, что она...

— Всё в порядке, — перебила я его. — Мне нужно сегодня съездить в город и забрать свои вещи из общежития. *«Чтобы я не блуждала вокруг в мууму твоей бабушки, которая так далека от сексуальной одежды, так что это своего рода ненормально, что между нами даже был этот момент, и может быть, если я просто продолжу разговаривать с собой достаточно долго, я смогу стереть этот смущающий инцидент из моей головы, а потом мы сможем просто вернуться».*

— Ты слышишь это? — Джек развернулся, защищая меня своим большим телом. — Что-то там, — сказал он.

— Это просто я, — Бахати вышел из тени. — Я слышал выстрел.

— Это было полчаса назад. Где ты был?

— Наблюдал. Из моего окна, — он указал на верхний этаж дома.

— И ты позволил Гома и Родел первыми проверить ситуацию? Из тебя получился паршивый охранник, Бахати.

— Я не охранник. Никогда не утверждал, что был им. Я актер. Ты заплатил мне, чтобы я оставался здесь, пока ты не вернёшься. Ты вернулся вчера вечером. С моей точки зрения, мой контракт уже закончился. Кроме того, я только играю роль стража. Когда люди видят меня, они видят жестокого воина Масаи, с которым им не хочется пересечься. Это всё, что имеет значение. Их восприятие. Им не нужно знать, что я бы не навредил и мухе. Итак, ты видишь, всё решается мирно. Нет боя, нет борьбы. Но гиены посреди ночи? Они все твои.

— Ну, ты можешь помочь мне похоронить эту, — сказал Джек. — И потом, я надеюсь, что ты сможешь отвезти Родел в Амошу, чтобы она могла забрать свои вещи. Получается, я вынужден просить тебя еще немного задержаться. Меня не было пару дней, и нужно наверстать упущенное. Мне не помешала бы помощь, пока мы с Родел не отправимся в Ванзу. Как думаешь, ты справишься?

Бахати потер подбородок и взглянул на гиену.

— Оплата та же?

— Та же.

— Никакого бонуса за уничтожение трупов?

— Никакого бонуса. Это всё равно намного больше, чем то, что ты зарабатываешь в своих поездках и в «The Grand Tulip», — сказал Джек. — Ты согласен или нет?

— Да, да. Конечно. Просто проверяю. Но я думаю, что у нас должен быть код. Для чрезвычайных ситуаций, понимаешь? В случае, если я тебе нужен. Твоя ферма — опасное место. Вчера я видел змею. Она проползла, пересекая тропинку прямо передо мной. Может быть, у меня должен быть свисток. Как ты думаешь? И из-за всей этой истории со Схоластикой у меня начинается изжога. Я почти не сомкнул глаз, пока тебя не было. Гома забывает запереть входную дверь. И твой дом старый. Из-за этого ночью в нём очень шумно. У меня постоянные приступы паники. А потом эта стрельба. Дикая животные ошиваются вокруг. Я должен получить компенсацию. Угроза здоровью и опасность...

Я медленно отступала, пока он болтал. Я хотела исчезнуть и притвориться, что всё у меня внутри не было натянуто, что покалывание глубоко у меня в животе было следствием того, что я испугалась с утра пораньше, и не имело никакого отношения к опаляющей оценке Дджека.

Когда я добралась до дома, то обернулась.
Я могла бы поклясться, что Джек всё ещё наблюдает за мной.

* * *

— Я съезжу в город с Родел и Бахати, — объявила Гома.

— Зачем? — Джек снова наполнил бутылку водой и прислонился к стойке. Всё утро он был на улице, и его лицо покраснело от солнца.

— Кто-то должен принять меры насчёт отца этой девочки, — она указала на Схоластику. — Он пропал, и всем, кажется, наплевать.

— Его сестра уже написала заявление в полицию.

— Да, я говорила с ней. Родел оставила мне её номер телефона на случай чрезвычайной ситуации со Схоластикой. Анна сказала, что полиция считает, что Габриэль отказался от своей дочери. Если это так, отлично. Но я хочу услышать это от него. Я записала все его данные. Я собираюсь навестить своего друга в полицейском участке и заставить их отследить путь Габриэля.

— Будь осторожна, хорошо? — Джек не мог скрыть беспокойства, которое он испытывал из-за своей бабушки. — Не дай им понять, что Схоластика у нас, здесь. На тот случай, если кто-нибудь знает, что у него есть дочь-альбинос.

— Я не дура, мальчик, — Гома надела зеркальные солнцезащитные очки с радугой. Они закрывали большую часть ее лица и отражали мир в двух красочных круглых блюдцах. — Ты будешь следить за Схоластикой?

— Мы проверим телёнка, — ответил Джек. — Хочешь, Схоластика?

Он переключился на суахили и сел рядом с ней.

Мы с Джеком избегали смотреть друг на друга, что меня вполне устраивало. Иметь дело с сильным напряжением, что царило между нами, это одно; но озвучивание этого Гомой только усилило все касавшее этой напряженности. Мы оба чувствовали себя виноватыми за это, потому что желанию не место за столом горя, и всё же, оно было, сидя между нами, как бесстыдный, незванный гость.

— Ну, мы ушли, — сказала Гома, когда мы вышли за дверь.

— *Квахери!* — Схоластика махнула рукой. Казалось, она сблизилась с Гомой, пока нас с Джеком не было.

— Посмотри, как моя Сьюзи сияет сегодня! — красовался Бахати, пока Гома и я сиделись в его джип. Он натер и отполировал машину до ослепительного блеска.

— Если бы ты проводил половину это времени, обращая внимание на милую юную леди так же, как и на свою Сьюзи, сейчас у тебя была бы уже семья.

— Семья непостоянна. Моя Сьюзи, — он ударил по приборной панели, — она прочная. Надежная. Джек сказал, что вы встретили моего отца, мисс Родел?

— Просто Ро.

Было забавно, что он назвал Джека и Гому по именам, но был более формальным со мной. Я узнала, что это был его способ дистанцироваться.

— И да, я встретила Олонану. Твоя бабушка дала мне это.

Я подняла браслет, чтобы он мог увидеть его в зеркале заднего вида.

— С тобой они были добрее, чем со мной. Ты знаешь, что дал мне мой отец? Моё прозвище. Бахати. *Бахати Мбайя*.

— Тебе оно не нравится? — спросила я. Мы оставили позади каменные колонны поместья Кабури и ехали по главной дороге в Амошу.

— Тебе бы это не понравилось, если бы ты знала значение. *Бахати* означает удачу. *Мбайя* значит плохо. Мой отец думает, что я неудачник. Когда я родился, у Лонеки, нашего *Олоибони*, было видение. Он увидел, как я катаюсь на спине гигантского черного змея. Я сражался со своими сородичами, помогая белым людям. Много лет назад колонисты забрали нашу землю. Мы всё ещё пытаемся восстановиться и придерживаться нашего образа жизни. Леньоки считал, что я представляю угрозу для деревни, но мой отец любил меня. Он слушал Леноки по всем вопросам, кроме того, что касалось меня, и это вызывало недовольство *Олоибони*. Он обвинял меня во всех несчастьях. Если не было дождей, это была моя вина. Если его заклинания не срабатывали, это была моя вина. Если болезнь уничтожала наших коров, это была моя вина.

— Может быть, если бы я был как другие *мораны*, если бы я доказал свою ценность, всё бы изменилось. Но я не был хорошим охотником или пастухом. Мне нравилось болтаться в деревне. Мне нравилось показывать шоу для туристов. Мне нравились гаджеты, музыка и фильмы. Поэтому старейшины настоятельно рекомендовали моему отцу отослать меня. Я думал, что он заступится за меня, что он сказал бы им перестать верить в устаревшие суеверия, но он уступил. Он сунул мне в руку несколько шиллингов и выпроводил меня. Он сказал мне, чтобы моей ноги никогда не было на земле Масаев, что если я это сделаю, пророчество сбудется. Я попытался объяснить с ним, но мой отец сказал, что нам всем будет лучше, если я просто уйду. С тех пор я не возвращался

— Мне жаль это слышать, — ответила я. — Надеюсь, ты когда-нибудь

сможешь помириться с ним.

— Олонана упрямый старый болван. Прямо как я. С нами нелегко сблизиться, — Гома пошарила в своей сумочке и передала мне плитку шоколада.

— Вот, — она дала ещё одну Бахати. — Шоколад делает всё лучше.

Он был тёплым и мягким, и я перекатывала его во рту, как сладкий кусочек комфорта.

Когда мы добрались до хостела для волонтеров Nima House, я зашла внутрь и упаковала вещи. Заправив кровать Мо, я села в изножье, благодарная, что Гома и Бахати остались в машине. Мне нужна была минутка, последнее мгновение, чтобы побыть в месте, в котором была Мо, подышать воздухом, которым она дышала.

Я была рада, что приехала, но больше не могла отрицать пустоты там, где должна была быть она. Я поняла, что эти моменты всегда будут подкрадываться ко мне, всегда напоминать её голос, её лицо, её улыбку, это словно пустая комната в моей душе. Меня внезапно охватило чувство благодарности и связи с Джеком, Гомой, Схоластикой и Бахати. Все они показывали мне разные аспекты того, что значит быть сильным, в то время как я отчаянно боролась сама с собой за то, чтобы стать именно такой.

Я оставила записку Коринне, сообщив ей, что буду в поместье «Кабури», пока нахожусь здесь. Потом я положила оранжевые с кошачьими глазами рамки моей сестры в сумочку и взяла свой чемодан. Ленты, которые она привязала к вентилятору, развевались, когда я открыла дверь, чтобы уйти. Я не могла заставить себя развязать их, поэтому я надеялась, что тот, кто занял её место, наслаждался вихрем ярких цветов, всякий раз, когда они включали вентилятор.

«Прощай, Мо», — подумала я.

«Как тебе будет угодно», — ответила она.

В этой фразе была вся Мо, и весь момент был настолько пропитан ее присутствием, что мне хотелось одновременно улыбнуться и всхлипнуть.

Я была благодарна за болтовню Бахати, когда мы поехали прочь, сквозь переполненные улицы Амоши. Рядом с нами остановился мотоцикл, пассажирка сзади сидела как в дамском седле, читая книгу. Наши глаза встретились ненадолго, когда она подняла взгляд на шум движения и уличных торговцев. Затем загорелся зелёный, и Бахати повернул к местному полицейскому участку.

— Мне нужно забрать кое-что, — сказал он, высадив Гому и меня возле главного входа. — Увидимся чуть позже.

Я оглядела потертое здание, а Гома дынула на свои психоделические

солнцезащитные очки и вытерла их краем своего халата. Ее серебряные волосы выделялись на фоне энергичной расцветки фуксии.

— Давай зададим тут немного всем жару, — сказала она, снова надевая очки.

Я должна была отдать ей должное. Она знала, как сделать драматическое шоу. Гома была громкой, требовательной и яркой, как ураган грозовой энергии в сером однообразии.

— Гома, ты ещё жива? — один из полицейских ухмыльнулся ей.

— И я буду ещё долго, после того, как тебя не станет, Хамизи, — она бросила стопку банкнот на его стол. — Это за стулья.

— За какие стулья? — он сунул деньги в свой ящик, не дожидаясь ответа.

— Те, которые ты собираешься достать для меня и моего друга, чтобы мы могли сесть и обсудить дело.

Итак, мы влезли вне очереди усталых, оборванных людей, ожидающих своего часа. Никто и не моргнул и не задал ни единого вопроса. Гома держала свои радужные очки, когда Хамизи записывал подробности о Габриэле.

— Я считаю, что о пропаже человека уже сообщала его сестра. Мне нужно, чтобы этого мужчину нашли.

— Звучит как-то слишком лично, — сказал Хамизи.

— Это для моего друга, — Гома наклонила голову. — Её сестра умерла при нападении на торговый центр. Она знала этого парня. Если мы сможем поговорить с ним, мы сможем свести все факты воедино.

Хамизи перевел взгляд на меня.

— Я сожалею о вашей сестре. К несчастью, большая часть наших ресурсов сосредоточена на расследовании взрыва. Это может занять некоторое время. Возможно, между ними была романтическая связь? — он постучал своей ручкой по бланку.

— Как тебе такая связь? — Гома вырвала ручку из его рук и нацарапала число на бумаге. — Достаточно лично, чтобы освободить некоторые из ваших ресурсов?

— Может быть, — Хамизи проанализировал число. — Для начала.

— Для начала, черт бы побрал мою костлявую задницу?! Ты соглашаешься на эту сумму прямо сейчас или мы уходим. Я уверена, что смогу найти кого-нибудь, кто был бы рад помочь.

— Гома, — Хамизи поднял руки в знак капитуляции. — Всегда, как *пили пили мбузи*. Вы знаете что такое *пили пили мбузи*? — спросил он меня. — Измельченные семена чили, такие жгучие, что они сжигают ваш

язык. Даже когда они старые.

Перед тем, как он смог продолжить, четверо полицейских остановились у его стола. Они удерживали мужчину. Кажется, ему было лет тридцать, но он был лысым, но не гладко выбритым. У него на голове были маленькие волосатые пучки, растущие странными проплешинами. Красная племенная бандана была обернута вокруг его запястья. Оба её конца торчали, как жесткая буква V, пока один из охранников держал его. Он не был особенно сильным или плотным, и не сопротивлялся им, поэтому было странно, что с ним было так много охранников. На его лице было выражение полной беззаботности, словно он ждал автобуса в летний день.

— К.К., — Хамизи вздохнул. — Назад, так скоро?

К.К. улыбнулся, как будто должно было произойти что-то хорошее.

Нет ничего более жуткого, чем человек, чьи эмоции не соответствуют ситуации. Его глаза остановились на мне, и я не могла ничего поделать, но думала об аистах марабу, которых я видела в кратере, с их полыми бедренными костями и пятнистыми беспёрыми головами.

— Отведите его в камеру ожидания, — сказал Хамизи.

— Когда ты потеряешь к этому интерес, инспектор? Я уйду отсюда, прежде чем вы сможете начать работу с документами.

— Может быть, и так, но это не помешает мне выполнить мою работу.

— Ваша работа — лишь насмешка, — сказал К.К., когда охранники уводили его.

— Привет, старушка. Ты! — он позвал Гому через всю комнату. — Я хочу эти очки!

Гома посмотрела на него поверх очков.

— Только через мой труп.

— Это может быть устроено, — прокудахтал человек, прежде чем решётка захлопнулась за ним.

— Прошу прощения, — сказал Хамизи, обращая внимание на нас. — Где мы остановились? Ах, да, — он посмотрел взятку, предложенную Гомой. — Я думаю, мы можем работать с этим. Я буду на связи.

— Спасибо, — сказала я, когда он пожал нам руки.

— Я буду ждать, — сказала Гома Хамиси.

Мы обнаружили, что Бахати ждет нас на автостоянке. Он переоделся в рубашку на пуговицах и брюки и стоял у багажника машины, копаясь в своём рюкзаке.

— Я забыл упаковать свой увлажняющий крем, — сказал он.

— Кажется, ты упаковал всё остальное, — Гома ткнула два чемодана,

которые он загрузил в машину. Знаешь, ты не переезжаешь. Только до тех пор, пока Джек и Родел не вернутся из Ванзы.

— Я серьезно отношусь к своим заданиям.

— По всей видимости. И ещё заботишься о своей коже, — Гома скользнула на переднее сиденье.

— Тебе бы не помешал хороший увлажняющий крем, — Бахати закрыл багажник и завёл машину. — Что ты используешь? Спа-центр в «The Grand Tulip» отдаёт мне все их дополнительные вещи. Вот. Потрогай мою кожу. Гладкая, как у новорожденного ребенка. Я собираюсь сделать несколько снимков. Для своего портфолио. Я ждал, когда мои волосы вырастут...

Мы ехали мимо той части города, которую я раньше не видела. Она выглядела как торговый центр города, с более новыми зданиями и более широкими улицами. Огромная строительная зона прервала линию магазинов и офисов. По крайней мере, так оно выглядело до тех пор, пока я не увидела венки из цветов, простирающихся через огороженную зону, от края до края.

— Подожди, — сказала я. — Остановитесь здесь.

Бахати прервал свой продолжительный комментарий. Он и Гома обменялись взглядами.

— Все нормально. В самом деле. Я просто должна увидеть.

Я смотрела в окно на то, что осталось от «Килимани мола».

Команда уборщиков убрала все обломки и разбитые стекла. Столбы дыма, которые я видела по телевизору, исчезли. Осталась лишь оболочка полуразрушенного здания, её стальные балки торчали как острые переломанные кости. В его центре была темная, зияющая яма, с подземной автостоянки была снесена крыша. Полицейская лента развевалась на ветру, её яркий желтый цвет боролся с мрачным пепельным местом происшествия.

Я в трансе вышла из машины. Именно здесь это произошло, здесь Мо потеряла свою жизнь. Но она была не единственной. Фотографии были привязаны к проволочному ограждению — имена, заметки, даты, просьбы о предоставлении информации о людях, о которых ещё ничего не было известно.

Спи в объятиях ангелов, Морган Принс.

Ушла слишком рано. Саломея Эванджелина, моя девочка.

Возлюбленный муж и отец. Всегда с нами.

Ты видела этого человека?

Я прошла мимо длинной линии свечей, цветов и игрушек. Люди оставляют свои вещи, возможно, те, кто приходил каждый день, чьи души были привязаны к этому месту, где они потеряли любимых.

«Где ты, Мо?» Я взглянула через перекладыны на руины. «Что ты делала?»

Я бы никогда не узнала ответы на свои вопросы, но единственное, что причиняло сильнейшую боль, то, о чем я пыталась не думать, заключалось в том, что она умерла одна.

— Извините, — пронеслась мимо меня женщина. Она остановилась в определенном месте, сняла высушенный венок и заменила его новым.

Ее лицо выглядело странно знакомым. Когда она вернулась ко мне, я поняла, где я её раньше видела. Мы останавливались рядом друг с другом на светофоре ранее. Она была пассажиром, читала книгу на мотоцикле.

Я потянулась к бусинам на моём браслете, думая о словах на них.

Talenoi oIngisoilechashur.

Мы все связаны.

Сколько раз мы проходим мимо людей на улице, чьи жизни переплетаются с нашими такими способами, которые навсегда останутся неизвестными? Сколько существует способов, которыми мы связаны с незнакомцами хрупкими, невидимыми нитями, которые объединяют нас всех вместе?

Она остановилась на несколько секунд под уличным фонарём и посмотрела на листовку, прикрепленную к нему. Затем женщина сорвала полоску бумаги, прошла мимо меня и пересекла дорогу.

— Все в порядке? — спросил Бахати. — Гома попросила меня проверить тебя.

— Что на этом столбе? — я пробралась к нему и прочитала надпись.

Потеряли любимого человека, с которым хотели бы связаться?

Требуется продвижение по службе?

Хотите избавиться от болезней или злых духов?

Я могу сделать это для вас за небольшую плату.

Лучший Мганга, из Занзибара.

Позвони сейчас!

А потом имя и номер телефона.

— Что такое *мганга*, Бахати?

— Традиционно это врач, целитель или травник. Но этот термин применим и к колдунам, и производителям зелий. Особо почитаются те из них, кто из Занзибара. Занзибар — это остров у побережья с богатой историей местного вуду.

— И люди верят в это? — на объявлении осталось всего две полоски с номером телефона.

— Если ты достаточно отчаялся, ты это сделаешь.

Я кивнула, думая о женщине, которая только что оставила здесь свежие цветы. Я понимала, как первая строка флаера понравится друзьям и семьям жертв нападения в торговом центре.

— Эти *мганги* — это те, которые выполняют заклинания с использованием частей тела альбиносов?

— Некоторые из них. Невозможно сказать, пока ты не в их круге доверия.

— Ты когда-нибудь был? У колдуна? — спросила я, когда мы пошли к машине.

— Нет. Если не считать нашего *Олоибони*, Лонеки. У многих людей нет доступа к врачам или здравоохранению в сельских районах. Целители и травники обычно являются их первой линией защиты. Многие целители владеют настоящими знаниями того, как всё работает, что передалось им от своих предков, но существует такое же количество шарлатанов. Лично я избегаю местных суеверий. Может быть, потому, что я сам стал их жертвой, и мне пришлось покинуть свой дом и людей.

— Так же, как Схоластика.

— Да, — Бахати остановился, прежде чем сесть в машину. — Я никогда так не думал об этом, но да. Наверное, у нас со Схоластикой есть что-то общее.

Я прислонила голову к окну и слушала болтовню Бахати. Это странным образом успокаивало, как знакомый фоновый шум. Гома, должно быть, чувствовала то же самое, потому что она задремала, и её голова качалась из стороны в сторону, когда мы проезжали мимо пестрых полей и лачуг с гофрированными железными крышами.

Когда мы добрались до фермы, Бахати поставил Сьюзи в гараж. Это была наклонная конструкция, простирающаяся от дома, открытая со всех сторон, но укрывающая автомобили под крышей. Шланг лежал рядом с машиной Джека, и поток мыльной пены стекал по направлению к сливу в полу.

— Вы вернулись. — Джек был в своей машине, одна длинная загорелая рука высунулась в окно.

— Ты собираешься куда-то? — спросила Гома.

— Нет. Мы со Схластикой мыли машину, и внезапно она начала плакать. Я думаю, она скучает по дому, ей не хватает её отца. Теперь она в порядке, но измучена. Несколько минут назад она заснула.

Я заглянула в машину и увидела, как она свернулась на пассажирском сиденье, положив голову на колени Джека.

— Как тебе удалось успокоить ее?

— Я рассказал ей историю, которую любила Лили. — Он рассеянно погладил её по волосам, словно напевая любимую забытую колыбельную.

— Я отнесу её внутрь, — Бахати вытащил ее из машины, стараясь не разбудить.

— Думаю, я тоже ненадолго прилягу, — сказала Гома. — Эти ужасные дороги растрясли мои кости.

Мы смотрели, как они открывают дверь и исчезают в доме.

— Я не знаю, как кто-то может отказаться от своей дочери, — мягко сказал Джек. — Если бы я мог вернуть ещё один момент с Лили — один крошечный, мимолетный момент, — я бы сделал это. Независимо от стоимости. Я бы продал свою душу дьяволу ради этого.

— Я не думаю, что Габриэль бросил Схластику. Это не имеет смысла. Вот он доставляет всех этих детей быть в безопасное место, подвергая себя риску в процессе, а потом он просто уходит и оставляет свою дочь? Это в голове не укладывается.

— Откуда мы знаем, что он действительно обеспечивал безопасность этих детей? Всё, что мы знаем наверняка, это то, что он собирал детей-альбиносов, используя твою сестру. Она когда-нибудь говорила, что они действительно доставили детей в детский дом в Ванзе? Они физически проводили их через двери, регистрировали их, заселяли?

Мо никогда не говорила об этом раньше, но я никогда не сомневалась в мотивах Габриэля.

— У него у самого есть дочь-альбинос.

— Да, но это не делает автоматически его помощь безвозмездной. Мы ничего не знаем о нём как о человеке. Мы предполагаем, что он хороший парень. Что, если нет? Что, если он просто использовал Схластику, чтобы заставить семьи других детей ему доверять? Мы знаем, что он предложил семье Джумы какую-то компенсацию. Это из его собственного кармана или он работает на кого-то другого?

— Ты говоришь, что Габриэль может быть охотником на альбиносов?

Что он обманом заставил мою сестру помогать ему? — я почувствовала себя жутко при мысли об этом.

— Я не знаю, но это возможность, которую мы должны рассмотреть. Мы не будем знать наверняка, пока не доберемся до Ванзы. Как только мы окажемся там, мы сможем проверить записи и выяснить, действительно ли он доставил этих детей в приют.

— Почему бы нам просто не позвонить им?

— Я не хочу выдавать свои намерения никому — на случай, если у Габриэля есть кто-то, кто шпионит для него. Я бы лучше просто появился там и сам посмотрел.

— А как насчет полиции? Гома попросила Хамизи найти его.

— Хамизи держит рот на замке. Его осмотрительность — это то, что приносит ему дополнительный доход.

Я кивнула, но казалось, что земля уходит у меня из-под ног. Всё, на чём я основывала свои решения, казалось, было иллюзорным, как далекий мираж.

— Сегодня я останавливалась у торгового центра.

Мы разговаривали через окно, и Джек всё ещё сидел в машине. Впервые с нашего обмена взглядами перед сараем ранним утром наши глаза встретились и взгляды задержались. В его взгляде было что-то неопределенное, что-то, чего он не хотел видеть. А потом он протянул руку и ладонью коснулся моего лица. Грубая подушечка его большого пальца коснулась моей щеки жестом, который был таким нежным, что дыхание сжалось в моей груди.

Мои ресницы затрепетали от непролитых слез, хотя я точно не знала, почему мне хотелось плакать. Возможно, это было от увиденного в торговом центре, или от того, что я, возможно, полностью недооценила Габриэля. Частично это тоже было из-за этого. Это чувство так легко вписывается в изгиб ладони Джека, правильность этого, зрелость этого подобна фрукту — сладкого и тяжелого, ожидающего, чтобы его сорвали. Я знала, что мне придется оставить его висеть на ветке, незапятнанным, неповрежденным — как совершенно круглое повторение того, что могло бы быть.

Я не знаю, как попрощаться с сестрой, а затем с любовником, всё на одном дыхании.

И поэтому я отступила, а Джек отдернул руку. Он закрыл окно и вышел из машины.

— Ты пропустил пятно, — сказала я, указывая на точку на стекле.

— Это не пятна, — сказал он. — Это отпечатки пальцев Лили. В тот

день она ела шоколад. Когда мы добрались до торгового центра, зазвонил мой телефон. Она подошла с моей стороны и приложила руку. Так... — он держал кончики пальцев над отметинами. — Один, два, три, четыре, пять. Видишь? Пять идеальных маленьких шоколадных отпечатков. С тех пор я их не смывал. Каждый раз, когда я смотрю в окно, я вижу там Лили, прижавшую свою ладонь к стеклу, корчащую мне рожицы.

Всякий раз, когда Джек говорил о Лили, весь его профиль смягчался. В эти моменты его врожденное очарование было похоже на пламя, зажженное изнутри. На секунду я очень сильно приревновала, потому что я никогда так не жила в чьём-то сердце. А я хотела. Я хотела, чтобы кто-то когда-нибудь так же светился, когда думал обо мне.

Когда Джек отложил шланг, я поняла, что это неправда. Мне не нужен кто-нибудь, когда-нибудь. Я хотела сейчас. Сегодня. И я хотела этого с Джеком.

Независимо от того, сколько причин я нашла для себя, чтобы не делать этого, я всё больше и больше влюблялась в Джека Уордена, с каждым прошедшим днём.

Глава 11

День на ферме начался рано. Лучшим временем для сбора кофе считалось то, пока не становилось слишком жарко. Сбор осуществлялся вручную, потому что кофейные плоды на одной и той же ветви находились на разных этапах созревания. Потому сборщики собирают только зрелые плоды и помещают их в свои корзины одно за другим.

— Для приготовления одной чашки кофе требуется около семидесяти плодов, — сказала Гома, когда я спросила её.

— Ого, — я держала чашку с новым чувством благодарности.

— *Хапана*, Схоластика. Не для тебя, — сказала Гома, когда Схоластика стащила её кофе.

— *Ватото вана кунива мазива*, — она указала на стакан молока на столе.

— *Ситаки мазива*, — Схоластика отодвинула его и недовольно посмотрела на нас.

Задняя дверь скрипнула, открываясь, а затем последовали два тяжелых удара: Джек снял сапоги.

— Что здесь происходит? — он посмотрел на Схоластику, а затем на Гому.

— Противостояние, — сказала Гома. — Она капризничает, отказываясь пить своё молоко. Она хочет кофе.

— Конечно, она хочет кофе. Она на кофейной ферме. Он вокруг неё. Он есть у вас у всех. Естественно, что она хочет попробовать. Я подозреваю, что она тоже ищет причину, чтобы вас разозлить. Вероятно, она думает, что это заставит нас отослать её в Рутему. Это единственный дом, который она знает.

Он обошёл стол, распространяя запах зелёных листьев и земли вокруг себя.

— Ты хочешь *кахаву*? Кофе?

Схоластика кивнула.

— *Харуфу нзури сана*.

— Да, он хорошо пахнет, не так ли? Как насчет того, чтобы ты съела всё на своей тарелке, и я покажу тебе, как сделать свою собственную чашку кофе? — Джек повторил свое предложение на суахили и получил ещё более восторженный кивок.

— Возьми с собой Родел, — сказала Гома. — Мне хотелось бы побыть

одной какое-то время. Я не могу одновременно занимать столько людей.

У меня закралось подозрение, что Гома пыталась играть роль свахи, но я держала свой рот на замке. Прежде чем мы вышли на улицу, я намазала Схоластику солнцезащитным кремом. Она извивалась и хихикала, когда я прикасалась прохладным лосьоном к её коже. Струпья на её лице заживали, а глаза потеряли некоторую настороженность. Страх всё ещё был там, укоренившись довольно глубоко, и её ресницы нервно трепетали, когда мы шли за Джеком через ряды кофейных деревьев.

— Кофе-бобы, на самом деле, являются семенами кофейных ягод^[23], — объяснил он, когда мы со Схоластикой привязали корзины к нашим талиям. — Видишь эти яркие красные ягоды? Это те, которые тебе нужны

Он разломал красную кожуру и вытащил семечко. Оно было липким и скользким.

— Ягоды из ваших корзин будут сушиться на солнце, сгребаться и переворачиваться в течение дня, чтобы они не портились. На ночь, или когда идет дождь, их накрывают, чтобы они не промокли. В зависимости от погоды, это может занять некоторое время, пока они не станут достаточно сухими, когда бобы «начнут греметь» внутри плодов. Затем мы отделяем бобы от остального и продаем их как сырой кофе. Мы оставляем некоторое количество для фермы и рабочих, поэтому можем поджарить их для себя.

— Это так здорово, — сказала я Схоластике, когда она сорвала свою первую ягоду и подняла её, чтобы показать нам.

Ферма представляла собой смешанную в идеальном балансе рощу из банановых деревьев и кофейных кустов. Банановые листья предоставляли тень и укрытие для кофе. Ряды кустов были очень близко друг к другу, и когда мы двигались между ними, Джек скользнул мимо меня, чтобы помочь Схоластике. Это было лишь касание, но всё его тело напряглось в ответ. Я почувствовала его участившееся дыхание на своём лице, толчок от его бедра на своем теле, мурашки в том месте, где его руки коснулись меня. Я ощущала своего рода химию, к которой стремилась, ту, которая воспламеняет все ваши чувства, так что ты чувствуешь себя более живым в течение секунды, чем во все моменты, за все дни до этого. Затем Джек прошёл мимо меня из-под тени глянцевого листа банана на солнце.

— Хорошая работа! — он заглянул в корзину Схоластики и высоко поднял её. — *Сафи сана*. Я думаю, вы, ребята, заработали свой кофе.

Он объединил содержимое наших корзин и направился к месту сбора.

— Пойдём, — сказал он, когда я отстала от них, всё ещё пытаюсь отдышаться. — Время приготовить твою первую чашку кофе с нуля.

Он высыпал наши ягоды в гигантскую корзину, забрал равное количество тех, которые сушили на больших плоских контейнерах, и опустил их в гигантскую деревянную ступку.

— Мы используем машину для этой части, но это устройство отлично подходит для небольших партий. Вот, — он передал пестик Схолостике.

Мы по очереди стали толочь ягоды. Как только шелуха была отделена, мы пересыпали всё в мелкую корзину и стали веять, оставляя только внутренний боб. Джек обжаривал кофе в небольшом глиняном горшке над открытым огнем, пока тот не потемнел. Затем мы растолкли бобы и сварили их в кипящей воде.

— Готова?

Он вручил Схолостике чашку.

Она подула на горячую жидкость и сделала большой глоток.

— *Кааааа!* — она выплюнула её и вытерла рот ладонью. — *Мбайя сана!* — она протянула чашку Джеку.

— Тебе это не нравится? — он притворился удивленным.

— Ах-ах.

Она покачала головой и что-то сказала на суахили.

— Горькое, как лекарство? — спросил Джек. — Но пахнет так хорошо.

Она воротила нос, когда он подвигал кружкой.

— *Нинапендейла мазива.*

— *Мазива? Джамани,* — он сел с преувеличенным вздохом. — Вся эта тяжелая работа, и ты хочешь молока? Давай. Иди, спроси у Гомы *мазива.* — Он указал ей на дом.

Ей не нужно было больше указаний.

— Ты знал, что ей это не понравится, — сказала я, когда мы наблюдали, как она убегает в своей шляпе с подсолнухом.

— Наверное, я мог бы предложить ей молоко и сахар, — Джек подарил мне застенчивую улыбку. — Но это не тот кофе, который она хочет. Это предоставило ей некий контроль, который она может ощутить над своей жизнью, даже если это нечто такое простое, как выбор того, что есть или пить. Всё, чего мы действительно хотим, это чувствовать, что мы имеем значение, что нас видят, что нас слышат.

— Ты был так добр к ней, — сказала я. — Я чувствую себя немного затруднительно, потому что не говорю на суахили.

— Если ты не можешь говорить, просто слушай. Это то, что кто-то когда-то сказал мне.

Он налил мне кофе и сел на деревянное бревно напротив меня.

— Хороший совет. — Я приняла чашку и улыбнулась. Он вспомнил

мои слова, и почему-то это сделало меня счастливой.

— Тебе не нравится кофе?

— Я люблю кофе, — ответил он, наблюдая, как я делаю глоток.

— Правда? — поддразнила я. — Я никогда не видела, чтобы ты его пил.

Он откинулся назад, выбрал облако и стал пристально смотреть на него. Я не думала, что он ответит, когда он, наконец, заговорил.

— Я пил кофе на стоянке, когда все началось в тот день. В торговом центре. Вкус его всё ещё был у меня рту, когда здание рухнуло. Мне плохо каждый раз при виде кофе, потому что он возвращает меня к тому моменту.

Я не знала, что сказать, потому что понятия не имела, каково это — быть окруженным акрами и акрами того, что ты любил, но больше никогда не иметь возможности это попробовать. Вместо этого я держала свой кофе и следовала за его взглядом по небу. Мы молча смотрели, как облака проплывали мимо величественного лика горы Килиманджаро, как тонкие вуали из серебра.

* * *

— Вот это, Схоластика, — я указала на букву «А» в книге и предложила ей скопировать её на лист бумаги, который лежал перед ней.

Кажется, у неё были проблемы с пониманием, поэтому я прошла вперед и написала маленькую «а» в верхней части страницы.

— Твоя очередь, — сказала я, вручая ей ручку.

Она посмотрела на меня, затем на бумагу, и нацарапала что-то совершенно другое в углу.

— Вот так: «А», — сказал я, когда написала букву.

Она отлично повторила звук, но её «А» была далека от моей.

Я перевернула страницу на чистую сторону и снова написала большую букву «А».

— Ты можешь повторить?

Она медленно скопировала мою букву и показала мне.

— Да! — я хлопнула в ладоши. — Это оно! Как насчет этого? — спросила я, указывая на «Б» в книге.

Выражение её лица было пустым, поэтому я написала большую «Б» и показала ей.

Она наклонилась над столом и отлично воспроизвела её.

— Отлично сработано! Это «А», а это «Б», — я указала на буквы в

книге. Она смотрела на них, но не реагировала.

— Вот, — я подтянула книгу ближе к ней. — Ты видишь их сейчас?

Схоластика посмотрела на страницы и приблизила их ещё ближе, пока её нос не оказался в нескольких сантиметрах от центра переплета. Затем она улыбнулась.

— «А», — она показала её мне, прежде чем поднять свой рукописный текст и радостно размахивать им.

— Хорошо! — прошептала я ей. — Ты можешь найти «Б»?

И снова она держала книгу у своего лица и изучала слова.

— «Б»! — воскликнула она, найдя одну.

Мы всё ещё праздновали, когда Гома вошла в библиотеку.

— Схоластика изучает алфавит, — сказала я. — Но я думаю, ей нужны очки.

— Это меня не удивляет. Плохое зрение идет рука об руку с альбинизмом. Я запишу её на приём к доктору Насмо. Он окулист, услугами которого мы пользуемся в Амоше.

— Замечательно! Ты это слышишь? Тебе нужно примерить очки, — я сделала жесты руками для Схоластики. Странно, насколько мы можем общаться, используя выражения лица и язык тела, когда слова — не вариант. И ещё более странно, насколько более аутентичным ощущается разговор.

— Ой, подождите! — я порылась в сумке и вытащила запасные очки Мо. — Давайте посмотрим, помогут ли они. Они не подойдут идеально, но... — я положила дужки ей за уши и отступила назад.

— Как тебе это?

Схоластика несколько раз моргнула и оглядела комнату. Затем её рот раскрылся в полном благоговении. Она посмотрела на Гому и меня на несколько секунд, прежде чем развернуться к книжному шкафу.

— «Б»! — она указала на один из книжных корешков. — «А»!

Она прошла вдоль всего ряда, останавливаясь, чтобы поприветствовать все «А» и «Б», как если бы они были её новыми лучшими друзьями.

— Я не видела девочку такой счастливой с тех пор, как мы купили Лили черепаху, — сказала Гома. У неё был задумчивый взгляд, пока она не заметила маленькие экскременты, которые Аристотель оставил у её ноги.

— Ну, все! Ты попадёшь в коробку. Я больше не буду убирать какашки за тобой, ты слышишь? — она подняла его и сказала что-то Схоластике на суахили.

Я последовала за ними на улицу и наблюдала, как Схоластика

побежала с Аристотелем, засунутым подмышку. Она приподняла очки Мо повыше, чтобы они не скользили по носу.

— Куда она идёт?

— Найти Бахати. Возможно, он сможет почистить один из ящичков, которые есть у нас в сарае. Он будет прекрасным домом для Аристотеля.

И она достала корзину для белья и начала развешивать одежду для просушки.

— Позвольте мне это сделать, — сказала я, беря у неё одежду. — Идите внутрь. Это не займёт много времени.

Я ходила между корзиной и верёвкой для белья, развешивая мелкие предметы, прежде чем переходить к более крупным. Был прекрасный солнечный день. Облака рассеялись, оставив после себя синий атлас неба. Пройдет ещё несколько дней, прежде чем мы отправимся в Ванзу, и я привыкла к повседневной жизни на ферме.

Двигаясь между рядами развевающегося белья, я заметила Джека. Он стоял без рубашки между кофейными рядами, его тело мерцало в лучах послеобеденного солнца. Я отвернулась, но не могла не разглядеть украдкой его сильное золотистое тело. Я могла бы игнорировать влечение к нему, даже несмотря на то, что оно постоянно вспыхивало, если бы это не усугублялось моей симпатией к нему. Это была смертельная комбинация, которая заставляла меня мечтать о том, чтобы быть крепко стиснутой в его объятиях, даже когда я сосредоточилась на рутинной задаче по развешиванию мокрой одежды.

Я почти закончила, когда поднялся ветер. Я боролась с последней простыней, пытаясь не уронить её в попытке закрепить, но она дико закручивалась вокруг меня. Я уронила прищепку и наклонилась, чтобы поднять её, повесив простыню одной рукой на верёвку. В этот момент сильные, длинные пальцы Джека накрыли мои. Мои колени подогнулись от неожиданного прикосновения его теплой хватки. Я поднялась, когда подобрала прищепку, моё сердце сильно билось в груди. Наши глаза прошли по влажной простыне, когда я выпрямилась.

В течение долгой секунды, когда у нас перехватило дыхание, мы оказались в своеобразном коконе белья. Взгляд Джека опустился на мои губы, когда ветер бросил мне в лицо волосы. Прикосновение его руки было неожиданно пронизано электричеством, и оно прошло сквозь меня, когда он нежно убрал пряди волос. Я почувствовала дикое головокружение. Единственное, что удерживало меня, — это другая рука Джека, держащая мою.

Между нами закачалась верёвка с вещами, когда налетел ещё один

порыв ветра. Простыня соскользнула с другого конца. Мы подняли её и растянули на веревке, как шторку между нами. Джек удерживал её, пока я цепляла прищепку.

— Ещё есть? — спросил он.

— Нет. Всё уже сделано.

«Слава Богу, — заявили мои колени. — Этот парень затрудняет нам правильную работу. Нам он не нравится».

— Спасибо, — сказала я Джеку, подбирая пустую корзину. — Я собираюсь... — «вернуться внутрь», но я не могла вымолвить ни слова, поэтому я указала на дом и пошла по направлению к нему.

Если и есть подходящий случай, чтобы пройти беззаботным и изящным подиумным шагом, то это когда вы уходите от кого-то, и вы знаете, что они всё ещё смотрят вам в след. По иронии судьбы, это то же самое время, когда вы мучительно осознаете, что каждый шаг, который вы предпринимаете, дается с трудом. И поэтому я держала спину прямо и ставила одну ногу перед другой, пока не добралась до двери.

Когда я вошла внутрь, я увидела Гому, отходившую от кухонного окна с лукавой улыбкой на лице.

Вскоре она попросила меня позвать Джека на ужин.

Я нашла его в сарае со Схоластикой, ухаживающим за теленком, на которого напали.

— *Мфале! Мфальме!* — сказала Схоластика, указывая на Джека, когда она увидела меня. Она всё ещё была в очках Мо, и хотя я была той, кто отдал их ей, моё сердце немного сжалось, скучая по глазам Мо, которые смотрели на меня сквозь них.

— Что это значит? — спросила я. — *Мфале?*

— Это означает король, — ответил Бахати из-за угла. Он шлифовал шкуркой коробку, которую он сделал для Аристотеля, — она сделала Джеку корону из веток и сена.

— О? — я заметила её однобокое творение на голове Джека.

— Я только что закончил рассказывать ей историю, которую я начал на днях, когда она заснула в машине, — ответил он. — Кажется, она показала мне главного героя.

— Ну, если это порадует Ваше Величество, ужин готов. Вас всех зовёт Гома.

— Идите вперёд, — сказал нам Джек. — Я скоро приду. Я почти закончил с ним, — он погладил спящего в стойле телёнка.

— *Твенде*, Схоластика, — Бахати протянул ей руку. — Положим Аристотеля в его новый дом и посмотрим, одобрит ли его Гома.

— Как телёнок? — я заглянула в стойло, когда Бахати и Схоластика вернулись в дом.

— Она в порядке. Просто нужно убедиться, что этот порез не инфицирован.

Он промыл его каким-то лекарственным раствором, наложил мазь и снова перевязал его.

— Бедняжка.

Я опустилась на колени рядом с ней и погладила складки на её коже. Она пошевелилась и открыла свои большие карие глаза.

— К счастью, рана не глубокая. Через несколько дней она будет как новенькая. Не так ли? — Джек погладил её. — Но прямо сейчас тебе нужно отдохнуть. Правильно. Закрывай глаза. Теперь ты в безопасности. — Он гладил её шкуру широкими нежными прикосновениями, а свет заходящего солнца падал золотыми лучами вокруг них.

Неожиданно я оказалась в присутствии человека из плоти и крови, которому никогда не смог бы соответствовать ни один книжный герой. Он носил корону из сухих веток и сена, но он был более королём, более великолепным, чем все драгоценные короли во всех сказках, потому что он был в реальной жизни — смертный, уязвимый, сломленный, измученный, но всё же король — с сердцем льва и душой ангела. Мне до боли захотелось прикоснуться к нему, почувствовать его золотую энергию. Рукой я неуверенно потянулась к нему, наши ладони соприкоснулись, пока он успокаивал телёнка. Это было самое мягкое прикосновение кожи к коже, это была крошечная частичка для моего голодного сердца, прежде чем я отступила.

Кто-то другой мог бы отбросить это прикосновение как случайное, но не Джек. Он знал. Возможно, потому, что он так же остро осознавал импульсы, которые проскальзывали между нами. Его взгляд коснулся моего лица, ища глаза. Я не знаю, что он увидел в них, но воздух между нами ощущался спёртым и заряженным, как будто он был начинён динамитом — одно неверное движение, и нас обоих разорвёт на куски. Меня это не беспокоило, не в тот момент. Его близость была как наркотик, убаюкивая меня эйфорией. Я медленно, беспомощно двигалась к нему, пока мои губы не попробовали полную, опьяняющую сущность его губ.

Джек не ответил, но и не оттолкнул меня, и для меня это было нормально. Существует особый вид ада, который приходит с воспоминаниями, в полномасштабных, наполненных невероятными красками деталях, поцелуй, которого так никогда и не было. И я только что освободилась от него. Я отступила назад, мои глаза всё ещё были закрыты,

я знала, что только что украла у жизни самый грандиозный момент. Когда-нибудь, оглянувшись назад, я улыбнусь посреди улицы, и никто не будет знать почему. Потому что это было только для меня, чтобы я могла сказать себе:

Однажды в Африке я поцеловала короля...

Я встала, разгладила платье и направилась к выходу, оставив Джека стоять на коленях около телёнка.

— Родел, — позвал он, когда я была в шаге от того, чтобы выйти на улицу.

Родел — ещё одна вещь, которую я всегда буду помнить, — как он произнес моё имя, протягивая мягко букву «л» дольше обычного.

Он оказался между мной и выходом, прежде чем я смогла развернуться. Он заключил меня в кольцо из своих рук и поцеловал — не мягко или осторожно, как я целовала его, а с отчаянным и требовательным голодом, вжимая моё тело в своё. Его рот дико двигался на моем, его язык изучал все уголки у меня во рту, как будто я украла кусочек его, и он хотел его вернуть. Я попробовала целую вселенную в поцелуе Джека — синюю жару вращающихся звёзд, рождение далеких солнц, атомы, жужжащие и сталкивающиеся, и плавящиеся.

И точно так же, в старом красном сарае у подножия горы Килиманджаро, я обнаружила неуловимую магию, которую видела только между страницами великих любовных историй. Она кружилась вокруг меня, как новорожденная бабочка, и уселась в уголке моего сердца. Я затаила дыхание, боясь выдохнуть, опасаясь, что она исчезнет и больше никогда не будет найдена.

Когда Джек поднял голову, мой пульс тяжело и быстро бился у основания моего горла. Он ласково проследил его, с нежным очарованием, прежде чем встретиться со мной глазами.

— Родел, — он снова произнёс моё имя.

Я попыталась замаскировать волну эмоций, несущихся сквозь меня, но он заметил мерцание чего-то, потому что выражение его лица стало мрачным.

— Пойдем со мной, — сказал он, выведя меня за руку на улицу.

Мы прошли мимо дома, в мягком полумраке между днем и вечером, к гигантскому дереву акации, под которым я его видела в ночь во время грозы.

— Все, кого я люблю, оказываются здесь, — сказал он, указывая на четыре надгробных камня у основания дерева. Его дед. Его отец. Его мать. Его дочь. — А вот это моё место, — он выделил область рядом с могилой

Лили.

— Я родился здесь, и здесь я умру. Бог знает, есть дни, когда всё, что я хочу, это быть с Лили, где бы она ни была. Когда я встретил её мать, я был молод и наивен. Я думал, у нас всё получится. Но не многие женщины созданы для жизни на ферме, вдалеке от всего и всех. Сначала Сара была очарована фермой, потом она терпела её, затем она ненавидела её. Это отняло у нас всё хорошее. После того как она ушла, я поклялся никогда не заставлять кого-то снова проходить через это.

Он засунул руки в карманы и обернулся.

— То, что происходит между нами... — он пожал плечами, сделав глубокий вдох, — Это просто навредит нам обоим. В конце концов, мы принадлежим к разным мирам. Мой дом здесь, твой — там. Я никогда не смогу попросить тебя остаться, и ты никогда не сможешь просить меня уехать. Это было бы несправедливо. И я не обладаю теми качествами, которые впустят тебя мою душу, чтобы затем отпустить тебя. Я больше не смогу справиться с расставаниями, Родел. — Он стоял у подножия могилы Лили, когда спускались сумерки, а тени таяли под кроной старой акации. — Последнее уничтожило меня.

Мои пальцы болели от необходимости поправить самодельную корону на его голове, но я стояла рядом с ним, опустив руки вдоль тела. Моё сердце было переполнено чувством потери: его, моей, нашей. В то же время что-то прекрасное ожило при заявлении Джека, его признание нашей связи. Казалось, что крошечное семя, наполненное магией, укоренилось. И хотя оно никогда не увидит дневной свет, только тот факт, что оно сформировалось там, где раньше ничего не было, заставило меня почувствовать, как внутри меня беспрерывно что-то цветет.

Глава 12

Ночи на ферме были неторопливыми, с приветливыми паузами, когда всё повисало под сенью усыпанного звёздами неба. Гома сидела за своей старой швейной машинкой, её нога была на педали, издавая шум, что наполнял библиотеку мягким жужжанием. Время от времени она вставала, примеряла сшитое на Схоластику и кивала или доставала свои ножницы и мел.

— Что ты делаешь? — спросила я.

Джек, Схоластика и я уезжали утром, чтобы забрать следующего ребенка в списке Мо, а оттуда у нас была ещё одна остановка, прежде чем мы направимся к Ванзе.

— Я шью несколько тонких юбок для Схоластики, — ответила Гома. — Они продержатся некоторое время.

Схоластика подняла взгляд при упоминании её имени. Мы практиковались, как писать её имя. С тех пор, как она увидела его на бумаге, она увлеклась этим.

Схоластика.

Схоластика.

Схоластика.

Она нацарапала его на каждом белом листе бумаги, который смогла найти. Казалось, что она открывала свою личность, укрепляя её каждый раз, когда она писала это.

Это я.

Это я.

Это я.

— Она выглядит измученной, — сказал Джек. Он сидел за своим столом, работая над некоторыми счет-фактурами.

— Да, похоже на то, — я погладила её по волосам, удивляясь, как сильно её явная усталость связана с тем, что это была её последняя ночь на

ферме.

— Ты хорошо себя чувствуешь? — спросила я.

Возможно, она не поняла значение этих слов, но она сняла очки и положила голову мне на колени.

— Ну, я всё закончила на сегодняшний вечер.

Гома отрезала нитку и осмотрела юбку. Она сложила её и положила на кучу другой одежды, которую сшила для Схоластики.

— Я отведу её наверх. Пойдем, — она протянула руку за Схоластикой. — Пойдем, я отведу тебя в постель. *Twende kulala*. Завтра будет длинный день.

Бахати издал долгий вздох, когда они вышли из комнаты.

— Что случилось? — спросила я.

— Здесь совершенно нечего делать, — простонал он. — Мне скучно, и сейчас всего лишь 8 часов вечера. Разве ты не жаждешь огня и действий, Джек?

Джек поднял взгляд, а затем вернулся к тому, что делал.

— Как насчет того, чтобы мы поиграли в книжные шарады? — спросила я.

— Что такое книжные шарады? — оживился Бахати.

— Это шарады, но с ними, — я указала на полку. — Мы выбираем книгу и смотрим, сможет ли кто-нибудь другой угадать название.

— Я никогда не играл в шарады с двумя людьми. Это глупо.

— Ой, да ладно! Я буду первой.

Я вытащила книгу с полки, прочитала заголовок и положила её обложкой вниз на свой стул.

— Ладно, была не была, — я подняла вверх три пальца.

— Книга, очевидно. Три слова.

Я кивнула и попыталась изобразить первое слово, держась за нос и высокомерно прогуливаясь по комнате.

— Пердун! Ты чувствуешь запах того, что кто-то пукнул! — воскликнул Бахати.

Я посмотрела на него и покачала головой.

— Звучит как... — Бахати интерпретировал мой жест. — Ковбой! — сказал он, когда я гордо расхаживала вокруг.

— «Гордость и предубеждение», — сказал Джек, не поднимая глаз.

Я повернулась к нему, открыв рот.

— Верно. Первое слово звучит как *поездка*. Вот, что я пыталась передать, — сказала я Бахати.

— Ладно, твоя очередь.

— Итак, кто победил? — спросил он, взяв ещё одну книгу с полки.
— Джек, я думаю, — ответила я.
— Но он даже не играет.
— Это не имеет значения. Просто продолжай, Бахати.
Бахати сделал вид, что проверил книгу, которую держал. Он отложил её и подумал некоторое время.
— Книга. Два слова. Первое слово...
Я колебалась, указав на его задницу.
— Умм... круп, задняя часть, задняя сторона, зад.
Бахати показал, чтобы я продолжала в том же направлении.
— Задница, жопа... — я остановилась, когда он прыгнул. — Жопа?
Он кивнул, но хотел, чтобы я расширила понятие.
— Ягодицы?
Он покачал головой.
— Зад, низ...
— Нет, что ты сказала раньше!
— Тебе нельзя говорить. Придерживайтесь правил. Так... жопа?
— Боже, твой английский! Неважно. Переходим ко второму слову, — он плавно прошёлся как дива через всю комнату, бедра покачивались, он обмахивал своё лицо и хлопал ресницами.
Я собиралась сделать предположение, когда Джек снова влез.
— «Дон Кихот», — сказал он, всё ещё наклонившись над своим столом.
— Правильно! — сказал Бахати, показывая нам книгу.
— Как, черт возьми, это «Дон Кихот»? — спросила я. — Ты указал на свою задницу.
— Жопа, как у осла. Но ты сказала задница, а это не подходит. Тогда я перешел к следующему слову, — Бахати хлопнул в ладоши. — «Дон Кихот».
— Это просто... ни за что в жизни...
— Ты отрицаешь «Дон Кихота»? Кроме того, Джек угадал его, — злорадствовал Бахати.
Я взглянула на Джека. Он был занят тем, что писал что-то, но я заметила, что один уголок его губ слегка приподнялся.
— Нет, — я подошла к нему. — Я не верю в это. Что-то здесь не так.
Джек положил ручку и откинулся на спинку стула, глядя на меня глазами, похожими на капли дождя на диких, синих незабудках.
— О чём ты говоришь, Родел?
— Я не знаю, но мне это не нравится, — мои глаза сузились при

взгляде на него. Я схватила свою книгу и развернулась на пятках.

— Куда ты идёшь? — позвал он меня.

Боже. Этот голос. Он заставил меня почувствовать, что я должна идти прямо в его спальню.

— Наружу. С мистером Дарси, — ответила я, направляясь к крыльцу. Это было моё любимое занятие в конце дня — устроится на качелях с хорошей книгой.

Я не зашла слишком далеко в своём свидании с мистером Дарси, когда появился мистер Уорден с одеялом в руке.

— Я подумал, что тебе это может понадобиться, — сказал он. — Сегодня вечером холодно.

Я проигнорировала его, уткнувшись в книгу носом.

— Да, определенно в воздухе мороз.

Качели закачались, когда он сел рядом со мной.

— Хорошо, хорошо, — сказал он, после того как устал слушать скрип качели. — Никто никогда не прикасается к этим книгам, кроме тебя, поэтому практически у каждой есть своё место. Я мог точно сказать, какие книги брали ты и Бахати.

Несколько секунд я смотрела в свою книгу. Затем я потянула за угол одеяла, которое принёс Джек, и натянула его на свои колени. Джек, возможно, улыбнулся, и, может быть, я тоже это сделала, но только самую малость. Книжные ботаники находят подобную вещь сексуальной — человека, который знает свои книжные полки, как свои пять пальцев.

«О, мой дорогой-предорогой мистер Дарси, — подумала я. — У меня такие проблемы. Я знаю, что совершенно пропала, ведь даже ты не можешь привлечь моё внимание. Я задерживаю дыхание каждый раз, когда прохожу мимо его двери. Моя кожа покалывает каждый раз, когда он сидит рядом со мной».

Я закрыла книгу и бросила взгляд на полумесяц. Он висел между скоплениями звезд, его ореол выделялся светлым пятном на фоне чёрного как сажа неба.

— Я боюсь, Джек.

— Чего?

«Никогда не чувствовала ни к кому другому того, что я чувствую к тебе».

— Завтра, — ответила я. — После того, что случилось с Джумой, я не знаю, чего ожидать.

Джек немного помолчал. Затем он полез в карман и достал телефон.

— Я хочу тебе кое-что показать, — он пощёлкал на нём, пока не нашёл

видео. — Это последнее танцевальное представление Лили. Я записал его за несколько недель до её смерти. Посмотри на её лицо — это чистая радость.

Лили осветила маленькую сцену. Она прыгнула на правую ногу, затем на левую, размахивая руками. Это были милые и веселые движения. Это представление было на половину хореографическим, наполовину в свободном стиле, и она не могла перестать улыбаться. Закончив, она развернулась к камере и послала своему папе воздушный поцелуй, прежде чем поклониться.

— Она всегда говорила мне сидеть в первом ряду, чтобы она могла найти меня.

— Она потрясающая. — Я не могла заставить себя использовать прошедшее время, не с её энергией и энтузиазмом, которые столь очевидны.

— Ей не всегда было легко. Это она, когда в первый раз вышла на сцену, — Джек показал мне еще одно видео.

Это была другая Лили, младше, а еще неуверенная и чертовски нервничающая. Она была частью группы и отставала от остальных, потому что получала подсказки от них. Её движения были неловкими и смущенными, словно она танцевала в коробке, которая сдерживала её. Она не выполнила их все до конца. Вместо этого она ушла со сцены и проскользнула за занавес, в то время как остальная группа завершила представление.

— Она была в ужасе, потому что выглядела иначе, чем все остальные дети. Быть метисом не просто для ребенка. Казалось, что на занятиях всё было хорошо, но на сцене, со всеми этими смотрящими людьми, она потеряла самообладание. Я не думал, что она захочет вернуться. Но она это сделала. Она смотрела это видео снова и снова. И каждый раз она принимала себя немного больше, видела свою красоту, практиковала движения, приобретала больше уверенности. Она попросила меня записать её следующее выступление. И следующее. Затем она просматривала их. Снова и снова. Пока не смогла вернуться назад и не посмеяться над первой попыткой, — Джек отложил телефон и повернулся ко мне. — Это нормально — бояться, Родел. Я тоже боюсь. Я стоял на той стоянке, парализованный страхом. Я не мог избавиться от этого. И не знаю, смогу ли когда-нибудь — если я когда-нибудь смогу поверить, что мир — безопасное место. Затем я смотрю видео Лили, и ты знаешь, что она говорит мне? Не верь своему страху. Не позволяй ему шептать тебе на ухо. Выключи это дерьмо. Делай то, что тебя пугает. Снова и снова. И однажды

твой страх станет настолько маленьким, что ты сможешь посмеяться над ним.

— Большие уроки от маленькой девочки, — ответила я. — Хотела бы я встретиться с ней.

— Тебе бы она понравилась. Я жил ради тех моментов, когда она приезжала в гости. Любил наблюдать за её забегами по равнинам, по траве, которая была почти такой же высокой, как и она. Это мой цветок, моё восходящее солнце. Синие джинсы и радужная футболка. — Он пошевелил ногой, заставляя качели качаться мягко, убаюкивающе. — Ничто не причинит вреда тебе или этим детям, Родел. Я нахожусь в состоянии войны с тех пор, как потерял Лили, только я не знаю, с кем. И это убивает меня. Потому что каждая часть моего существа хочет найти их и уничтожить, но я не могу. Но если кто-нибудь... если кто-нибудь тронет хоть волос на твоей голове или попытается принести вред этим детям, я разорву их. Я больше не хочу играть по правилам. Я не хочу видеть их за решеткой. Я хочу, чтобы они получали справедливое судебное разбирательство. Я хочу, чтобы они умерли. Я закопаю их на пару метров под землю, Родел, так что помоги мне, Боже.

Он сжал мою руку под одеялом и переплёл свои пальцы с моими. Он и раньше однажды держал меня за руку, но сейчас это было по-другому, собственнически, как будто он предъявлял свои права. Внутри я ощущала смятение. Мы оба знали, что есть линия, которую мы не могли пересечь, но она не остановила руку Джека или того, что я склонила свою голову ему на плечо.

В течение нескольких часов той ночью мы с Джеком сидели на крыльце, в воздухе витал аромат дикого жасмина, и ничего не нарушало тишину, кроме скрипов качелей и жужжания ночных насекомых.

Глава 13

В какой-то момент я заснула на качелях, и Джек отнёс меня в кровать. Я, возможно, проснулась, когда он подхватил меня, но ощущение его объятий было таким восхитительным, что я притворилась спящей. И потом снова и снова прокручивала этот момент в своей голове, пока снова не заснула.

«Это оно, маленькая сестрёнка, — подумала я, когда встала следующим утром. — Мы собираемся забрать последних двух детей в твоём списке и доставить их в Ванзу».

Не последовало никакого ответа, и на какое-то время я подумала, что это какой-то знак от неё, предупреждение не делать этого. Я стряхнула с себя беспокойство и встала с постели. Я всё выдумываю — свои беседы с Мо, а теперь и молчание.

Я сообщила своим родителям о том, что происходило. Они не были слишком счастливы из-за того, что Джек и я будем далеко в течение следующих нескольких дней. Они потеряли одну дочь и хотели, чтобы другая вернулась в целостности и сохранности. Часть меня жаждала отправиться домой к ним и к моему маленькому каменному коттеджу у реки, но другая часть — часть, которая изменилась, почувствовала острую боль при мысли об отъезде — это была та часть, которая ожила, когда Джек открыл свою дверь, в противоположном конце коридора, со смятыми волосами, одетый только в боксеры.

«Боже мой, представьте, что просыпаетесь так каждый день».

Он был наполовину в тени, стоя в коридоре, но это превратило его тело в скульптурное произведение на границе света и темноты. Но вся его уверенность и самодовольство быстро исчезли, когда он пробежался взглядом по моему голому плечу, где сползла бретелька топа.

— Спасибо за м-м... что ты отнёс меня наверх прошлой ночью, — сказала я, пытаюсь пробиться через потрескивание, которое возникало каждый раз, когда мы находились в нескольких футах друг от друга.

Джек ничего не сказал, но он, должно быть, прочел на моем лице все мои мысли, потому что уголок его рта приподнялся, но лишь чуть-чуть, как если бы он был в курсе всего.

«Ну, я не сожалею. Мне совсем не жаль».

— Доброе утро, — Бахати вышел из своей комнаты, посмотрел налево на меня, посмотрел направо на Джека, а затем направился к ванной.

— Эй, я собиралась...

— Кто не успел — тот опоздал, — насмехался он, закрывая дверь передо мной.

— Тсс. Не шумите! — Гома высунула голову из своей комнаты. — Мы со Схоластикой не спали всю ночь.

— Всё в порядке? — спросил Джек.

— У неё лихорадка. Я дала ей кое-что от неё, но сегодня она не может никуда поехать.

Гома придержала дверь открытой, чтобы Джек и я могли войти внутрь. Схоластика спала, откинув одеяла.

— Её кожа кажется липкой, — сказал Джек, садясь рядом с ней.

— Мы не можем уехать без неё, — я прижала ладонь к её лбу. Он был горячим на ощупь.

— Мы должны. Сегодня день, когда Мо и Габриэль должны были бы забрать ребёнка в Маймоси.

— Сумуни, — поправила я. Я запомнила все их имена. — Но как насчет Схоластики? Я обещала Анне, что отвезу её в Ванзу.

— И мы это сделаем. Поправка. Я это сделаю. Когда мы вернемся, тебе надо будет успеть на самолет. После твоего отъезда я совершу еще одну поездку. Тем временем, мы дадим Анне знать, что была задержка. Я не думаю, что это имеет значение, пока она уверена, что Схоластика в безопасности.

— Что происходит? — Бахати вошел в комнату, оглядывая нас.

— Схоластика. Она больна. Она не может поехать со мной и Ро сегодня, — ответил Джек. — Ты можешь остаться ещё на некоторое время? Пока я не вернусь?

— Но Джек, это так ску... — он остановился в середине фразы, когда Джек назвал сумму. — Я могу купить новые шины для Сьюзи на эту сумму. И тогда всё, что ей будет нужно — это новые сиденья. Не пойми меня неправильно. Не то, чтобы мне это не нравилось, но я скучаю по «The Grand Tulip». Гости, симпатичные девушки, фильмы, рестора...

— Ты хочешь этого или нет? — спросил Джек.

— Хорошо, — ответил Бахати. — Я остаюсь.

— Мне не нужна няня, — вздохнула Гома. — Я вполне способна позаботиться о себе и Схоластике. Но если ты останешься, больше не зови меня или Схоластику, чтобы проверить ящериц под твоей кроватью ночью. Ясно?

Бахати хватило приличия сделать вид, что ему немного стыдно.

— Кто-нибудь хочет завтракать?

Он бросился прочь, не дожидаясь ответа.

К тому времени, когда я спустилась вниз, он приготовил кофе и помогал Джеку загружать машину.

— С тобой всё будет хорошо? — спросил Джек Гому, когда она вышла нас проводить.

— Всё будет прекрасно. И со Схоластикой тоже.

Она была не из тех людей, кого обнимают или целуют на прощание.

— Вот о ком я беспокоюсь, — она наклонила голову к Бахати.

— Что ты имеешь в виду? — сказал он. — Никто здесь не принимает меня всерьёз. Вот почему я...

Джек завёл машину, заглушая остальную часть его комментариев.

— Пока, Гома, — я помахала рукой, когда мы выехали из гаража. — Пока, осел *Кихот*.

В то утро облака висели низко, скрывая следы пыли, которую мы оставили за собой. Мы проехали прибрежные леса и лесистые холмы с возвышающимися термитниками. Обычно пейзаж превращался в сухой и коричневый, с небольшим количеством неряшливых кустов. Затем дорога стала петлять сквозь Великую Рифтовую долину, предлагая потрясающие виды, от которых у меня перехватило дыхание. Эта обширная впадина в земной коре простирается от Ближнего Востока на севере до Мозамбика на юге. Это также наиболее существенная физическая деталь на планете, видимая из космоса. Проезжать вдоль неё, обнимать отвесные стены, которые я когда-то показывал на карте своим ученикам, было сюрреалистично. На горизонте, не очень далеко, ползли огромные грозовые тучи с пеленой дождя, такие широкие, словно бескрайнее море.

Когда мы подъехали, дождь простёрся над нами сильными диагональными полосами серого цвета. Стеклоочистители скрипели, работая в двойном темпе, но было невозможно разглядеть ничего больше, чем на несколько футов впереди.

— Нам придётся подождать, — Джек потянулся и выключил двигатель.

Мать-природа разыгралась не на шутку, стуча по крыше, оконным стеклам, двери, словно пытаюсь размазать всё, как на шедеврах Моне. Это был день неизбежной влажности.

Настроение Джека изменилось, переходя в мрачное, как грозовое небо. Я почти не могла разобрать его слов в оглушительном рёве дождя.

— Она меня покидает, — сказал он.

— Кто тебя покидает?

Он не сводил глаз с окна, наблюдая, как капли стекают по стеклу

быстрыми, яростными ручейками.

— Лили, — он прижал ладонь к стеклу, в том месте, где были постепенно исчезающие шоколадные отпечатки с другой стороны. — Я теряю последнее, что осталось от неё.

Если муку можно было бы потрогать, то это можно было бы сделать в паузах между его словами.

— Мой ребенок там, под тем большим деревом. Я всегда смотрю на неё. Каждый раз, когда начинается дождь, я стою рядом с ней. Я думаю о её маленьком теле, пропитанном дождем, и не могу избавиться от мысли о том, что ей одиноко. Но сегодня меня там нет, и она меня покидает. Я теряю свою девочку.

Он медленно разваливался, его стены рушились кирпичик за кирпичиком, словно дом, в котором он жил, был сметен оползнем. Когда он заплакал, в этом была какая-то первобытность, агония, которая говорила о потере, открытой ране, которая была не обработана. Сначала всхлипы душили его, как будто он пытался удержать своё горе. Я не знала, насколько глубоко он похоронил его, но оно захлёстывало его волнами. Он сторбился над рулём, его руки сжимались и разжимались, словно ища что-то, за что можно было бы ухватиться, чтобы его не засосал очередной всплеск боли.

— Джек, — сказала я. Но он был в своём собственном мире, потерянный для меня.

Он не останавливался, пока не выплакался, пока не позволил себе утонуть в этом, пока всё его тело не стало дрожать, от того, что его разрывало на части. Когда он, наконец, поднял голову, то представлял собой картину полного опустошения.

Впервые я была свидетелем того, как кто-то может излучать чистую силу из чистой боли. Иногда самая героическая вещь, которую мы можем сделать, — вступить в схватку с самим собой и просто появляться на другой стороне. Потому что это не просто одна битва. Мы делаем это снова и снова, пока мы дышим, пока живём.

Джек прижал лоб к окну, от его дыхания запотело стекло. Отпечатки пальцев Лили исчезли, смытые серебряными потоками, стекающими вниз по склонам долины. Над нами проплыли грозовые облака, и мир блестел от воды. Всё было влажным, скользким и обновленным. Прутья из мягкого люминесцентного света замерцали в лужах, когда сквозь дымку появилось солнце.

— Помнишь, когда ты сказала мне, что если я не смогу поговорить с Лили, я должен просто послушать? — сказал Джек.

— Я не осознавала, что ты никогда не отпускал её до этого момента...

— Я слушаю, — он указал на другую сторону долины.

Там, на графитовом горизонте, через всё размытое небо повисла мягкая цветная дуга.

— Радуга.

— Лили любила радугу. Всё было радужным. Её пачка, брелок, носки, карандаши... — Он прервался, словно заново открывая её красоту в новорожденном свете.

— Я сказал ей танцевать как буря. И это именно то, что она сделала. Она привлекла моё внимание. Всё это время я искал её в неправильных местах — под дождем, громом и молнией. И всё это время... вот она, прячется в радугах.

Мы сидели в молчании, являясь свидетелями чуда солнца, дождя и цвета. Затем Джек глубоко вздохнул и завёл машину.

— Увидимся на другой стороне, малышка, — сказал он радуге на той стороне долины.

* * *

Деревня Маймоси расположилась у реки, на лугу, усыпанном баобабами. Лишённые листьев и фруктов, они тянулись в небо, как массы когтистых корней, выглядя так, будто они были посажены вверх ногами.

Маймоси был намного больше, чем я предполагала, с широкой дорогой, вдоль которой тянулись скромные палатки. Она было грязной от дождя, но это не останавливало всех от хлюпанья по округе в резиновых шлёпанцах. Женщины с бритыми головами выбирали фрукты и овощи, громко торгуясь о цене. Мясник в красной бейсбольной кепке вешал куски блестящей козлятины, окруженный стаей надеющихся на угощение собак. Тонкий дымок вырастал из горелок с древесным углём, пока продавцы варили чай с молоком и жарили хлеб *мандази* для своих клиентов (*Прим. восточно-африканские пончики, которые обычно подают к кофе или к чаю*).

Мы припарковались у реки и вышли. Женщины сидели на корточках, стирали одежду и вешали её сушиться на кусты терновника. Дети тащили домой ведра с водой, оставляя за собой следы мокрых брызг. Пастухи с ослами и крупным рогатым скотом ждали своей очереди, чтобы подойти к ручью.

— *Бонго Флава! Бонго Флава!* Идёмте, посмотрим! — нас окружила процессия из детей, стучащим по кастрюлям и сковородкам, — красивые

дети, лица которых были серыми от пепла.

— Что такое *Бонго Флава*? — спросила я их.

Они посмотрели на меня, как будто у меня выросло две головы, и начали смеяться.

— Музыка! — объяснила одна из девочек. — Тебе понравится.

— Спасибо, но я здесь не для этого. — Я попыталась вырваться из клубка рук, когда они начали тащить меня вместе с ними. — Мы ищем Сумуни. Вы знаете Сумуни?

— Да! Приходите на *Бонго Флава*!

Я стрельнула в Джека вопросительным взглядом, когда они тащили меня мимо него.

— Мы должны это проверить, — сказал он. — Похоже, все дети идут туда, — он указал на круг из детей, уже сидящих перед импровизированной сценой. Она была похожа на боксёрский ринг с верёвкой, подвешенной на четырёх деревянных столбах. Вышел оркестр — трое детей с самодельными инструментами. У одного из них была перевернутая тыква, стоявшая в ведре с водой. Я предположила, что это барабан. Другой держал коробку из-под обуви с резиновыми лентами, обернутыми вокруг нее. Я не могла себе представить, для чего она нужна. Последний ребенок загремел двумя консервными банками, наполненными камнями, чтобы привлечь всеобщее внимание.

— *Ньямаза!* — сказала она.

В тишине, следовавшей за этим, на ринг вышла невысокая фигура, одетая в халат с капюшоном. На самом деле это было одеяло, подвязанное на талии поясом в цветочек, который выглядел так, будто его стащили с женского платья.

— Ладно! Давайте начнем эту вечеринку! — сказала фигура, опустив капюшон и разворачиваясь к аудитории в стиле Майкла Джексона.

— Сумуни! Сумуни! Сумуни! — скандировали дети, поднимая свои руки вверх к нему.

— Ну, будь я проклят, — сказал Джек. — Сумуни — грёбаная суперзвезда.

Сумуни выскочил на сцену, бледный полубог с пылающими апельсиновыми волосами, читающий лирические тексты, которые были наполовину на английском, наполовину на суахили. У него не было микрофона, но его голос легко разносился, притягивая окружающих местных жителей к сцене. Они смеялись над его движениями, его словами, но, прежде всего, над его слишком «звёздным» поведением. Не имело значения, что музыка была выключена, или что обувная коробка с

грязными резиновыми лентами была героическим вариантом, но не могла заменить отсутствие гитары.

Все заплодировали ему в конце выступления. Сумуни и его группа поклонились. Некоторые из взрослых клали манго и апельсины в коробку на сцене, прежде чем уйти.

— Я должен был знать, — сказал Джек, качая головой разочаровано.

— Знать что?

— Сумуни. Это означает «пятьдесят центов» на суахили. Наверное, он назвал себя в честь рэппера *5 Cent*.

Он вытащил из своего кошелька несколько купюр и передал их Сумуни.

— Спасибо, — Сумуни положил деньги в шляпу, прежде чем надеть её. — Вы туристы?

Наше присутствие, похоже, не вызывало большого любопытства. Маймоси, очевидно, было местом, которое получало свою долю посетителей.

— На самом деле, мы здесь ради тебя. Чтобы отвезти тебя в Ванзу, — сказал Джек. — Твои родители рядом?

Сумуни остановился и прищурился, глядя на Джека. Ему, должно быть, было двенадцать или тринадцать, но его глаза были глазами старой души. Они отличались от Схластики — были скорее розовыми, чем голубыми.

— Да, но, должно быть, это какая-то ошибка. Мы ожидаем Габриэля.

Он привёл нас к себе домой и попросил подождать во дворе, пока он пошел за родителями. Они тепло поприветствовали нас, хотя они сразу же спросили о Габриэле.

— Мы не знаем, где он, — сказала я. — Я нашла имя Сумуни в заметках, которые сделала моя сестра, и мы решили приехать за ним.

Они кивнули, когда я объяснила ситуацию, но я могла сказать, что они были заняты оценкой Джека и меня.

— Мы очень благодарны, что вы совершили эту поездку, но дело в том, что мы ничего не знаем о вас. Мы не можем просто передать нашего сына вам. Отец Сумуни говорил с решительностью, которая не оставляла места для спора. И всё же, он обращался за поддержкой к матери Сумуни, пока говорил. Очевидно, она всем руководила.

— Мы не спешим отправлять Сумуни в Ванцу. В основном, это из-за школы, — сказала она. — Здесь нет средней школы, и скоро она ему понадобится, но мы будем ждать Габриэля — когда бы он не появился. Ситуация с Сумуни не похожа на ситуацию с большинством других детей-

альбиносов. Его любят и защищают здесь. Вся деревня поднимется, если кто-нибудь попытается навредить ему.

— Мы понимаем, — сказала я, несмотря на то, что это было похоже на анти-кульминацию, пройти весь этот путь, только чтобы получить отказ. — Это вам решать.

— И если Габриэль не появится в ближайшее время? — вмешался Джек.

— Тогда никакой школы для меня! — Сумуни сделал жест кулаком. — Я становлюсь звездой Бонго Флавы.

— Посмотрим, — сказала его мать, подталкивая. — Если Габриэль не появится, нам нужно будет сэкономить деньги для поездки на поезде в Ванцу частным рейсом. Везти Сумуни туда на автобусе слишком рискованно. Никогда не знаешь, с кем путешествуешь.

— Мы надеемся, что было не слишком затруднительно добраться сюда, — отец Сумуни поёрзал на своём стуле. — Куда вы направляетесь дальше?

— В Магесу, но у нас есть пара дней, прежде чем доберемся туда, нас там ждут. Вернее, до того, как там ожидают Габриэля.

— Почему бы вам не остаться на ужин? — спросила мать Сумуни. — Мы планировали большой ужин. Мы думали, что это будет последняя ночь Сумуни, которую он проведёт с нами, прежде чем он уедет в Ванзу с Габриэлем. Мы пригласили некоторых из наших друзей и членов семьи. Считайте это знаком благодарности, небольшим вознаграждением за то, что вам вот так приходится уезжать отсюда. Для нас была бы честь, если бы вы поели вместе с нами.

* * *

Что-то маленькое превратилось в большой праздник. Половина деревни собралась под высоким деревом баобаба. Кастрюли, наполненные тушеной курицей, и горох в кокосовом орехе кипели над огнём. Картофель, запеченный на горячих углях, и аромат молочного чая разносились до поздней ночи.

Сумуни и его маленькая группа показали ещё одно шоу для всех. Его отец смотрел с гордостью, пучок табака был засунут за его ухо, в то время как его мать нанизывала резные бусинки на длинные волокна из баобаба.

— Что случилось? — спросил Джек. — Похоже, ты где-то в другом месте.

Мы сидели плечом к плечу теплым пятном возле костра.

— Я просто... Я чувствую, что подвожу Мо. У меня ничего не выйдет с этими детьми. Мы приехали за Джумой слишком поздно и теперь...

— Что теперь? — он повернулся, чтобы изучить моё лицо.

Когда Джек смотрел на меня, не имело значения, где я была или о чём я думала. Я возвращалась к настоящему. К его глазам. К его голосу. Я могла тонуть в муках, и всё, что он должен был сделать, это смотреть на меня, как и теперь.

— Ты видишь это? — он наклонил голову в сторону Сумуни. — Взгляни на него. Посмотри на его родителей. Это любовь. Это счастье. Они горят этим. Как это может заставить тебя чувствовать, что ты подвела Мо? Кроме того, она не доверяла тебе что-нибудь. Ты сама взяла это на себя. Это твоё решение. Твоя миссия.

— Это глупая миссия, — сказала я. — Я хотела почтить её память, я хотела изменить ситуацию, но чувствую, что это всё было впустую.

Холодный бриз дул вокруг нас и бросал сухие листья на угли. Мы сидели, наблюдая, как женщины подметают землю вениками, сделанными из трав и веточек, пока большинство гостей не разошлись.

— Ты действительно изменила ситуацию, — сказал Джек, когда они начали тушить костры один за другим. — Для меня.

Он встал, расправил сапоги и протянул мне руку.

Вокруг нас ночное небо было окутано увеличивающимися клубами дыма и пыли, но тот момент, тот момент сиял с ясностью, такой резкой и острой, и я знала, что он надолго останется в моём сердце, как алмаз.

«Ты действительно изменила ситуацию. Для меня».

Глава 14

В Маймоси не было отелей, но один из богатых жителей сдавал комнаты на своей частной вилле. Мы с Джеком провели ночь в смежных комнатах, которые были скудно, но функционально обставлены. Стены были толщиной с бумагу, поэтому я знала, что большую часть ночи он не спал. Утром он был таким же сонным, как и я.

«Хорошо, что я была не единственной, кто ворочался всю ночь», — подумала я.

Становилось всё сложнее поддерживать платонические отношения между нами. Я задавалась вопросом, такие же ли мысли проносились в его голове — прорваться сквозь хрупкую перегородку, которая отделяла нас, поддаться безумной тяге между нами и заснуть под звуки размеренных дыханий.

Мы оба были спокойны, когда выехали из деревни Сумуни, потерявшись в собственных мыслях. Я держала в руках последнюю заметку Мо:

1 сентября — Фураха (Магеса).

Края были свернуты ещё с тех времён, когда я просматривала её стикеры. *Фураха* означает «счастье». Я задавалась вопросом, назвали ли её родители так, чтобы оно всегда оставалась с ней... счастье... независимо от того, что мир обрушил на неё. Я понимала, что ситуация с детьми-альбиносами в Танзании была сложной: Джума на одном конце, принесенный в жертву своей собственной семьёй, а Сумуни — на другой, чьи родители и друзья сделают всё, чтобы защитить его. Я всё думала, в какую часть спектра вписывается Фураха.

— Мы пройдем через парк и попадём в Магесу через западный коридор, — объяснил Джек, когда мы добрались до Национального парка Серенгети.

— О, смотри! — сказала я, как только мы вошли. — Жирафы! Я не заметила ни одного в кратере.

— Нет, им слишком сложно вести «переговоры» с утесов.

С ногами, на половину скрытыми в золотой траве они, казалось, грациозно плывут вдоль горизонта.

— Что это? — я указала на пару широкоглазых животных, которые

выглядели как заросшие зайцы на длинных ножках.

— Дикдики. Это одна из разновидностей антилоп.

— Такие крошечные. Такие милые.

И тут что-то напугало их, и они побежали зигзагообразно, свистя сквозь носы.

— Ты пропустила ежегодную миграцию, — сказал Джек. — Это необыкновенное зрелище.

— Я не могу себе представить, что это может быть ещё лучше, — ответила я, глядя в окно.

Было легко потеряться в окружающей обстановке, почти как если бы что-то первобытное выбило тебя из колеи, снимая шелуху внутренней статичности и обостряя ощущения. Повсюду вокруг нас по равнинам бродили животные. Львы, слоны, импалы, антилопы гну, зебры, бородавочники, птицы с переливающимися перьями, которые мерцали, как радуга на солнце. Ландшафт представлял собой постоянно меняющееся спектрально великолепие. Когда мы проехали через центр парка, травянистые равнины уступили место лесным массивам и руслу реки, окружённому деревьями. Пласты гранита торчали наружу как скалистые острова на горизонте.

— Холмы, — сказал Джек. — Вон тот выглядит точно так же, как скала, на которой Рафики представил всем Симбу в «Короле льве». Хочешь взглянуть на это место?

— Я сомневаюсь, что мы найдём их там, — рассмеялась я.

— Может быть. А, может быть, и нет, — Джек улыбнулся. — Но это идеальное место для ленивого льва, чтобы погреться.

Когда мы повернули к скалистому выходу горных пород, Джек замедлил движение и выключил машину.

— Это твой счастливый день, Родел, — он указал на одну из скал.

— Что? — я замолчала, когда она сдвинулась. — О, мой Бог. Носорог.

— Пятый номер Большой пятёрки — чёрный носорог. Теперь ты увидела их всех.

Он стоял к нам спиной, общипывая кусты, которые проросли между валунами. Его тело было толстым и серым, как круглый бронированный танк. Красноклювые птицы сидели на его спине, питаясь тем, что (я предполагала) было клещами на его шкуре. Мы потратили несколько минут, любуясь его внушительной массой, большими смертоносными рогами и удивительно тонкими ногами.

Когда Джек завёл машину, носорог развернулся и повернул к нам морду, покрытую грязью. Мгновение ничего не происходило. Затем он

заревел, пока маленькая фигура не появилась сбоку от него.

— Чёрт! — сказал Джек, медленно сдавая назад. — У неё есть детеныш.

Заслоня телёнка своим телом, носорог опустил голову и громко фыркнул.

— Полегче, большая мама, — сказал Джек, продолжая сдавать назад.

На мгновение показалось, что здоровенный зверь был умиротворен нашим отступлением. Затем она бросилась на нас так быстро и яростно, что мне пришлось моргнуть, чтобы поверить в то, что что-то такого размера могло двигаться так быстро. Земля загрохотала, когда она понеслась: раскалённый гнев, холодные тёмные глаза. Моя кожа похолодела, вся кровь отчаянно перекачивалась, чтобы моё сердце не остановилось. Она была рядом и ещё приближалась, так близко, что я могла видеть её дыхание — тяжелое и влажное, выдыхаемое из легких. Толстая, плотная волокнистая кожа, угрожающий железный рог наклонился, когда она направилась прямо к нам.

Чёрт. Чёрт. Чёрт. Чёрт.

Это было похоже на то, как наблюдать за адским кошмаром Юрского периода, вспыхнувшим на моих глазах. И я ничего не могла сделать, чтобы избежать этого. Ужасающий звук раздавленного металла раздался в воздухе, когда она врезалась в нас. Из моей груди выбило весь воздух. Явная грубая сила атаки отравила нас скользить по грязной земле, выкорчевывая растительность и листву. Автомобиль оказался на ребре, и на мгновение, сродни остановке сердца, мне показалось, что мы собираемся опрокинуться.

— Джек! — мои руки и ноги дико затряслись, когда мир накренился.

— Всё нормально. Мы в порядке, — сказал он, когда машина выровнялась.

Носорог вернулся назад, но выглядел так, будто снова собирался наброситься на нас. Джек переключил передачу, и машина рванула вперед, колеса закрутились, когда она последовала за нами. Мы мчались вперед, разрывая траву и кусты, пока не потеряли её из виду.

— Ты не пострадала? — взглянул на меня Джек.

— Нет, — мой желудок всё ещё сжимался, и я знала, что буду вся в синяках, но альтернатива была куда хуже. — А ты?

— Я и не через такое проходил, — ответил он. — В следующий раз схвати чёртову ручку.

— За что?

— За чёртову ручку, — он указал на ручку над моим окном.

— Теперь это так называется? — я засмеялась, несмотря на то, что была на волосок от гибели. Моё сердце стучало громко и быстро, словно пытаюсь сбежать из груди. — Я всегда думала, что это для того, чтобы вешать вещи после химчистки.

— Городские жители, — он покачал головой.

— Маньяки сафари, — ответила я.

Мы нашли наш путь к главной дороге, вдоль западной окраины Национального парка Серенгети. Это было похоже на то, что всё это было только для нас. Я не заметила ни одной машины, вероятно, потому что дорога была ужасно неровная, а животных было мало, и они были далеко. Вдоль берега реки, текущей на фоне туманных горных хребтов, тянулась линия высоких деревьев

— Это Грумети, — сказал Джек. — Она впадает в озеро Виктория, крупнейшее в Африке пресноводное озеро. Ванза расположена прямо на берегу озера Виктория.

— Ещё одна остановка, прежде чем мы туда доберёмся.

— Это верно. Сначала Магеса, потом Ванза, — ответил Джек, когда мы выехали из парка.

Через несколько километров мы подъехали к оживленному центру, укрытому у подножия зеленых скалистых холмов.

— Я предполагаю, что сейчас мы подъехали городу Бунда? — я подняла взгляд от карты.

— Правильно, — Джек остановился, чтобы проверить машину и дозаправиться. На пассажирской двери сзади, где машину атаковал носорог, была значительная вмятина. Дверь не открывалась и не закрывалась, но, кроме этого, «Лэндровер», похоже, хорошо перенёс нападение.

После быстрого обеда, состоящего из плова и тушёной рыбы, мы поехали по гравиевой дороге, которая вывела нас в город. Скопления домов и магазинов вскоре сменились полями маниоки и банановыми плантациями. Деревья манго шли по краю улицы, согнувшись под тяжестью фруктов. На дороге в Магесу было несколько путешественников. Деревья сомкнулись вокруг нас, когда мы поехали по грунтовой дороге, ведущей в деревню. Тропа была мокрой после дождя, и машина погрузилась в непрерывный ритм — газ, тормоз, газ, тормоз, пока Джек объезжал овраги и валуны. Мы столкнулись с проблемой после удара в одной из особенно глубоких выбоин. «Лэнд Ровер» издал чудовищный лязг и остановился.

— Чёрт подери, — присев на корточки, Джек заглянул под машину. Два колеса увязли в густой чёрной грязи, но он, похоже, больше

беспокоился о чём-то другом. — Мы сломали ось. Вероятно, она повредила во время атаки носорога, но это просто завершило начатое.

— Что нам теперь делать? — спросила я.

— Ну, мы никуда не пойдём, пока не заменим её.

— Как далеко до Магесы?

— Слишком далеко, чтобы идти пешком. Мы не доберемся туда до наступления темноты, и мы не пойдём через этот лес в темноте, — он указал на заросли деревьев впереди. — Я позвоню механику. Посмотрим, смогут ли они прийти помочь нам, — он включил телефон и покачал головой. — Здесь нет сигнала.

— Дерьмо. Мы влипли.

— Ещё нет. Но мы влипнем, когда солнце сядет, и выйдут львы. Не волнуйся, — сказал он, когда кровь отхлынула с моего лица. — Мы будем дежурить по очереди, сохраняя осторожность. Я буду дежурить на крыше, пока ты будешь спать, а потом ты можешь сделать то же самое для меня. Вот, — он сорвал ветку с дерева, оборвал листья и вручил её мне. — Начнёшь стегать. Лучше всего длинный удар.

Я держала палку, потеряв дар речи, когда он нырнул в машину, чтобы взять нож. Прошло немного времени, пока до меня дошло.

«Здесь нет львов, бродящих вокруг».

Конечно, когда я подошла и распахнула дверь, он был там, согнувшийся пополам. Смеющийся. Этот звук напоминал рябь в пруду, после того как в него был брошен камень. Смех распространялся, обволакивая меня, пока я не смогла не присоединиться.

Именно в этом состоянии опьянения, высвобожденном из самосознания, между приступами смеха, я поняла, что была абсолютно и полностью влюблена в Джека Уордена. Это обрушилось на меня как тонна кирпичей, которая заставляет вас почувствовать себя живым, хотя ваше сердце никогда больше не окажется в вашем распоряжении, и вы знали, что собираетесь ходить без него всю свою оставшуюся жизнь. Я отошла от него, пока смех угасал на моих губах, как будто он пронзил мою грудь палкой, которую я держала. Я уронила её и повернулась на каблуках, но мой ботинок застрял в грязи, и я качнулась лицом вперед в сторону земли.

Моё падение было полным. В буквальном смысле. Абсолютное смущение. Абсолютное унижение. Потому что Джек мог читать меня, как открытую книгу, все мои «почему», «если» и «но»; мои «начинания», «остановки», «изгибы» и «повороты». Это было волнующе, потому что не требовало усилий — объяснения были не нужны. Это было пугающе, потому что это оставило меня открытой, без покрова притворства. Не было

никакого способа скрыть свои чувства к нему.

Когда Джек помог мне подняться, я избегала его взгляда. Когда он вытер грязь с моего лица, я не сводила глаз с земли. Когда он усадил меня и полил водой на мои ладони, я смотрела, как смывается грязь.

— Родел.

«Чёрт бы его побрал. Чёрт бы побрал его голос. Чёрт бы побрал то, как он произнёс моё имя».

Он поднял мой подбородок, не оставляя мне выбора, кроме как встретить его взгляд. Он не улыбался и не смеялся. Он не был удивлен. Он смотрел на меня со смесью такой сильной нежности и тоски, что я с трудом подавила рыдания, потому под всем этим скрывалось желание попросить прощения. За то, что он взбудоражил меня, за то, что я взволновала его, за горькую поездку, которая свела нас вместе, и за прощание, которое должно было произойти. И затем очень мягко, очень осторожно, с одним пальцем всё ещё под моим подбородком, он поцеловал меня — один, два, три раза — как будто он собирал букет цветов с моих губ.

— Твои волосы в беспорядке, — сказал он, проводя пальцами по моим покрытым грязью волосам.

— Я вся не в форме, — я оценила себя — свои ноги, одежду, ногти.

— Есть простое решение. Оставайся здесь.

Он достал керосиновую печь из багажника и вскоре разогрел два больших горшка с водой, раздобыл мыло, ведро и складное кресло.

— Добро пожаловать в салон Джека в джунглях, — он поклонился. — Садись. Откинься назад.

— Что ты делаешь? — спросила я, садясь в кресло.

— Мою твои волосы, — он подкорректировал угол так, что моя голова свисала над краем стула.

— Разве мы не должны решить, что будем делать дальше?

— *Шшш*, — его дыхание обдуло мой лоб, посылая маленький озноб по моему позвоночнику.

И вот, по дороге в Магесу, рядом с машиной, застрявшей в грязи, Джек Уорден мыл мои волосы куском синего мыла, пока я сидела на старом стуле, который он возил в своём багажнике. Когда он полил на мои волосы тёплую воду, я закрыла глаза и подумала, какое слово может описать ощущение, когда ваши легкие наполняются самым сладким воздухом, и всё же, у вас полностью перехватывает дыхание.

Это было более интимным, чем поцелуй; руки Джека, скользящие по моим волосам, грубые подушечки пальцев, массирующие мою голову, совершающие медленные, непрерывные круги, намыливая их корней до

самых кончиков. Он начал на моих висках, затем двинулся вниз к моему затылку. Массируя затылок, он разминал мышцы, пока моя голова не откинулась назад, расслабляясь в чаше его ладоней. Мою кожу покалывало от его прикосновений, от чувственного ритма его движений, от восхитительного, неожиданно покорного момента.

Я не знаю, как долго мы провели на этой поляне, Джек мыл мои волосы так, как будто это было единственное, что он хотел делать. Когда он закончил, он налил ещё воды, пропуская свои пальцы сквозь мои волосы, пока всё мыло не было смыто. И потом снова повторил это. Я была готова встать, когда он взял мои волосы обеими руками и собрал их на макушке. Затем он скрутил их и выжал воду. Грубое ощущение после мягкого послало покалывание в глубину моего живота. Я вздрогнула, когда по моей шее и спине потекли маленькие ручейки, но это было не из-за воды. Это было из-за того, что я чувствовала взгляд Джека на себе — затылке, ушах, линии моей обнаженной челюсти. Затем он отпустил мои волосы и наблюдал, как они рассыпаются по плечам.

— Полотенце, — сказал он, вручая его мне. Он натянул простыню между двумя деревьями и подогрел ещё немного воды. — Ты можешь закончить здесь.

— Хорошо, — я шагнула за ширму и сняла с себя одежду. — Салон Джека в джунглях — это салон с полным спектром услуг. Девчонки могут привыкнуть к этому.

— Нападение носорога, проблемы с автомобилем, лицо, оказавшееся в грязи, и ведро-душ? — он рассмеялся. — Ты странная, Родел Эмерсон.

Было непривычно, когда я подумала об этом, — о том, что я буду в порядке с вещами, которые были так далеки от моей зоны комфорта. Но вещи не всегда имели смысл. Самые глубокие, самые незабываемые моменты жизни — это те, которые вы чувствуете. И это то, чего мне не хватало. Этого чувства, что я живая. Я пришла с сердцем, полным горя по моей сестре, не ожидая найти любовь или жизнь, подальше от всего. Похоже, Мо показывала мне возможное в невозможном.

«Мне бы хотелось, чтобы ты могла увидеть мир моими глазами», — её слова повторялись в моей голове.

«Я начинаю видеть, Мо. Я начинаю видеть».

Я заглянула за простыню. Джек вытаскивал палатку из грузовика. Меня тогда поразило, что со мной всё будет в порядке, несмотря ни на что. Иногда вы сталкиваетесь с радужной историей — той, которая пленяет ваше сердце. Возможно, вы никогда не сможете понять её или удержать, но вы никогда не пожалеете о цвете и магии, которые она принесла.

Глава 15

Вокруг нас равномерно опустилась ночь, и всё стало полностью черным. Луна висела над головой, но ни одна вспышка света не мерцала на горизонте. Желтокрылые летучие мыши упорхнули навстречу темноте, когда Джек развёл огонь.

— Мы отправимся в Магесу утром, — сказал он. — Как только найдем Фураху, мы можем вернуться к машине с механиком. Надеюсь, телефон тоже поймает сигнал.

— Ты когда-нибудь был там? В Магесе?

Я ополоснула наши тарелки и села рядом с ним.

— Я не был ни в одном из мест в списке Мо. — Он сидел рядом с пламенем, его лицо было расслабленным. — Они все такие разные — каждый город, каждая деревня. Я никогда не знаю, чего ожидать.

В ночи вокруг нас блестели глаза. Дикобраз? Мангуст? Я не могла быть уверена. Всё, что я знала, так это то, что я чувствовала себя полностью в безопасности рядом с Джеком.

— Ты скучаешь по дому? — спросил он.

— Да. И нет. — Я пошевелилась на покрытом мхом бревне, на котором мы сидели. — Я недавно купила свой первый дом. Мне этого не хватает. Я скучаю по его потёртым стенам цвета меда. Звуку реки, которая протекает поблизости. Мне не хватает моего маленького книжного уголка. Холмов с разбросанными по ним овцами. Полей лаванды. Июньских роз, свисающих со всех заборов. Мелкой дикой земляники, растущей даже сквозь трещины в плитах. Я скучаю по церковным колоколам, высоким шикарным шпилям. Знаешь, это дом. Когда я была моложе, мы много путешествовали. Я искала такое место всю свою жизнь, место, которое говорило с моей душой.

— Звучит красиво, — Джек повернулся ко мне, опираясь локтями на колени.

Я печально улыбнулась в последовавшей за этим тишине. После Сары он поклялся никогда не просить другую женщину жить на ферме вместе с ним. И я просто убедилась, что, даже если он передумает, этой женщиной буду не я. У нас у обоих были взгляды, от которых мы не хотели отказываться.

— А Африка? — прошептал он, глядя на огонь. — Что ты думаешь об Африке?

«Я всегда буду думать о тебе, когда я думаю об Африке».

— Она прекрасна и ужасна. Она исцеляет тебя, она разрушает тебя. Это место, которое забрало мою сестру.

«И моё сердце».

Огонь отбрасывал наши мерцающие тени на стволы деревьев. Дневной жар рассеялся, и наше дыхание превращалось в пар.

— Нам следует пойти спать, — сказал Джек. Но никто из нас не пошевелился. Потому что была только одна палатка, и весь вечер она словно мигала нам в лицо, как большая неоновая вывеска в Лас-Вегасе.

Я пошла первой, пока Джек поддерживал огонь. Палатка была достаточно большого размера, пока не вошёл Джек, потому что всё, казалось, сжималось вокруг него. Я закрыла глаза и сжалась под одеялом, когда он скользнул рядом со мной. Я лежала спиной к нему, но надувной матрас сместился под его весом, поэтому мне пришлось вцепиться в край, чтобы не скатиться к нему. Когда он понял, что происходит, я оказалась в неудобном положении.

— Родел?

— Да?

— Если ты ещё сильнее вонзишь ногти в матрас, то сделаешь в нём дыру.

— Я... Я не...

— Отпусти, — он приподнялся на локте и ослабил мою хватку. — Чего ты так боишься? — Его глаза искали мои. — Этого? — он обнял меня и крепко прижал к себе. — Видишь? Это не так уж и плохо, — сказал он, когда его тепло просочилось в моё тело — такое мужское, такое бодрящее. — Это просто руки, — его пальцы медленно скользили вверх и вниз по моей руке. — И ноги, — он проследил кривую моего бедра. — И это пятнышко вот здесь, я умираю от желания попробовать его на вкус с тех пор, как мыл твои волосы, — он поцеловал местечко под мочкой уха. — Я жажду тебя, Родел. В самых невинных отношениях. Я лежу в своей постели ночью, думая о том, что ты находишься дальше по коридору, не желая ничего больше, кроме как держать тебя в объятиях. Я хочу гладить твои волосы, пока ты не заснёшь. Я хочу поцеловать тебя в лоб, когда ты засыпаешь. Это всё, что я себе позволяю. Я не зайду дальше этого.

Он перестал выводить узоры на моей коже и закрыл глаза, как будто боролся с чем-то диким и сильным внутри себя.

— Но прямо сейчас, Родел, теперь, когда я держу тебя, трогаю и дышу тобой, всё, что я хочу сделать, это взять тебя так, как никто до этого не брал, — его взгляд горел, когда он смотрел на меня. — Я хочу взять тебя так, как будто я тебя ненавижу. Неистово. Полностью. Потому что ты

воскресила меня, только чтобы оставить меня. Не думаю, что ты представляешь, что сделала. Ты видишь это? — он потер рукой основание своей бороды. — После того, как Лили умерла, каждый раз, когда я брал бритву, я думал покончить с собой. Единственное, что мешало мне сделать это, — лишь мысль о том, что Гома должна будет похоронить меня. Когда ты появилась в тот непогожий день, это было сошествие благодати на моем крыльце. Я не хотел смотреть на тебя, я не хотел видеть или слышать тебя, потому что в моём мире не было места для благодати, надежды или добродетели. Я подавил их.

Я затаила дыхание, а он продолжил обнажать частицы себя. Я не могла говорить, даже если бы захотела. Мы лежали рядом, наши тела соприкасались под одеялом, и я почувствовала беспорядочно трепещущие ощущения.

— Я думал, что у тебя добрые намеренья, но ты наивная, — его глаза были устремлены на мои губы, и я удивилась, как он мог заставить их пульсировать взглядом. — И в тот день, у камина, я подумал, что ты прекрасна. Но потом ты стала еще прекрасней. Ты была умной и весёлой. И храброй. И каждый раз, когда я смотрю на тебя, я вижу что-то новое, интересное и удивительное. Ты заставляешь меня чувствовать, что я хочу отправиться в долгие путешествия с тобой. В море. В горы. Ты заставляешь меня чувствовать вещи, которые я перестал чувствовать, и я не знаю, что с ними делать или куда их девать. Каждый раз, когда ты рядом со мной, я чувствую, что собираюсь взорваться, пытаюсь сдержать всё это. Ты снова открыла меня, Родел, и ты не имела на это права, чёрт возьми! Ты не имела права.

Его хватка изменилась, всё натянутое напряжение вырвалось в горячем дыхании. Всё разрушилось, когда он яростно набросился на мой рот. Одна большая рука схватила мою талию, привлекая меня к нему, как будто он больше не мог оставаться на расстоянии. Кровь застучала у меня в голове, когда его рука скользнула, лаская мою грудь, превращая сосок в горошину, твёрдую как мрамор. Его тело поверх моего было грубым и настойчивым, наши дыхания сбились, конечности переплелись.

— Прикоснись ко мне.

Он стянул футболку через голову, от его кожи шёл жар. Мой пульс бился на кончиках пальцев, когда я проследила мышцы на его груди, легкую поросль волос в ямке между его грудными мышцами. Когда я скользнула руками в его боксеры, он снова набросился на мой рот, со стоном вцепившись в мои ладони.

— Скажи мне, что ты хочешь этого. — Он скользнул вниз по моему

животу, обхватив мои бедра. — Покажи мне.

Потом он раздел меня, подцепив пальцами мои трусики, спуская их по ногам. Затем он замедлился, откинулся на корточки и коснулся меня — большая, слегка шершавая подушечка большого пальца над моим клитором. Стон, который вырвался из меня, пронзил тишину вокруг нас.

— Я собираюсь овладеть тобой, Родел, — он сказал это мне на ухо, частично накрыв моё тело своим, потому что я дрожала. — Я хочу знать, как звучит твой голос, когда ты испытываешь оргазм.

Я не ожидала, что Джек будет доминировать, главным образом, потому что видела другую его сторону — сломанного, воспитанного, уязвимого мужчину. Но в постели Джек был другим человеком. Его мужественность была искусством, отточенным навыком. И это меня возбудило, очень возбудило.

— На твоей стороне, — он перевернул меня и натянул на нас одеяла, обняв меня сзади. Его твердая как камень эрекция дернулась возле меня, когда его пальцы кружились по моему клитору. Его другая рука скользила по моей груди, разминая нежную плоть с манящим чувством собственности. Моё тело извивалось против его, мы вжались друг в друга, и во мне возникали горячие, стремительные потоки желания.

— Джек... — я повернулась лицом к нему.

Он знал, чего я хотела, прежде чем я это сказала. Он жадно смял мой рот, его язык искал мой, требуя его. Мои губы раздвинулись на рваном вздохе, когда он опустил лицо к основанию моей шеи, увеличивая темп движения пальцев. Удовольствие рвалось наружу, как всплески жидкого огня. Я сжала сухожилия на тыльной стороне шеи Джека. Он кусался, касаясь моей шеи с достаточной силой, чтобы завладеть всем моим вниманием, а затем отпустить, как лев, играющий со своей добычей. Я скользнула своими пальцами по его густым волосам, потянув его назад, а затем мы снова поцеловались, оставляя частицы души глубоко внутри ртов друг у друга. Это случилось, когда он послал меня через край, вклинив своё бедро между моих ног, переместив свой вес, придавив меня своим тяжелым телом. Это было простое действие, но я разбилась на миллион светящихся звёзд.

Контраст грубости и мягкости, предчувствие проникновения, побуждаемое движениями Джека; то, как наши тела уже захлестнул голодный изначальный ритм, кончики его пальцев, ласкающие мои точки наслаждения, его губы, пожирающие мои. Это был чувственный натиск, который потряс меня. Моё дыхание превратилось в длинные дрожащие стоны, которые высвободили в нём что-то горячее и первобытное.

— Я не могу сдержаться, Родел, — он потерял кончиком своего ствола напротив меня. — Скажи мне, что ты хочешь этого.

Я знала, о чём он спрашивал. Он хотел быть уверенным, что я смогу справиться с этим. Эта ночь, может быть, ещё несколько, прежде чем я уйду. Ни меньше, ни больше.

— Я хочу тебя, Джек, — моё тело инстинктивно выгнулось навстречу ему. Его толстая жесткая длина на моём бедре была одновременно электризующей и пугающей. — Но ты должен знать, что... Я... Я этого раньше не делала. Ты у меня первый.

Он остановился и сделал длинный, рваный вдох.

— Это... — он глубоко вздохнул. — Ты не...

— Всё в порядке, — прошептала я. — Посмотри на меня. Посмотри на меня, Джек. Я хочу, чтобы ты был моим первым мужчиной.

«И моим последним. На всё время до и после. Но это невозможно. Поэтому я возьму то, что есть. Что мы имеем здесь. Прямо сейчас».

Но Джек не слушал.

— Я слишком далеко зашёл, Родел, — прорычал он, беря мою руку и направляя её к члену. Его голова откинулась назад, когда мои пальцы обхватили его, и он издал мягкий вздох.

В мерцающем свете от огня снаружи он был светящимся изображением страсти и бушующего желания. Только когда он начал двигаться в моей руке, его ритм был быстрым и яростным, я поняла, что он имел в виду. Он зашёл слишком далеко, чтобы отрицать своё освобождение, но он всё ещё контролировал себя. Я почувствовала печаль, но не было ни малейшего шанса противостоять пьянящей эротике человека передо мной. То, как он смотрел на меня, занимался любовью каждой линией, каждым дюймом моего тела глазами, пока мой кулак двигался вверх и вниз по его пульсирующему стволу.

— Чёрт, Родел, — у его голоса был грубый, ломкий тембр, как будто он собирался сорваться. Он прижался губами к моим губам, когда его тело охватили мощные волны удовольствия.

Он прижался своим лбом к моему, восстанавливая дыхание. Когда он перекатился на спину, потянув меня за собой, я подумала, насколько невероятно теплыми были его руки, как прекрасно они обнимали меня.

— Родел? Почему ты плачешь?

— Потому что, — я сильнее прижалась к нему. — Это приятно.

— Это приятно... — он крепче сжал меня. — Или плакать?

— И то, и другое, — я фыркнула.

Он приподнялся на локте и посмотрел на меня.

— Эти слезы... — его большой палец провёл по моей щеке, — они не имеют никакого отношения к тому, что ты думаешь, что я тебя отверг, не так ли?

Тень скользнула по его лицу, когда я не ответила.

— Боже, Родел, — вскричал он. — Твой первый раз. Я даже не предполагал такого. Просто тот факт, что ты так долго ждала, — это что-то да значит. Это должно быть что-то особенное. Не в палатке на надувном матрасе неизвестно где. И не со мной, не с человеком, который не может предложить тебе всё, что должно следовать за этим. Я сделал единственную ответственную вещь, которую мог, и позволь мне сказать тебе, мне по-прежнему кажется, что я в аду.

— Хорошо. Потому что я не хочу быть ответственной, Джек. Я делала ответственные вещи всю свою сознательную жизнь. Я хочу безрассудства. Я хочу безумства, безжалостности, беззаботности. Я хочу, чтобы меня охватило безумие. Я хочу твоей страсти. Я хочу твоей боли. Я хочу, чтобы ты сказал мне, что не можешь вынести мысль о моём отъезде, что тебе кажется, что не можешь дышать, что ты хочешь меня, чтобы ты будешь скучать по мне.

Его взгляд путешествовал по моему лицу долгое, трепещущее мгновение, пока не опустился на мою шею.

— Я не могу вынести мысль о том, что ты уедешь, — он сказал это возле метки, оставленной его зубами. — Я перестаю дышать каждый раз, когда я думаю об этом, — он нашел ещё одну, ближе к моей ключице и прижался к ней губами. — Я хочу тебя так, как ты даже не можешь себе представить, — его голос был приглушённым, вибрируя против моей плоти глубоким, мягким резонансом. — Я буду скучать по тебе, — он поднял голову и посмотрел на меня. — Ты как мечта, которая вызывает голод и скручивается под моей кожей.

Я думала, что его прикосновение — единственное лекарство от моих сумасшедших ожесточенных чувств, но я обнаружила, что меня вытаскивают за пределы кольца его рук, в место, где души целуются — бесстыдные, бесформенные и свободные. Я знала, что всякий раз, когда буду думать о любви, у неё будет лицо, имя и голос Джека. И я слышала её сердцебиение внутри палатки в дикой Африке.

Глава 16

Я проснулась от того, что мой нос оказался в углублении ключицы Джека. Меня обнимали стальные руки, одна была под моей шеей, другая обвилась вокруг талии. Я пошевелилась, и он немного ослабил объятие. Именно тогда я поняла, что Джек проснулся некоторое время назад. Мы медленно расплетали объятия, с маленькими уколами осознания — я поднимала волосы, чтобы он мог вытащить руку, убирал свои ноги с моих.

Каждый раз, когда его взгляд за завтраком встречался с моим, моё сердце переворачивалось. Я не могла не думать о том, где были его руки, что видели его глаза. Когда мы были готовы ехать в Магесу, я застала его, наблюдающего за мной, как будто если бы он снимал воображаемые фото и прятал их подальше.

— Думаешь, нам это нужно? — спросила я, когда он вытащил винтовку из машины.

— Надеюсь, что нет, но я не оставлю её здесь. — Он засунул ее в сумку и свернул спальный мешок вокруг неё.

Удивительно, сколько вещей Джеку удалось уложить в рюкзак. Он сложил внутрь палатку, сжал остальные вещи и закрепил снаружи кольшки.

Когда все было упаковано и загружено, он затянул ремни и запер машину.

— Чтобы добраться до Магесы, нам потребуется несколько часов. Ты справишься?

Я кивнула и отвернулась. Его глаза были такими невероятно синими, как будто внутри него было всё небо.

Мы шли сквозь небольшой участок леса с такими густыми деревьями, что они закрыли всё небо. Виноград обернул свои усики вокруг серой чешуйчатой коры, а мох как ковёр рос под нашими ногами. Мне пришлось прищуриться, когда мы вышли из-под тёмного купола, хотя ватное одеяло облаков заслоняло солнце. Грунтовая дорога, на которой мы были, поворачивала и сливалась с более широкой дорогой впереди.

— Ещё одна проверка, — сказал Джек, поворачивая свой телефон. Он поискал сигнал и покачал головой. — Мы всё ещё вне связи.

Я поправила свой рюкзак, когда мы пошли дальше. Он не был таким тяжёлым, как у Джека, но его вес начал давать знать о себе.

— Ты слышишь это? — Джек закрыл глаза и взглянул за меня. — Там

едет машина. Возможно, нам удастся прокатиться.

Я повернулась и проследила за его взглядом. Белый фургон грохотал по дороге, ревела музыка.

— Это дала дала? — спросила я.

— Нет. Похоже на частный автомобиль.

Джек стоял посреди дороги, подавая сигнал остановиться.

Трудно было разглядеть кого-то сквозь грязное лобовое стекло, но на нём был желтый текст, написанный сбоку — что-то о ремонте кондиционеров. Приблизившись, фургон замедлился, но как только Джек опустил руки, водитель внезапно нажал на газ. Колеса завращались, когда он подъехал к Джеку, мчась на него на полной скорости.

Это было вопиющее, преднамеренное пренебрежение его жизнью, словно он был дорожным трофеем сумасшедших в машине, которые издавали одобрительные возгласы, пытаясь его задавить. Я мельком увидела их — ухмылявшихся и стучащих по бокам машины через опущенные окна, когда они приближались к нему.

— Джек! — выдохнула я, когда они скользнули мимо меня в облаке пыли и горячего металла.

Он нырнул на обочину дороги, уклоняясь от переднего бампера на волосок. Фургон поехал дальше вниз по дороге, и я услышала громкий хриплый смех.

Хе-хе-хе-хе.

Водитель издал победный гудок, празднуя свою опасную инфантильную шалость.

— Ублюдки! — Джек поднялся и отряхнулся.

— С тобой все в порядке? — у меня в животе был ком. — Кто сталкивает человека с дороги ради забавы? — я уставилась на фургон, пока он не исчез за поворотом, грохот тяжелого баса исчез вместе с ним.

Джек потёр своё плечо, вращая его вперед, а потом назад. У него был далёкий, почти отстранённый взгляд.

— Надеюсь, мы их больше никогда не увидим. — Его глаза сфокусировались на мне. — Чем скорее мы доберемся до Магесы, тем лучше. Пошли.

Мои пальцы пронизывало тепло его ладони. Она была шершавой и жесткой.

— Испугалась за меня, Родел? — Джек поднёс мою руку к губам.

— Нет, — я сглотнула. Его горячие губы на моей коже разрушали связь между моим мозгом и языком. — Я просто хочу, чтобы мы разобрались со всем этим быстрее.

— Вот, — он рассмеялся, зацепив мой палец за одну из петель на поясе своих джинсов. — Держитесь крепко и не отпускай.

Возможно, он пошутил, но я воспользовалась его предложением. Мы, должно быть, прошли ещё одну милю, когда в поле зрения появился ржавый пикап.

— Даже не думай об этом, — сказала я, когда он приблизился.

— Трусишка, — пробормотал он, затаив дыхание.

— Правда? — я остановилась, положив руки на бёдра. — Ты бы рискнул? После того, что только что произошло?

— Правда, — он усмехнулся. — Трусишка.

Грузовик подпрыгнул, цыплята пшеничного цвета закудахтали на нас из кузова. Мы стояли на обочине дороги и смотрели вслед машине в облаке выхлопных газов.

— Да ладно, — он подтолкнул мой локоть. — Ты же знаешь, что хочешь рассмеяться.

Я поцеловала его, внезапно и без предупреждения, стоя на цыпочках, чтобы дотянуться до него.

— Для чего это было? — его рот искривился.

«Я хотела знать вкус твоих губ после улыбки». Я покачала головой и усмехнулась, как будто у меня был большой секрет.

После этого всё стало более четким и ясным, хотя день был серым и окрашен в скучный пустынный свет.

Магеса была немного больше, чем просто коллекция разваливающихся глиняных домов в тени высокого скалистого холма с сухими кустявыми жителями. Она выглядело как место, которое дождевые облака обходили стороной, вероятно, потому, что холм впитывал большую часть осадков.

— Дай мне конфету. Дай мне конфету. Я школьник. Дай мне конфету, — мальчик с щенячьим выражением глаз подбежал ко мне и стал дёргать за топ.

— Школьник, да? Почему же тогда ты не в школе?

Он безучастно посмотрел на меня и протянул руку. Он понятия не имел, что я сказала, но он запомнил на английском всё, что ему было нужно.

Я засмеялась, и он застенчиво улыбнулся, прежде чем обратиться к Джеку и повторить те же четыре строки.

— Дай мне конфету. Дай мне конфету. Я школьник. Дай мне конфету.

Джек что-то сказал ему на суахили. Мальчик убежал и вернулся с женщиной, которую я посчитала его матерью. Они поговорили с Джеком

несколько минут. Было упомянуто имя Фурахи. Женщина покачала головой. Джек задал ещё несколько вопросов и получил тот же ответ.

— Спасибо, — он протянул ей кое-что из своего рюкзака. Затем вытащил несколько батончиков и отдал их мальчику.

— *Асанте сана!* — сказали они.

— Итак... — Джек повернулся ко мне, когда они ушли. — Ты хочешь услышать хорошие новости или плохие?

— Насколько плохие?

Мы стояли рядом с пустой бочкой позади хижины с жестяной крышей. Маленькие зеленые жуки парили внизу, над поверхностью того, что осталось от дождевой воды, которая собиралась сюда. Теперь она была покрыта толстым слоем пыли и мусора.

— Фурахи здесь нет. Но... — Джек поднял руку, когда мои плечи опустились, — хорошая новость в том, что он переехал со своей семьей несколько недель назад. Его отец унаследовал какую-то собственность. Леди сказала, что теперь он богатый человек.

Я смотрела на него несколько секунд.

— Итак, это всё? Они исчезли? — я посмотрела вверх и вниз вдоль ряда оседающих хижин. — Я имею в виду, что это хорошо для них. В самом деле. Но это так расстраивает! Три ребенка, три удара. Каковы шансы? Я не доставила даже одного из детей Мо. Ни одного! И теперь мы застряли здесь — ни машины, ни связи. Скажи, что у них есть механик, Джек. Кто-то, кто может починить машину?

— Механика нет, но есть автобус, который заходит сюда. Мы можем воспользоваться им, чтобы съездить за запчастями.

— Хорошо. Это хорошо.

Мне было не просто справиться с сокрушительным разочарованием, связанным с тем, что я подвела свою сестру, я также чувствовала себя ужасно за то, что потащила Джека так далеко от фермы. Это не было ничем иным, как погоней за несбыточным.

— Как скоро он доберется сюда?

— Три дня.

— *Три дня?*

— Он приезжает раз в неделю.

— Должен быть другой путь. У них есть стационарный телефон? Телефонная коробка? Какая-нибудь «дорожная помощь»? — я взмахнула руками в отчаянии.

— Родел.

Его длинные тонкие пальцы скользнули вниз по моей руке и сжались

вокруг запястья. Ему не нужно было ничего говорить. Он делал это снова, возвращая меня к тому моменту. У него был бесхитростный способ общения глазами. Он мог размыть всё на периферии, так что всё, что оставалось, был его спокойный властный вид.

— Ты делаешь это для телят, когда они становятся пугливыми, — пробормотала я.

— Делаю что?

— То, что ты делаешь сейчас.

— Ты хорошо себя чувствуешь? — его большой палец скользил вверх и вниз по пульсу на моём запястье.

— Как будто я загипнотизирована.

— Хорошо. А теперь иди сюда, — он обнял меня.

Мои ресницы опустились, когда я прижалась щекой к его груди.

— Невероятно, — пробормотала я. *«От раздражения до состояния Дзэн менее чем за десять секунд».*

— Ты снова разговариваешь со своей сестрой? — спросил Джек.

— Я больше её не слышу. Она перестала разговаривать со мной, — моё горло сдавило, когда я сказала это. — Кажется, я её отпустила.

— Или, может быть, она сказала всё, что ей нужно было сказать.

— Она никогда не просталась, — нарастающая боль вылилась в слёзы. — Я хотела бы ответить на её звонок.

«Я потерпела неудачу, Мо. И я не смогла завершить то, что, как я думала, найду в Танзании. И я по-королевски разбила своё сердце в этом процессе».

— Эй, — прошептал Джек в мои волосы. — Вернись ко мне.

Некоторое время мы стояли там, обняв друг друга. Из тонкой травы за нами наблюдал ворон, прыгая ближе и исчезая в траве.

— Джек, я...

Мы оба застыли, когда зазвонил его телефон.

— Работает. Чёрт побери, у нас есть сигнал! Алло? — ответил он. Человек на другой стороне начал говорить. И продолжал говорить. И говорить.

— Бахат... — вмешался Джек, но был перебит. — Стоп. Бахати. Послушай. Послушай! — это прозвучало как львиный рёв.

На другом конце повисла тишина. Казалось, даже коричневые листья вокруг нас перестали шелестеть.

А потом я услышала дребезжащий голос из телефона.

— Я не кричу на тебя, Бахати. Ты понятия не имеешь, как я рад, что ты позвонил, — Джек ходил туда-сюда по ходу разговора.

— В моём столе есть запасной ключ. Верхний ящик, правая сторона. Но это не так... — Джек покачал головой, когда Бахати пожаловался. — Просто скажи Гоме подождать, пока я не вернусь домой. Там что-то... — Джек поднял руки и продолжил ходить в молчании.

— Ты закончил? — спросил он, когда болтовня на другом конце остановилась. — Да? Теперь я говорю, ты слушаешь. Договорились? — он, должно быть, получил подтверждение, потому что продолжил. — Ро и я застряли в Магесе. Машина сломалась. Нет. Только мы. Без детей. Я объясню, когда ты приедешь сюда. Да. Я хочу, чтобы ты приехал за нами. Я знаю... — он отодвинул телефон от уха, когда Бахати затрещал на другом конце. — Я знаю, что ты не можешь. Но ты не будешь останавливаться на земле Масаев. Ты поедешь напрямую. Кого волнует видение Лонеки? Ты не веришь в эти суеверия, не так ли? Хорошо, теперь у тебя есть шанс доказать это. Доказать, что его пророчество ошибочно.

Перед тем как Джек снова заговорил, из телефона последовали ещё протесты.

— Послушай, я не останусь в долгу. Я не знаю. Новые сиденья для Сьюзи? Это не имеет значения. Чёрная кожа, красная кожа, розовая чёртова зебра. Всё, что пожелаешь. Да. Да! И вот ещё. Как Схоластика? — Джек замолчал и кивнул. — Хорошо. Замечательно. Привези её тоже. Мы близко к Ванзе. Мы отвезём её в детский дом, разместим её и починим мою машину на обратном пути. Если ты выедешь сейчас, то можешь быть здесь к утру. Мы с Родел разобьём лагерь на сегодняшнюю ночь. Нет, не в Магесе, — Джек осмотрел деревню. На одном конце была уборная, и когда ветер распахнул дверь, зловонный запах заполнил жаркий влажный воздух. — Встретимся на другой стороне холма. Ты увидишь его, когда приедешь сюда. Мы будем ждать тебя там. Верно, — он повесил трубку и выдохнул.

— Бахати едет?

— Да, — Джек покачал головой, как будто не мог в это поверить. — И Схоластика чувствует себя лучше, поэтому он её тоже привезёт. Мы просто... — снова зазвонил телефон.

— Да? — ответил он. Затем он засмеялся. — Действительно, Бахати? Нет денег на газ? Ты не мог придумать что-нибудь получше? Передай телефон Гоме. А? Ты не хочешь её в это впутывать? Это верно. Или она заставит тебя проехать через землю Масаев в её муумуу. Я знаю, что ты не хочешь. Сделай это для меня, хорошо? Нет, ты всё равно получишь сиденья. Плюс, я буду в неоплатном долгу перед тобой. Да? Хорошо.

Мы смотрели на телефон ещё несколько мгновений после того, как

Джек повесил трубку, но он не зазвонил снова.

— Ты думаешь? — спросила я.

— Я думаю, — Джек отложил телефон. — Он справится.

* * *

Мы почувствовали дождь до того, как он начался, пока находился в стремительно несущихся облаках, наполненных заряженной энергией. Я закрепляла колышки в основании палатки, когда она начала падать, переворачиваясь вокруг нас, превращаясь в толстые, теплые простыни.

— Залезай внутрь, — крикнул Джек сквозь грохот, раздающийся с неба. — Я закончу.

— Я справилась с этим. Ты закрепи другую сторону.

К тому времени, когда мы залезли в палатку, мы были полностью промокшими, но взволнованными от попытки опередить бурю.

— Нет, оставь это открытым, — сказала я, когда Джек подошел, чтобы застегнуть на замок вход. — Я хочу посмотреть, — я откинулась на локтях, пытаюсь перевести дыхание.

Мы лежали под брезентом, по которому бил дождь, глядя сквозь окна в палатке. Вдалеке на фоне серого неба выделялись темные грозовые деревья. Вода смешивалась с высушенной почвой, наполняя воздух сладким земляным ароматом дождя.

Джек по-прежнему был тих. Слишком тих.

— Ты в порядке? — спросила я. Его влажные волосы свисали вдоль скул его точёного лица.

— Это займёт какое-то время, — ответил он, смотря на свет. — Я не могу избавиться от этого чувства — от желания оказаться на стороне Лили, чтобы она не была одна там, под дождем. Я знаю, что это не имеет никакого смысла, знаю, что она ушла, но часть меня всё ещё хочет защитить её.

Вдалеке свистел поезд, и где-то над размытой водой от вспышки молнии хныкал одинокий шакал.

— Мне очень жаль, — Джек моргнул и наклонил голову, чтобы посмотреть на меня. — Иногда я так концентрируюсь на этом, что не вижу всей картины. По крайней мере, я вернул Лили. Но они так и не нашли тело твоей сестры. Это, должно быть, тяжело.

— Так и было. Именно так. — Я обхватила руками колени и положила на них подбородок. — Но потом я подумала, что, может быть, Мо и хотела,

чтобы так получилось. Она никогда не желала оставаться в одном месте. Она чувствовала себя как в коробке. И теперь она... свободна. Она бы посмеялась над моей сорванной миссией. Во-первых, я вышла из своей зоны комфорта ради неё. И потом, когда всё пошло не так, я не могу доставить даже одного из её детей в Ванзу. Если из этого можно вынести урок, то мне интересно, чему я должна учиться на этом.

— Возможно, урок не для тебя, а для меня. Поэтому ты можешь научить меня, что это нормально: сидеть под дождем без Лили и не чувствовать себя так, будто умираешь.

Он наклонился, и что-то дикое закрутилось глубоко у меня в животе. Это был не просто поцелуй. Это был урок — яростный, жгучий отпечаток, такой, чтобы мои губы всегда знали разницу между желанием и жаждой. Мир смыло, превратив в размытую картину. Всё, что осталось, это горячее дыхание Джека, твердость его губ, то, как его мокрая одежда липла к его телу. Когда он отстранился назад, то тяжело дышал, как будто долго, долго бежал.

— Прекрати бежать, Джек. — Я взяла его красивое лицо в свои ладони, когда вдаль вспыхнула молния. — Прекрати убегать от нас. Я хочу тебя. Я не прошу тебя быть со мной всегда. Да, это то, чего я бы хотела, — это то, чего я ждала. Но потом я отправилась в путешествие. И я поняла, что живу в хрупком, выдуманном мире. Нет, не живу. Нахожусь в спячке. Вычёркивая дни, один за другим. Так что то, что я хочу — что я действительно хочу, это один дождливый день. Я хочу вернуться домой пьяной и отравленной, наполненной экстазом и в белой горячке. Так люби меня нежно, Джек. Или люби меня безрассудно. Мне всё равно, как. Но сделай это сейчас. Ты никогда не узнаешь, сможем ли мы снова пройти этот путь. — Выражение его лица было настолько серьезным, что моё сердце дико задрожало в груди. — Твои слова. Помнишь?

— Я говорил о поездке к кратеру, а не...

— Не об этом? — я отбросила свой мокрый топ в страстном порыве.

Моё приглашение подтолкнуло его к краю. Что-то интенсивное вспыхнуло на его лице — мгновенное, электрическое, как если бы я только что освободила его.

«Дерьмо. Я здесь сейчас для этого». Мой пульс бился головокружительным коктейлем желания, с проскальзывающим в нём ошеломительным трепетом. Он пристально посмотрел на меня, взвинчивая ожидание, пока оно не стало почти невыносимым.

— Сними это, — сказал он, его команда была наполнена желанием.

Мои пальцы дрогнули, когда я спустила одну лямку, а затем другую.

Он не стал дожидаться, когда я расстегну свой лифчик. Он устал ждать. Его язык щелкнул по моему соску сквозь мокрую ткань, прежде чем он всосал его в рот, отодвинул зубами края бюстгалтера.

Ооо. Моё дыхание сбилось, он пробудил во мне неведомые ранее чувства. Джек поднял меня к себе на колени, опустил мои ноги по обе стороны от себя. Ему было тяжело, и он хотел, чтобы я это знала.

— Последний шанс, сладкая. Я никогда никого не хотел так, как хочу тебя. Поэтому если ты передумала, то сейчас самое время, потому что через какое-то время я возьму тебя, сначала осторожно, а затем всевозможными темными способами.

Его дыхание было горячим, невесомые поцелуи между моими грудями и его слова заставляли меня извиваться. Его хриплый голос послал сквозь меня восхитительную дрожь. Мои внутренности звенели от возбуждения. Не разрывая пристального взгляда, я потянулась к нижнему краю его футболки. Он поднял руки и позволил мне снять её с него. Его кожа была скользкой от дождя, но от его тела исходило ощутимое тепло. Мы одновременно задышали, когда остановились на краю восхитительной волны тишины между вспышкой молнии и грохотом грома.

И тогда пространство между нами взорвалось.

Он жадно закрыл мой рот, пожирая его мягкость, его длинные пальцы зарылись в мои волосы. Он натянул их в кулаке, обнажив мою шею, и оставил следы дразнящих поцелуев. Моя спина изогнулась от ощущения прикосновений его губ — неожиданно шелковистых против моего тела. На моей коже появились мурашки, когда он расстегнул мой бюстгалтер и отбросил его в сторону. Мои ресницы затрепетали, когда его язык прошёлся по тугим тёмно-розовым соскам, хрипло шепча слова восхищения между коротки рваными вдохами.

— Держись крепко, сладенькая, — он посмотрел на меня, когда я схватилась руками за его плечи. Его глаза выражали наиболее возбуждающий вид угрозы и одновременно обещания.

Я ахнула, когда он толкнул меня на спину, рукой искушающе провел по моему животу, а потом по бедру. Он обвел медленные круги по мокрой, прилипшей ткани джинсов, приближаясь всё ближе и ближе к месту соединения моих ног.

У меня нервы трепетали, как дождь, падающий на крышу над нами, пока Джек медленно потянул за молнию. Я затаила дыхание, когда он опустил замочек вниз, наблюдая за мной с таким очарованным взглядом, настолько убедительным, что с тем же успехом он мог бы вынуть мою душу, капля за каплей. Он снял мои джинсы и сел на колени, впиваясь в

меня взглядом.

В темноте всё было по-другому, но в сером приглушенном дневном свете моя неуверенность таяла. Это было не так, как если бы я была голой перед большим количеством мужчин. Рука под моей блузкой, задирающая мою юбку, но никогда так незащитно. И, конечно, не с кем-то, кто выглядел как Джек. Мои руки инстинктивно двигались по его груди и животу.

— Не надо. — Он сжал мои запястья, когда его прикрытые глаза заскользили по моему обнаженному телу. Моя плоть дрожала, пальцы поджимались, но когда я открыла глаза и поймала выражение его лица, всё растаяло. Он смотрел на меня, как будто я была звёздной пылью и светом.

— Господи, — его глаза потемнели от чувственности. — Ты так чертовски прекрасна.

Он сделал паузу, чтобы поцеловать меня, а затем начал ласкать меня руками и губами, языком и зубами. Он двигался медленно, наслаждаясь каждым дюймом, пока горячий поток желания не начал накатывать волнами на каждую клеточку моего тела, заставляя мои бёдра подниматься в древнем ритме.

— Вот так, детка. А теперь позволь мне присоединиться к тебе.

Я сжала его язык между своими скользкими складочками, когда он уткнулся лицом в мою промежность.

— *Ммм*, — он поднял голову на секунду, чтобы насладиться влажностью на губах. — Боже, я умираю, как хотел попробовать тебя. Ты... — остальные его слова были приглушенными, но они растворились в горячих, сладких вибрациях напротив моей сердцевины.

Джек не был тихим любовником. Он выражал удовольствие густыми, хриплыми звуками. Он перекинул мою ногу через своё плечо и скользнул по внутренней стороне моего бедра, прежде чем погрузить в меня язык. Я держалась за его непокорные густые волосы, когда произвольные волны возбуждения пронзили меня. Казалось, он чувствовал пробуждающее пламя, потому что его движения усилились, вознося меня на вершины удовольствия.

— Да, — он поднял мои бедра с пола, доведя меня до полного чувственного контакта со своим ртом. — Чёрт, да.

Его необузданная чувственность послала меня через край. Я ахнула и отдалась скручивающей, задыхающейся нежности, которая пронзила меня в вихре электрических ощущений.

Я всё ещё задыхалась, когда он расположил меня напротив своего тёплого пульсирующего тела. Моя грудь притиснулась к его твёрдой груди,

когда он протирает голую кожу моей спины и плеч. Казалось, он знал, что мне это нужно, чтобы вернуться на землю, потому что я чувствовала, что собираюсь улететь.

Я не знала точно, когда мы начали целоваться, или когда его мягкое поглаживание превратило мою кожу в жидкий огонь. Что-то пробудилось во мне, и я стала жадной до этого. Я потянула за его джинсы, сдвигая их. Я касалась, исследовала, возбуждала, боготворила его — изгиб его губ в форме луны, густыми волосами под моими пальцами, впадины его твердого, чётко обрисованного пресса. Он был похож на частичку живого, дышащего, чётко реагирующего произведения искусства — плавящегося, когда я прикоснулась к нему здесь, превращаясь в напряжённый камень, когда я дразнила его там. Я узнавала его вкус и его формы, сладость его дыхания, ямочки на его поясице, грубые волоски на его ноге. Я наслаждалась его стонами, дрожью восторга, тем, как его голова откинулась назад, когда я взяла его в рот, взглядом в его глаза, когда он опустил своё тело на моё, заключая меня в паутину растущего возбуждения.

Он задержался на секунду, но я чувствовала, что он пульсирует от потребности толкнуться в меня. Моё тело растянулось, чтобы принять его, дюйм за дюймом — медленно, невероятно — пока не подошёл к барьеру. Он слегка отодвинулся и убрал прядь волос с моего лица.

— Поцелуй меня, — сказал он хрипло и чувственно.

Я коснулась своими губами его губ и сосредоточилась на том, что наши тела были объединены.

— Настоящий поцелуй, — прорычал он, всасывая мою нижнюю губу между зубами. — Вот так, — его губы набросились на меня, пока мои чувства не закрутились. Моё дыхание ускользнуло через мягко приоткрытые губы. — Дай мне свой язык, — его слова были заклиниванием, которое меня околдовало. Я задрожала, когда бархатное тепло его языка запуталось с моим, потерявшись в его умелом поцелуе.

Это произошло тогда, когда он глубоко погрузился в меня — одним жёстким, решительным толчком, который заставил меня задохнуться. С его губ сорвался стон. Я сжала его плечи, мои ногти оставляли углубления в форме полумесяца, когда боль пронеслась сквозь меня.

— Тсс. У меня есть ты, — он стал целовать мой лоб, нос, уголок моего рта. Он оставался внутри меня, не двигаясь, пока моё тело не приспособилось под него, и боль не уменьшилась. — Я не собираюсь врать, — его кадык дёрнулся, когда он начал мягко покачиваться внутри меня. — Мне требуется вся сила воли, чтобы не взять тебя сильно и

быстро. Ты ощущаешься божественно, — он переплел свои пальцы с моими, как если бы хотел удержать себя.

Мое тело плавилось вокруг него, и мир был заполнен им. Мы нашли такой темп, который связал наши тела воедино.

«Джек, Джек, Джек, Джек», — пело во мне. Каждый удар его бёдер возносил меня выше.

Я прижалась к нему, преодолевая бушующий шторм, который набирал силу внутри меня.

— Родел.

Слова звучали напряженно, как будто он уткнулся лицом мне в шею, его горячее дыхание обжигало кожу. Раскаленная страсть потекла по моим венам, когда его ритм изменился. Его пальцы глубоко впились в мои бедра, когда он стал опрокидывать меня за тонкую грань контроля. Его большой палец нашел мой клитор и вырвал из меня стон. Мои мысли разбежались, когда он поддразнивал его, поглаживал его, щелкал по нему.

— Джек! — всё моё тело сжалось и потом достигло пика, когда он освободил меня во всплеске дрожащего восторга.

Вокруг нас вспыхнуло свечение, когда его дыхание сбилось и тело напряглось. В момент ослепляющей ясности я поняла, что каждый раз, когда будет грохотать гром, я буду думать о Джеке — о его сущности, цепляющей мои чувства, его страсти, границах между нами, которые рассеивались. Кожа, кости и дыхание перепутались в испепеляющей смеси экстаза.

Мы лежали там, прижавшись друг к другу, Джек опирался своим лбом на мой до тех пор, пока наши дыхания не замедлились.

— Ты в порядке? — спросил он, проводя своим большим пальцем вдоль моей челюсти.

Я вздохнула в приятном изнеможении и прижалась теснее. Мне было больно, но это было ничто по сравнению с удовлетворением, пришедшим на смену жгучей потребности, которая накопилась во мне.

— Когда думаешь, мы сможем сделать это опять? — спросила я.

— Ты маленькая шалунья, — Джек улыбнулся и обнял меня. Он был тёплым. Таким восхитительно тёплым.

Мои веки опустились, но я не хотела пропустить ни одной детали — как кончики его пальцев прослеживали контуры моих губ, то, как его красивое пропорциональное тело ощущалось подо мной, частички золота в его небесно-голубых глазах.

— Запомни это. — Он убрал свои волосы с моей шеи и поцеловал её. — Когда ты свернёшься калачиком со своими книгами в дождливый

полдень в Англии, помни, как ты раскрасила мой мир своими красками. Запомни свой радужный ореол.

— Я сделаю это, — у меня пересохло в горле. Он уже прощался со мной. — Я запомню. На всю оставшуюся жизнь.

Когда облака снаружи стали рассеиваться, шум дождя смягчился. Внутри палатки мы прижались друг к другу, в тишине сжигая горькие мысли.

— Джек? — я приподнялась и посмотрела на него, его брови были разглажены, глаза наполовину закрыты, он был расслаблен. Усталый и счастливый, как большая кошка, отдыхающая на скале.

Я хотела запомнить его таким.

— Что? — он сравнивал мою ладонь со своей, растопырив пальцы, чтобы все пять касались друг друга.

«Я хотела бы, чтобы я могла объяснить тебе, что этот голос делает со мной».

«Я хотела бы, чтобы я могла объяснить тебе, что ты заставляешь меня чувствовать».

«Не думаю, что когда-нибудь влюблюсь так же сильно и быстро в кого-нибудь, как влюбилась в тебя».

«Не думаю, что когда-нибудь буду любить кого-то так же, как я люблю тебя».

— Ничего. — Я взяла его лицо в руки и поцеловала.

— Думаешь, я этого не чувствую? — прошептал он под занавесом из моих волос. — Каждый удар моего сердца отдаляет тебя от меня. Я хочу остаться здесь навсегда. Эта палатка, этот поцелуй, этот момент, — его пальцы погрузились в мои волосы, когда он притянул меня к своим губам.

Я пила сладость его поцелуя, когда мой желудок забурчал.

— Я думаю, что твой желудок тоже хочет поучаствовать, — Джек сполз немного вниз и приложил ухо к моему животу. — Ты ругаешься на меня? — он продолжил импровизированный разговор. — Что? Нет, чёрт подери, — он поднялся и мрачно посмотрел на меня. — Хорошие новости или плохие?

— Насколько всё плохо? — подыграла я.

— Угрозы смертью. Если я не буду тебя кормить, мне конец.

— А хорошие? — я засмеялась.

— Ты можешь перекусить, а потом мы продолжим с того места, где остановились.

— А что насчет тебя?

— О, я собираюсь наесться досыта, сладкая, — он прикусил изгиб

между моей шеей и плечом и задержал кожу между зубами, прежде чем успокаивающе провести по нему своим языком.

Я схватила пакет с молочно-шоколадными квадратиками, когда он порылся в рюкзаке.

— Это или может это? — он протянул две одинаковые банки.

— Обе, — я положила кусочек шоколада в рот и схватила ещё один.

По-видимому, секс заставил меня проголодаться.

— Ты слышишь это? — спросил Джек, садясь прямо.

Снаружи раздался слабый металлический звон.

— Что это? — спросила я.

— Звучит как... коровьи колокольчики.

Мы оделись и раздвинули полы палатки в стороны. Дождь прекратился, но от нагретой сырой земли поднялся густой туман.

— Зачем кто-то будет приводить коров в это богом забытое место? — Джек вышел на улицу.

Я вылезла за ним, вглядываясь в густую, бесцветную дымку.

— Они могут нас не видеть, — сказал Джек, поднимая две банки, которые он только что опорожнил для нашего обеда. — Нам нужно предупредить их, чтобы они не растоптали нашу палатку. — Он поспешил вперед, ударяя банки вместе в качестве предупреждения.

Колокольчики приблизились, но звучали всё ещё не чётко, когда другая сторона услышала нас. Мы остановились и посмотрели сквозь влажный пар. Гроты монументальной скалы поднимались по обе стороны от нас. Туман придавал всему нереальности, как будто мы стояли на пороге потустороннего места, всё ещё отстранённые, за исключением приглушенного звона отдалённого колокольчика.

В тумане появилась фигура, окутанная вуалью призрачного серого цвета. Она воткнула своё копьё в мягкую размокшую почву и предстала перед нами как бархатная черная тень. Клетчатая простыня свисала с плеч фигуры, а из мочек уха свешивались серебряные кольца.

— Олонана, — Джек шагнул вперед, когда стал виден вождь.

— *Кассериан ингера*, — он поднял копьё в приветствии. — *Как дети?*

Джек собирался ответить, когда ленты тумана вокруг Олонаны раздвинулись. Беззвучно появились белые как луна лица, один за другим, вокруг тёмной фигуры вождя. Я смотрела, затаив дыхание, когда они материализовались, как молчаливые помощники, вызванные симфонией фокусника. Один, два, три, четыре... они продолжали выходить из тумана, пока все не встали, как линия призраков, замаскированных парами, по обе стороны от Олонаны.

Тринадцать детей-альбиносов, окруженные туманом, одетых в красное воинов Масаев.

Мои волосы встали дыбом. На фоне отдаленных размытых гор перед нами с надеждой предстала группа. Позади них коровы нюхали влажную бесплодную землю, ища шелест травы.

— Джек Уорден, — Олонана подтолкнул его к ответу. — Я прошёл долгий путь, чтобы привезти тебе этих детей.

— Что...? — Джек остановился. — Как...?

— В прошлый раз, когда мы встретились, ты сказал, что будешь в Магесе в конце месяца. Я рад, что догнал тебя. Я не могу идти дальше со скотом, поэтому оставляю их с тобой, — он указал на детей, которые столпились вокруг него. — Где другие дети, те, которых ты перевозил в Ванзу?

— Ничего не получилось, но ты... — Джек рассматривал лица перед нами. — Как как так получилось, что все эти дети с тобой?

— Мы нашли их в задней части грузового фургона, недалеко от города Бунда. Автомобиль был припаркован напротив ресторана. Мы слышали грохот изнутри, поэтому остановились, чтобы проверить его. Салатон, — он указал на одного из моранов с ним, — он сломал замок своим копьем. Мы нашли их связанными и с кляпами во рту внутри. Некоторые из них были похищены из своих домов, другие проданы. Они сказали мне, что детей было больше, но... — Олонана покачал головой. — Мужчины, у которых они были, опасные люди. Они торгуют чёрной магией. Они доставляют этих детей, один за другим, для жертвенных обрядов. Пройдёт немного времени, прежде чем они выследят нас. Мы заставили детей ходить между скотом, чтобы скрыть и исказить следы. Но дождь не помог. Мы оставили след в грязи. Хороший следопыт сможет нас найти. И они найдут. Эти дети стоят кучу денег для них. Ты должен доставить их в Ванзу как только сможешь.

Джек не ответил. Его лицо было похоже на белый лист — безэмоциональное и невыразительное. Повисла тишина, серая и тяжёлая, как туман. Для меня была очевидна серьёзность ситуации. Также было очевидно затруднение Джека. Мы не были готовы к этому. У нас не было ни машины, ни материалов, ни способа защитить 13 детей от того, кто преследовал их.

— Фургон, в котором вы нашли детей, — сказала я Олонане. — Как он выглядел?

— Он был белым, — ответил он. — И жёлтым.

Моё сердце забилось у меня в груди.

— С логотипом кондиционеров?

— Я думаю, что да. Да, — Олонана нахмурил брови. — Ты тоже его видела?

— Мы видели. По пути к Магесе. Должно быть, они искали детей. Они почти сбили Джека. — Я повернулась к нему, ожидая ответа, но он выглядел так, как Джек, которого я увидела на крыльце в первый день, тот, кто закрылся для всех и для всего. Что-то было не так.

— Вы можете дать нам минутку? — спросила я вождя.

Он кивнул, и я потянула Джека в сторону. Туман окутал нас, спрятав от остальной группы.

— Джек?

Он смотрел на меня с такой отстранённостью, что это заставляло меня колебаться.

— Джек! Приди в себя. — Казалось, моя паника дошла до него. Его глаза изменились, а затем потемнели от нечитаемых эмоций.

— Я не могу, — сказал он. Он задыхался, как будто ему перекрыли дыхание. — Я не могу. Господи Боже, только не снова, — он сгорбился, держась за бока, как будто если бы он испытывал мучительную боль. — Оно нападает на тебя из ниоткуда. Одну минуту ты покупаешь воздушные шары для своей дочери, а затем... её уже нет, и ты даже не можешь встать. Потому что что-то пригвоздило тебя на парковке. Это бремя. Я чувствую это снова и снова. Прямо здесь. — Он приложил руку к груди и сделал долгий, глубокий вдох. — Я бы хотел, чтобы я мог сделать это, но я не могу, Родел. Я не тот человек, за которого меня все принимают. Я не сильный бескорыстный герой. Я просто парень, пытающийся пережить потерю своей дочери. Я готовился — в своей голове — к трём детям. Я отдам свою жизнь за них и за тебя. Но это... сопровождать тринадцать легких добыч с кучей кровожадных маньяков на хвосте... во всем этом прослеживается надпись «катастрофа». Я не могу защитить их. И я не смогу больше вынести ещё кровь на своих руках, Родел. Я не могу.

Я потянулась за его рукой, потому что рвалась к нему, и когда я держалась за руки с Джеком, это всегда заставляло меня чувствовать прочную землю под ногами. Что-то соскользнуло с моей ладони и упало на землю. Это был маленький квадратик молочного шоколада, который я держала, когда мы вышли из палатки.

— Вот, — я подняла его и отдала Джеку. — Шоколад делает всё лучше. — Это были слова Гомы, и на секунду она была там, стоящая над нами, сильная и стойкая, как сучковатое, старое дерево, смотрящее за могилами за усадьбой.

— Расплавленный шоколад, — он долго держал его на ладони. — Любимый Лили, — казалось, он был глубоко в своих мыслях, когда вытащил его из липкой обертки. — Я слышу тебя, девочка, — это был едва слышный шёпот, но его голос окреп, когда он сказал это. Казалось, понемногу его тело наполнялось новым дыханием. — Я слышу тебя. Громче, чем всё дерьмо в моей голове. Громче, чем всё, что меня пугает. — Он сломал квадрат шоколада пополам и засунул его в рот. Джек закрыл глаза и смаковал его вкус, как будто это было какое-то сладкое воспоминание. — Я не забыл, насколько ты была храброй, когда танцевала перед всеми этими людьми. Я потерял тебя, мой милый ангел, но я не оставлю этих детей. Мне нужно противостоять своим собственным демонам. Мне нужно перестать чувствовать, что я подвёл тебя. Боже, Лили. Где бы ты ни была. Папочка так скучает по тебе. Так... так сильно. — Его голос надтреснул, и он закрыл глаза в молчаливом уважении. Когда он поднял глаза, они сверкали, как алмазные голубые точки ясности в прозрачных вуалях тумана, которые крутились вокруг нас.

Он протянул мне вторую половину шоколада и улыбнулся.

— Гома знает, о чём говорит. Шоколад делает всё лучше.

Наши пальцы соприкоснулись, когда я взяла конфету из его рук. Я не могла ничего сделать с тревожными звончками у меня в голове. Я могла видеть приближение опасности, её блестящий край был покрыт туманом. И хотя я начала это, сидя в пабе за многие мили отсюда, наблюдая, как ужасные изображения вспыхивают на экране, я хотела, чтобы Джек ушёл. Как я могла знать, что, пытаясь что-то сделать для моей сестры, я, в конечном итоге, поставлю человека, которого люблю, в опасную ситуацию?

Глава 17

К тому времени, когда я закончила ухаживать за детьми, уже наступила ночь. Я убрала аптечку и плюхнулась рядом с Джеком.

— С ними всё в порядке? — спросил он. Но его глаза тоже беспокоили меня. Мы соскальзывали в эти моменты и возвращались назад всю вторую половину дня, когда всё меркло, и мы были вдвоём, несмотря на хаос вокруг нас — дети, крупный рогатый скот, трио мужчин-Масаев.

— Они выжившие, — ответила я, впитывая приятные ощущения от его близости.

Дети прошли долгий путь. Они были голодными, больными и измученными. У них были рваные раны от того, что их связывали кабелем. У тех, кто сопротивлялся, было больше повреждений — синяки, растяжения и даже хуже. Они позволяли мне склоняться над их ранами, некоторые — с отстранёнными взглядами, другие — с гневом, страхом, смятением, благодарностью.

— Что случилось? — спросила я, когда Джек отшвырнул свой телефон.

— Я хотел связаться с Бахати. Попросить его собрать несколько водителей, которым можно доверять, по дороге сюда. Мы не сможем посадить всех этих детей в его джип. Но моя батарейка разрядилась.

— Мы что-нибудь придумаем, когда он придет сюда. Ты сказал Олонане, что он едет?

Олонана знал, что нам пришлось бросить машину Джека, но он не стал вдаваться в подробности. Он выполнил свою часть, и, по его мнению, мы должны разобраться с остальным.

— Если Олонана узнает, что Бахати едет через землю Масаев, чтобы забрать нас, он не обрадуется. Он собирается уйти на рассвете. Бахати не сможет приехать сюда раньше. Нет никакого смысла всё баламутить.

Вождь и его воины предложили одну из своих коров, чтобы накормить детей. Они жарили куски мяса, насаженные на длинные палки, которые они воткнули в землю под углом к огню. Большинство детей поели. Младшие спали в палатке, а старшие дети растянулись у костра, на кусках коровьей кожи, которые были у Масаев.

— Что такое? — спросила я, когда я заметила, что Джек смотрит на меня.

— Мне нравится смотреть на тебя в свете огня. То, как твоя кожа

светится, как твои глаза танцуют, как твои волосы оживают. — Он притянул меня в кольцо своих рук и накрыл нас одеялом. — Первым разом была та ночь, когда мы остановились у кратера. Танцуя с тобой вокруг костра, я думал, что ты самое прелестное создание, которое я когда-либо видел. Это был первый раз, когда я обратил внимание на что-нибудь или кого-нибудь после Лили. Я чувствовал себя так, как будто меня ударили под дых.

Когда он заговорил, по мне распространилось тепло. Это было похоже на то, как быть завернутым в плащ из невидимого тепла.

— Это когда ты решил строить из себя крутого? — я ткнула его локтем.

— Неважно, что я решил или какой путь выбрал. Нельзя отрицать то, что происходит между нами. — Он переместился, чтобы я могла положить голову ему на плечо. — Отдохни немного, сладкая. Ты, должно быть, устала.

Мы смотрели на чернильно-чёрные равнины вокруг нас. Вдалеке раздался свисток поезда, за которым последовало чух-чух-чух его двигателя, а затем воцарилась необъятная, глубокая тишина. Такая, которая приличествует океанам, горным вершинам и кратерам луны.

— Как думаешь, мужчины в том фургоне вернутся назад или поедут дальше? — спросила я.

— Я почти уверен, что они вернутся, но я не знаю, когда. — Он мягко погладил мои волосы. — Не волнуйся. Утром мы что-нибудь придумаем.

Треск костра погрузил меня в странный сон. Я летала над кофейными фермами со стаей птенцов голубей. Мы мчались наперегонки со штормом, который назревал на горизонте. Но вдруг налетели облака с кровавым дождём, забрызгивая крылья из слоновой кости. Я закричала, когда они упали с неба. А потом я была на земле, по самые лодыжки в алой грязи, когда что-то острое пронзило мою ногу. Я подняла его и поднесла повыше. Это была покорёженная корона веток и сена.

— Джек! — мои глаза распахнулись, сердце колотилось.

— Джек! — голос Олонаны вторил мне. — Они идут, — он указал на два прожектора вдалеке. Они были слабыми, их было почти невозможно разглядеть, но они оставили отчетливое свечение в темноте.

— Как ты можешь быть уверен, что это они? — Джек поднялся и потянулся за своей винтовкой.

— Это они, — Олонана повернулся к Джеку, его глаза были полны древней мудрости.

— Мы можем одолеть их. Ты, я, два морана, — Джек указал на

Салатона и другого воина Масаи. — Сколько их может быть? — он посмотрел через прицел своей винтовки.

— Нет, — ответил Олонана. — Мои люди и я не сражаемся. Парадоксально для племени воинов, но мир — это наш образ жизни. Каждый раз, когда мои люди участвуют в конфронтации, это затрагивает всех нас. Нас клеймят дикарями и варварами. Я больше не буду участвовать в этом. Прости, Джек. Мы можем отвлечь их от вас. Может даже сбить их со следа. Вполне возможно, что они вернулись, потому что они называют это сдаваться, и в этом случае они могут просто проехать прямо. А если они выслеживают нас, то те, кого они ожидают, — мы, а не вы. Воспользуйтесь этим. Возьмите детей и идите.

— Я не могу просто оставить тебя здесь, — возразил Джек. — Это может быть опасно. Особенно, если они выяснят, что вы забрали детей.

— Может быть. В любом случае, я отвечаю за своих людей, а ты несёшь ответственность за детей. Это два против тринадцати. Я почти уверен, что я легко отделаюсь. Вам нужно, чтобы дети были как можно дальше отсюда. Идите. Сворачивайте палатку и идите.

Мы разбудили детей, пока Олонана и его команда закатали воловью кожу и прибрали лагерь.

— Пройдет какое-то время, прежде чем они доберутся сюда, — сказал Джек, закинув рюкзак на плечи. — У тебя есть какое-то время. — Он посмотрел на мерцающие огни, пробивающиеся сквозь ночной рельеф. — Путешествие в полной темноте замедляет их. Или, может быть, они остановятся, чтобы проверить следы.

— Не беспокойся о нас, — сказал Олонана. — У тебя есть план?

— Поезд, — ответил Джек. — Я слышал, как он проезжал пару раз. Если мы пойдем по тропинке, то сможем добраться до следующей станции, а затем отправимся в Ванзу оттуда.

Вождь кивнул и плюнул ему на руку.

— Бог идет с тобой, Джек Уорден.

— И с тобой, — они завершили своё прощание рукопожатием, наполненным слюной.

Затем Олонана повернулся ко мне и протянул ту же руку.

— *Talenoi oIngiisoilechashur.*

Вот чёрт.

Он оказывал мне такую же честь, как и Джеку.

Я плюнула в свою ладонь и пожала ему руку, всё время думая о дезинфицирующем средстве для рук...

Дезинфицирующее средство для рук, дезинфицирующее средство для

рук.

Олонана, казалось, видел меня насквозь, потому что он рассмеялся и сказал Джеку:

— Надеюсь, она не делает это лицо, когда ты делаешь... как ты это называешь? Французский поцелуй.

Джек усмехнулся и обнял меня за бедро.

— Я люблю все её лица. Каждое из них.

— Тогда ты должен жениться на ней и содержать всех детей, — Олонана и мораны рассмеялись.

Так мы и оставили их в ту ночь — Олонана ухмылялся двумя отсутствующими нижними зубами, на фоне огня вырисовывалась его абсолютно круглая голова, а мораны стояли рядом с ним. В ту ночь моё определение слова «герой» стало больше и шире. Иногда герои находились между страницами книг, а иногда они стояли на холме, их мокрые тоги развевались на ветру, и они собирались держать оборону за всех нас.

Глава 18

Когда мы отошли от лагеря, видимость стала хуже. Небо было тёмным и ясным, с вкраплениями серебра. Мы молча шли по бесплодным равнинам, руководствуясь светом луны. Было ужасно тихо, учитывая, что у нас было тринадцать детей на буксире. И среди них не было обычных детей. Они все прикоснулись к смерти, и теперь она преследовала их. Инстинкт выживания давал о себе знать, и они двигались как единое целое, без вопросов и разговоров. Даже самые младшие из них старались попевать, держась за мою руку или руку Джека, когда стало трудно идти. Была настоятельная необходимость в их движении, и это разбивало мне сердце.

— Теперь недалеко, — сказал Джек. — Вскоре мы должны подойти к железнодорожным путям.

Это был прогресс, но нам ещё предстоял долгий путь. Следующая станция была в нескольких милях от нас, и как только солнце встанет, нас будет легко заметить.

— Ты думаешь, что у Олонаны и его людей всё в порядке? — я оглянулась назад. Слабый свет огня давно исчез.

— *Она!* — один из детей, которого Джек поднял на плечо, указал на что-то.

Вдалеке, в нескольких милях от нас, было небольшое свечение. Оно появлялось и исчезало.

Это фары автомобиля мерцали сквозь тень и кустарник.

Паника пронзила меня. Больше ни у кого не было причины быть там в это время. Они нашли нас, когда мы были на виду, где некуда бежать, нигде не спрятаться. На этот раз они не позволили бы детям уйти, и, что ещё хуже, они могли даже не пытаться посадить их в фургон. Они преследовали не детей. Им нужны были их части тела. Они могли бы убить каждого из них и всё равно собрать свои кровные деньги. И они также не оставят свидетелей.

Когда огни приблизились, мой кошмар вспыхнул передо мной.

Кровавый дождь.

Дети-голуби.

Сломанная корона.

Звук моего собственного пульса стучал в ушах.

«О, Боже, поговори со мной, Мо. Скажи что-нибудь. Скажи что-

нибудь».

В ответ была тишина.

Огромная и глубокая.

И затем, через равнину, на другой стороне, резкий звук пронзил воздух.

Свисток пыхтящего поезда.

— Там едет поезд! Нам нужно попасть на него. Быстро! — сказала я Джеку, но он смотрел на поезд, а затем на машину. — Джек? Что ты делаешь? У нас мало времени.

Он ссадил ребенка со своего плеча и начал расстёгивать рюкзак.

— У нас есть спирт для дезинфекции, оставшийся в аптечке?

— Да, но...

— Лови, — он бросил мне бутылку, затем достал пару своих футболок и начал разрывать их. — Нам нужно остановить этот поезд, но машинист не может нас увидеть в темноте. Нам нужно зажечь факелы.

Он дал несколько хлопковых полосок паре детей и указал на мёртвое дерево с шипами, которое стало жертвой жестокости равнины.

— *Летени тауи.*

Они помчались, собирая ветки с дерева, обматывая концы полосками так, чтобы шипы не поцарапали их.

— Джек. Смотри! — воскликнула я. Другой автомобиль теперь вырвался вперед, за ним последовал первый, их фары сверкали, как змеиные глаза в темноте.

— Чёрт. Они привезли подкрепление, — Джек отрубал шипы от ветвей, кроме тех, что были наверху. Он замотал их в хлопок и облил спиртом. Он быстро собрал факелы один за другим, поглядывая на машины, которые становились всё ближе и ближе. Воздух, казалось, сгустился от нашего отчаянного положения. Он пропитал мою кожу, оставляя тонкий слой пота. Дети стояли неподвижно и тихо, как будто их голоса уже были приглушены.

— Держите их высоко, — сказал Джек, раздавая факелы старшим детям. — Не бойтесь, — его большой палец скользнул по колесу зажигалки, поджигая наши импровизированные факелы.

Один за другим, оживало пламя, десять горячих, пылающих солнц, освещающих ночь. Земля вокруг нас поблескивала и текла волнами мерцания золотого света.

— Они могут нас видеть сейчас, — сказала я, поворачиваясь к автомобилям.

— И они тоже могут, — Джек указал на поезд. Тот был ещё далеко, но

быстро приближался. — Вопрос в том, кто из них доберется до нас раньше?

Мы были не слишком далеко от железнодорожных путей, и всё же до них, казалось, вечность. Мое дыхание вырывалось короткими, прерывистыми вздохами, когда мы мчались по потрескавшейся земле. Один из детей впереди меня споткнулся и упал. Я наклонилась и схватила его, подняв на руки. Легкие горели, ноги дрожали под дополнительным весом, но я продолжала бежать. Я бы бежала, пока кожа на моих подошвах не стёрлась, потому что это то, что вы делаете, когда монстры лязгают зубами возле ваших ног. Вы сдерживаете свои крики, свою панику, свой страх и стараетесь убежать от их щупалец.

Я пристально посмотрела на Джека и продолжила бежать. Его факел сиял впереди, от него поднимался ввысь белый дым. Дети двигались по обе стороны от него, расходясь в форме V, старшие впереди, младшие старались не отставать. Они были как стая птиц на огненных крыльях, направляющихся домой. Это было такое сюрреалистическое сильное зрелище, что оно затмило весь хаос и панику и навсегда отпечаталось у меня в голове.

Мы наткнулись на рельсы и обернулись, исследуя горизонт в поисках автомобилей. Они нагоняли нас.

— Сейчас надо быстро.

Джек расположил детей плечом к плечу, по обеим сторонам от рельсов.

— Теперь ты можешь отпустить, — сказал он мне.

Я поняла, что всё ещё сжимаю в объятиях маленькую девочку, которую несла на руках. Моя хватка ослабла, и я позволила ей медленно скользнуть на землю. Малышка заняла своё место рядом с другими детьми, её алебастровая кожа покраснела от жара их факелов. Вместе они образовали стену яркого, пылающего света.

Я стояла с Джеком посреди железнодорожных путей. Гравий под моими ногами завибрировал, когда поезд приблизился.

«О, Боже. Пожалуйста, остановитесь, пожалуйста, остановитесь, пожалуйста, остановитесь».

Джек провел пальцами по моей руке. Казалось, он чувствовал напряжение во мне.

— Держи крепко и не отпускай, — сказал он.

Другой рукой он держал факел над нами. Его глаза вспыхнули и загорелись в свете пламени, но было что-то ещё — что-то управляемое, твердое и целеустремлённое. Сначала я не могла ничего понять. И тут меня

осенило.

«Ты веришь в свою собственную магию?» — однажды я спросила у Джека.

«Я перестал верить. После Лили».

Но я смотрела на профиль человека, который верил, и восхитилась им в тот момент, и теперь будь что будет.

— Джек, сзади, — сказала я.

— Что? — его голос поглотил металлический визг вагонов, когда фары поезда вспыхнули перед нами. Рельсы дрожали, когда локомотив мчался вперед по путям на полной скорости.

Джек выругался.

— Он не остановится.

— Почему нет? — я начала махать рукой над головой. — Я уверена, что они могут нас видеть. Мы все освещены.

— Это товарный поезд. Если водитель заснул, или если он не смотрит сюда, то нам конец.

Поезд приближался к нам с угрожающей скоростью. И машины тоже. Мы могли разглядеть прямоугольный участок света, отражающийся от номерного знака на первом автомобиле.

— Вот, — Джек протянул мне свой факел. — Возьми детей, отойдите с путей.

— Что ты делаешь? — мой желудок сжался, будто в него ударили.

— Оставайся на другой стороне. Все вы. Поезду понадобится некоторое время, чтобы проехать. Те мужчины не смогут добраться до вас.

— А ты? Джек, тебе нужно сойти с путей! — я кричала, чтобы он мог услышать меня сквозь грохот поезда.

— Иди, Родел. Сейчас! — его команда заставила меня действовать.

— Держите свои факелы высоко. — Я отвела детей на одну сторону. — Держите их высоко, — сказала я тринадцати детям, которым пришлось прятаться всю свою жизнь, и кому в этот момент отчаянно необходимо было быть видимыми.

Мой взгляд метался от Джека к поезду и фургону, который несся за нами. Бледные ленты рассвета просачивались с восточной стороны неба. Джек направил винтовку ввысь. Он выстрелил, открыл и закрыл затвор, чтобы вытащить гильзу, и выстрелил ещё раз. Звук прокатился по открытым равнинам, похожий на гром.

Фургон замедлился, его огни устали на нас, как хищник, преследующий свою добычу.

«Правильно, ублюдки. У нас есть оружие, поэтому НАЗАД!»

Звук выстрела, похоже, предупредил кого-то в поезде, потому что его мощные толчки замедлились. Раздался громкий визг, когда ударили по тормозам, но поезд всё ещё продолжал двигаться слишком быстро, чтобы не сбить человека на рельсах.

— Джек! — закричала я. Дети издали коллективный вздох, когда поезд пронёсся мимо нас в виде размытой ржавчины и металла, задувая некоторые факелы. Товарняк остановился, передний вагон оказался в нескольких метрах от нас.

Тишина, которая наступила после того, как прекратилось что-то громкое и громовое, была оглушительна. Это усилило пустоту окружающих равнин. «Зверь», которого мы преследовали и которого так трудно поймать, стонал и скрипел как дракон, который выдохся. Джеку удалось его обуздать, но всё, что я чувствовала, было болезненной пустотой в моём сердце. Я стояла там, пытаюсь вспомнить, как дышать, застыв, пока минуты тикали, глядя на ярко-синий товарняк, который остановился передо мной.

Звуки металла, скользящего по металлу, вывели меня из шока.

— Родел. Сюда!

Это был Джек.

Облегчение. Такое глубокое облегчение, что оно заставило моё сердце биться заново, кровь снова начала течь по моим венам.

Дети увидели его, прежде чем это сделала я.

— *Naraka! Naraka!* Быстро.

Он выкинул факелы, которые всё ещё горели, туша их о землю, пока поднимал детей в вагон. У него были световые люки по бокам, с прорезями вместо сплошного металла на всех четырёх сторонах.

— Я поговорил с машинистом, — сказал он. — Я заплатил ему, чтобы доставить нас в Ванзу. — Джек был полностью на адреналине, не понимая, через что он только что заставил меня пройти.

Он протянул руку, ожидая, когда я возьму её, чтобы он мог подсадить меня в поезд. — Давай, Родел. Хватит отвлекаться. Я сказал ему, чтобы он трогался. У нас мало времени.

— Я не отвлекаюсь! — я хотела плакать и не знала, было ли это от гнева или облегчения. — Я думала, что ты... ты...

Послышался резкий свист, и поезд тронулся.

— Родел? — Джек потер плечо, вращая его вперед, а затем назад.

— Ты повредил другое плечо? — это было не то плечо, на которое он приземлился, когда мы столкнулись с фургоном.

— Мне нужно перестать сворачивать с пути.

Он сказал это так искренне, что уголки моего рта приподнялись.

— Как тебе удастся заставить меня улыбнуться, даже при самых худших обстоятельствах?

— Я рад, что мои травмы развлекают тебя. — Он поднял меня в вагон, прежде чем запрыгнуть позади меня.

— Здесь козы! — воскликнула я. Пол был покрыт сеном, а козы ютились в загонах вокруг нас.

— Это поезд для перевозки скота.

— Пахнет так же, — заметила я. Джек оставил дверь открытой, поэтому зловоние было не слишком сильным.

Я быстро пересчитала детей. Все на месте. У маленькой девочки, которую я несла, были окровавленные колени, но кроме этого, казалось, что всё в порядке. Дети смотрели своими бледными глазами сквозь щели на фургон с преступниками, который подъезжал ближе, хорошо видимый в ранней утренней дымке. Это был тот фургон, который мы видели на пути к Магесу. Второй, покрытый пылью, следовал за ним.

— Ты их напугал, — сказала я, когда Джек прислонился к открытому люку, с винтовкой на плече наперевес.

— Я занялся азартной игрой. У меня было всего два выстрела.

— Если они сейчас подъедут к поезду...

Мы двигались со скоростью улитки, хотя двигатель напрягался, чтобы снова набрать скорость.

— Они не будут. Они не знают, что я здесь. Им нужны дети, но не настолько сильно, чтобы подвергать себя риску. Когда поезд подобрал нас, мы выиграли. Мы будем в Ванзе задолго до того, как они смогут догнать нас.

Я собиралась вздохнуть с облегчением, когда машина, которая за фургоном, начала ускоряться. Похоже, что водитель не собирался останавливаться.

— Какого чёрта? — Джек выпрямился, когда машина приблизилась.

— Он собирается врезаться в нас!

Но водитель врезался прямо в белый фургон впереди. Затем он отъехал назад и снова врезался в него.

— Чёрт, — сказал Джек, когда облака пыли расселись. Обе машины были выброшены на гравий по бокам от рельс. — Это Бахати.

— О, Боже. Он, должно быть, приехал за нами. Но что он делает? Не похоже на него, чтобы он кого-то провоцировал.

Мы с ужасом наблюдали, как трое мужчин вышли из фургона и вытащили Бахати из его машины. Водитель остался в фургоне — зловеще

тёмный силуэт был замечен на фоне тонированного стекла.

— Схоластика.

Каждый мускул в теле Джека напрягся, когда он это сказал.

— Она не с Бахати. Я велел ему привезти её. Она, должно быть, у них. Это единственная причина, по которой Бахати будет следовать за ними так далеко.

— Джек, — я сжала его руку. Я знала, ему придётся уйти, но задержала его на несколько секунд дольше. — У тебя нет пуль. У тебя ничего нет.

— Это не имеет значения, — ответил он. — Там маленькая девочка, которая нуждается во мне.

«В тысячах жизней я умру тысячами смертей, чтобы спасти её».

Это была не Лили, но Джек не собирался позволить этому повториться снова.

— Послушай меня, — сказал он. — Независимо от того, что происходит, ты остаёшься в поезде. Ты доставишь этих детей в Ванзу. Ты меня слышишь?

— Я не... Я не могу...

— Ты можешь. Ты моя радужная девочка, *ты чёртова волшебница*. Никогда не забывай об этом. — Он взял моё лицо в свои руки и поцеловал так, будто я была самым прекрасным, что он когда-либо пробовал.

А потом я услышала хруст гравия, когда он спрыгнул и направился к кругу людей, которые пинали и били Бахати, пока он лежал на земле.

— Отпустите его! — приказал он, направляя на них винтовку. Его тон не оставил места для спора. Он знал, что у него нет пуль, я знала, что у него нет пуль, но этого не знали преступники, и они были обеспокоены всерьёз.

Мужчины отступили от Бахати и выстроились по сторонам фургона, когда Джек направлял винтовку от одного к другому, контролируя их.

— Бахати, садись в поезд, — сказал Джек, когда тот сглотнул. Он был в плохом состоянии, но быстро вскочил на ноги. Один его глаз был опухшим, и Бахати держался за колено, когда захромал к поезду.

— Ты, — Джек постучал в водительское окно своей винтовкой. — Выходи, подняв руки, и открой заднюю дверь.

Сначала казалось, что мужчина не услышал его, но он вышел, вставая сначала на одну ногу, а затем на другую. Моё сердце сжалось, когда я мельком увидела его лицо. Свежий порез шёл через его лоб, пересекая бровь и спускаясь вниз к щеке. Кровь только начала сворачиваться, рваная красная линия шла по его коже. Его запястье было чем-то обёрнуто.

Красная бандана, которая трепетала на ветру. Я видела его раньше.

Где?

Когда?

И тут меня осенило. В полицейском участке. Когда я поехала с Гомой. Он до смерти напугал меня. В его глазах было что-то совершенно отличное от его льстивой улыбки.

К.К. Так его называл инспектор Хамизи. Я вздрогнула, вспомнив смех, который слышала, когда он пытался сбить Джека.

Кех кех кех кех. Как гиена, копающаяся в костях.

Я протянула руку, когда Бахати подошёл, и помогла ему подняться в поезд. Из его носа сочилась струйка крови.

— Открой заднюю дверь, — сказал Джек К.К.

К.К. подошел к задней части фургона, как будто просто решил прогуляться воскресным днем, медленно и неторопливо.

— Я не знаю, что ты пытаешься...

— Заткнись, — Джек подтолкнул его пистолетом. — Отпусти её.

— Отпустить кого? — К.К. разблокировал дверь и отошёл в сторону.

Я не могла заглянуть внутрь фургона, потому что он стоял под углом, но Джек не выглядел слишком счастливым.

— Где она? — спросил он. — Что ты сделал с Схоластикой?

— Джек, — прервал его Бахати, держась за челюсть. — Схоластика на ферме. Гома не позволила ей уехать, пока она не получит очки. Я приехал один.

Джек недоверчиво посмотрел на него.

— Тогда почему ты сцепился рогами с этими ублюдками?

— Потому что они причинили боль моему отцу. Я пришел за вами, а вместо этого я нашел его. Он не сказал им, где дети, поэтому они пытались его и его воинов. Если бы я не добрался туда вовремя... — Бахати закрыл глаза. — Что-то во мне просто щелкнуло, Джек. Я не думал. Я просто последовал за ними.

— Они отбросы, — Джек начал медленно отходить от мужчин, его глаза смотрели вниз на дуло. — Сейчас мы уходим. Мы не хотим никаких проблем. Так что возвращайтесь в свою машину и разворачивайтесь.

Мне пришлось напрячься, чтобы услышать его из-за шума состава. Поезд набирал темп.

«Давай, Джек. Заканчивай».

— Конечно, — сказал К.К., всё ещё держа руки поднятыми. — Мы тоже не хотим никаких проблем.

Он повернулся, чтобы вернуться в фургон, но наклонился, чтобы

завязать шнурки. Что-то вспыхнуло, когда он выпрямился. К тому моменту, когда я поняла, что это был стальной блеск мачете, он мчался к Джеку с тошнотворным свистом. Я задохнулась, когда Джек повернулся, чтобы уклониться.

Через две секунды он попятился. Пятно малинового цвета окрасило его майку и расплылось по рукаву. Кровь полилась красными ручейками вниз по его руке и закапала на землю с кулака. Его ранили.

Джек упал на колени с отвратительным глухим стуком. Винтовка выскользнула из его руки, когда он схватился за плечо, пытаясь остановить кровотечение.

— Мы тоже не хотим никаких проблем, — повторил К.К. Он подошёл к Джеку и взял винтовку. Затем поставил подошву своей обуви на лицо Джеку и медленно-медленно, переносил на неё свой вес до тех пор, пока Джек не упал под его давлением.

— Что я хочу, так это чтобы мои сапоги были вылизаны от всего того дерьма, через которое мне пришлось пройти, чтобы найти тебя. Ты видишь это? — он указал на рану на своем лице. — Это от вождя Масаев, который украл мой грузовик. Ты знаешь, что я сделал с ним? Я сломал ему ноги. Мои люди спросили меня: «Почему, К.К.? Почему бы не убить этого ублюдка?», — К.К. потёр пучки волос на своей голове, наклоня её то в одну, то в другую сторону, словно слушая голоса в голове. — Видишь, это то, чего большинство людей не понимает. Тонкости страдания. Я страдаю, когда убиваю. Убивать легко, как тушить окурок.

Джек вздрогнул, когда К.К. повертел каблуком, сильнее упирая его в кожу.

— Но продлить их... ах. Преобразовать их. Это искусство. Я создал искусство из этого вождя. Какая польза от кочевника, который не может кочевать? — закончив говорить, он засмеялся, нарушая тишину оглушительным смехом, и его люди присоединились к нему. Они стояли в полукруге над Джеком, смеясь, вспоминая, что они сделали с Олонаной.

— Пошел ты, — Джек плюнул в К.К. Лужа крови начала окрашивать землю возле него.

«Вставай, Джек. Беги!» — кричала каждая клеточка моего существа. Сейчас или никогда. Но я не знала, сможет ли он встать или сможет ли бежать. Всё, что я знала, это то, что с каждой секундой, которая убегала, мы двигались всё дальше и дальше от него.

— О, боже, — сказал К.К. — в таких выражениях нет необходимости. Ты не хочешь лизать мои ботинки? Всё в порядке, — он сбросил зловещую маску веселья, которую носил. Он выглядел как стервятник, которым и

был, внутри и снаружи. — Я просто вырежу твой язык и отполирую им свои ботинки, пока ты будешь смотреть. Но сейчас мои товары уезжают, и это меня раздражает. Ты... — он огрызнулся на одного из своей команды, — останови поезд. А вы двое: заберите детей. Возьмите мачете. Займитесь этим в поезде. Убейте их, как коз, за которыми они прячутся. Девушку тоже.

— Если ты прикоснёшься к ним, я...

— Ты что? — К.К. опустил свой башмак на рану Джека и наблюдал, как он корчится в пыли. — Ты даже не можешь встать. — Он толкнул Джека вниз и вытащил его кошелек. — Ты ни на что не годишься, Джек Уорден, — он прочитал имя на водительских правах Джека, прежде чем бросить их ему в лицо. — Ты знаешь, почему? Потому что ты мертв, ублюдок.

И он нажал на курок. Выстрел не последовал.

Секунду он просто стоял там, моргая, когда ничего не происходило — на его ботинках не было красных пятен.

— Твой член, — сказал он, указывая на Джека пистолетом, — не имеет яиц, — он рассмеялся. — Ты брехло, у тебя нет пуль. Но ты... ты подошёл к нам так, как будто мы должны тебе. *Кех, кех, кех, кех.*

Он всё ещё смеялся, когда Джек схватился за ствол и ударил его прикладом винтовки. К.К. пошатнулся, держась за нос. Джек закричал что-то, что я не услышала, его слова поглотило увеличивающееся между нами расстояние.

Он бросился вперед, чтобы снова ударить К.К., когда один из его людей начал душить Джека. Это был человек, которого К.К. отправил, чтобы остановить машиниста.

Чёрт. Он вернулся и пришёл на помощь К.К.

Краем глаза я что-то заметила, и это заставило меня снова выругаться. Я так беспокоилась о Джеке, что не заметила, как двое других мужчин, отправленных К.К., чтобы забрать детей, поднялись на движущийся поезд. Они висели на ступеньках, забираясь выше, и пробирались к нам.

Всё происходило слишком быстро, чтобы осознать. С одной стороны, Джек был избит К.К. в то время как его сообщник держал его. С другой стороны, к детям шла смерть, рубашки мужчин хлопали на ветру, мачете были в руках. Моё сердце трепыхалось, как будто собиралось лопнуть. Я схватилась за края дверного проёма, мои суставы побледнели, когда я пыталась понять, что делать.

— Бахати, — я потрясла его. Он лежал, прислонившись к одной из клеток, и его тело сотрясилось от движения поезда. — Чёрт. — Он потерял

сознание, и я понятия не имела, все ли с ним в порядке.

Я побежала к открытому люку и снова выглянула наружу. Мужчины цеплялись за борта поезда, продолжая двигаться, когда у их была надёжная опора. Джек скрывался из поля зрения, оставаясь все дальше от нас. Теперь в его ударах было что-то дикое и буйное. Он не просто сражался с двумя мужчинами, он сражался с монстрами, которые отняли у него Лили. Он изливал всю свою ярость, боль и тоску. Но он был ранен и крепко прижимал свою раненую руку, когда они накиннулись на него со всех сторон.

«Независимо от того, что произойдёт, ты останешься в поезде. Ты доставишь этих детей в Ванзу».

Я подавила всхлип. Мне пришлось закрыть дверь и запереть её. Я должна была остановить этих людей, чтобы они не добрались до детей.

Я сняла рюкзак и потянула за люк. Он не сдвинулся с места. Я вложила в это все свои силы и попыталась опять.

Ничего. Он весил тонну.

Дети смотрели на меня, широко раскрыв глаза. Один из них со страхом обнял себя.

— Всё в порядке, — сказала я. — У вас всё будет хорошо. — Я была такой лгуньей. Грязная, мерзкая лгунья. — Давайте. Дайте мне руки, — попросила я их. — Мы можем это сделать!

Я держалась за защелку и тянула, у меня на шее проступили сухожилия, а дети толкали с другого конца. Некоторое время он держался, а потом выскользнул из своей колеи с большим толчком. Козы заблеяли, когда в вагоне потемнело. Единственный свет, проникающий внутрь, проходил сквозь люки.

— Хорошая работа! — сказала я детям, хотя часть меня умирала от желания снова широко открыть её, в отчаянной надежде, что Джек каким-то образом сделает это.

Я искала способ запереть дверь, чтобы она не открывалась, но ничего не нашла.

«Дерьмо. Она запирается снаружи. Это вагон для перевозки скота».

От разочарования мне хотелось стукнуть себя. Мои руки тряслись. Я не знала, как долго смогу продержаться. Взглянула сквозь отверстия в люке. Я не могла видеть мужчин, но знала, что они скоро доберутся сюда. Над моей губой выступил пот.

«Думай! Должно быть что-то».

Неожиданно в моей голове словно вспыхнула лампочка. Шансов было мало, но это всё, что у меня было. Я отпустила дверь. Дверь открылась с

раздражающим грохотом. Я выглянула наружу. Я больше не могла видеть Джека. Мы оставили его далеко позади. Но я видела мужчин. И теперь между нами остался только один вагон.

Я высунула ногу наружу, разыскивая ступеньку на световых люках. Мои пальцы зацепились за одну из труб, которые бежали над головой, и я развернулась к вагону. Земля под поездом превратилась в серый цвет. Я закрыла глаза, пока ветер бил меня в лицо.

«Дерьмо. Дерьмо. Дерьмо. Дерьмо».

Мои пальцы дрожали, когда я отцепила их от трубы и схватилась за прорези снаружи, сначала одной рукой, а потом, очень медленно, другой.

— Что вы делаете, мисс? — спросил один из детей.

Я цеплялась за бок поезда, напуганная до смерти, моя челюсть сжималась от страха, но я постаралась сказать спокойным рассудительным голосом, подобно учителю.

— Я собираюсь разъединить вагоны позади нас, чтобы плохие люди не смогли добраться до нас. Мне нужно, чтобы ты остался внутри. Хорошо?

Мои кости дрожали от движения поезда, но я оставалась неподвижной, пока он не кивнул. Я слышала, как он переводил для детей, которые не говорили по-английски. Я заткнула ту часть меня, которая кричала: *«Разъединить вагоны? Ты что, с ума сошла? Ты понятия не имеешь, что делаешь. Ты собираешься умереть здесь!»*

«Я буду мертва в любом случае. По крайней мере, я умру, пытаюсь».

Я продвигалась дальше, вставляя свою ногу сначала в одно отверстие, а затем в другое, всё время цепляясь за прорези надо мной. Я подавила страх, который тяжело бился у меня в горле, когда расстояние между мной и мужчинами сократилось. Они меня увидели. У одного из мужчин впереди был мачете, заправленный сзади в штаны. Другой уставился на меня черными глазами. Единственное, что их замедлило, это тот факт, что в их вагоне не было световых люков, как у меня, поэтому у них было меньше возможностей, чтобы держаться. Я добралась до края вагона прежде, чем они это сделали. Там была металлическая лестница, припаянная к боку, поэтому я развернулась к ней и крепко сжала, пытаюсь разобраться в автосцепке вагона.

«Чёрт подери, если бы я знала, как это сделать».

Мне стало плохо. У меня закружилась голова. Я не знала, было ли это из-за чувства надвигающейся гибели, которая стремительно приближалась, или из-за наблюдения того, как земля исчезает между двумя вагонами.

«Я не могу этого сделать. Я не знаю, как это сделать».

Мое самообладание дало трещину. Маска бравады, которую я надела

для детей, соскользнула.

«Я потеряла Мо».

«Я потеряла Джека».

«И теперь я потеряю этих детей».

Удушающее ощущение сжало мою грудь, когда я услышала стук. А потом ещё один. Мужчины прыгнули на соседний вагон. Это было только вопросом времени, прежде чем они доберутся до нас. Бесконечная ночь превратилась в день. Мы сражались, сражались и сражались, но здесь всё должно кончиться. Единственное, что стояло между этими мужчинами и детьми, была я.

«Ты моя радужная девочка, ты чёртова волшебница. Никогда не забывай об этом».

Я вытерла слезы тыльной стороной ладони и выпрямилась. Вот так. Я чёртова волшебница.

Я смогу вынуть чеку из замка на автосцепке. Мне просто нужно выяснить, как их разъединить.

— Рычаг.

Я развернулась, чтобы найти Бахати. Он вцепился в край вагона.

— Дети рассказали мне, что ты делаешь, когда я пришёл в себя. — Он развернулся рядом со мной, всё ещё шатающийся и неустойчиво стоящий.

— С тобой все в порядке? — спросила я. — Боже, Бахати, я готова поцеловать тебя!

Он поморщился.

— Я — причина того, почему вы в этом ужасе, мисс Родел. Моё невезение. Они не зря называют меня *Бахати Мбайя*. Вы с Джеком не оказались бы здесь, если бы я не появился и не разрушил всё. — Он вытащил ногу, пытаясь охватить расстояние между вагонами, его пальцы обернулись вокруг одной из ступеней лестницы для поддержки.

— Бахати, остановись! Что ты делаешь? — я дернула его за рубашку, и на мгновение мы оба балансировали над пропастью между вагонами. Мой желудок взбесился от мысли о том, что он почувствует, когда окажется раздавленным под этими громовыми колесами из стали.

— Рычаг можно вытащить только с другой стороны, — сказал Бахати, после того как мы замерли. — Мне придется прыгать.

— Подожди! — я снова его остановила. — Если ты переберёшься в тот вагон, то, как только отсоединишь нас, не сможешь вернуться. В конечном итоге, ты окажешься с этими мужчинами один на один, и, видит Бог, они будут не очень счастливы потерять детей.

— Я знаю. — Это самое короткое предложение, которое он когда-либо

говорил. Я хотела, чтобы он заполнил тишину, последовавшую за его бредом, но мы двинулись вперед в ритме невысказанных вещей — неожиданные обстоятельства, неожиданные жертвы.

— Бахат...

— Это время, когда я заработал имя воина, мисс Родел.

А затем человек, который запрыгивал на свою кровать при виде ящерицы, который визжал из-за сверчков и убегал от мотыльков, прыгнул. Его худощавые длинные ноги преодолели пространство, несмотря на то, что он был слаб, когда приземлился на своё израненное колено. Он попытался улыбнуться, прищуривая опухший глаз, и потянул рычаг.

— *Кассериан ингера*, — сказал он, когда вагоны отсоединились, и он остался позади. *Как там дети?*

— *Сапати...*, — я с трудом сглотнула и загнала слёзы назад. Люди К. К. были совсем близко к нему. — *Сапати инера*.

Все дети в порядке.

Задняя часть поезда стала отдаляться как разрубленное тело гигантского питона, и я потеряла его из виду.

— Спасибо, Бахати, — прошептала я, надеясь, что ветер принесёт ему мои слова.

Видение Лонеки сбылось. Он видел, как Бахати катается на гигантском змее, сражаясь со своими сородичами, помогая белым людям. Но Лонеки не правильно это интерпретировал. Змей был поездом, а Бахати сражался с К.К., чтобы обеспечить безопасность детей-альбиносов. В то же время, если бы Бахати слушал Лонеки, если бы он держался подальше, как говорил его отец, мы всё ещё были бы в безопасности.

Меня накрывала эмоциональная волна. Так много сложных нитей связывало нас всех вместе. Бесконечные равнины простирались со всех сторон, огромные и пустые, когда я цеплялась за вагон на последнем отрезке пути до Ванзы, лелея последние образы Бахати и Джека.

Глава 19

— Тринадцать? — за закрытой дверью кричала женщина. — Она привела тринадцать детей? Почему мы не были уведомлены?

— Она только что появилась у ворот, — сказал охранник, сопровождавший нас до приюта. — Я сообщил уполномоченному, но она отказалась сдвинуться с места. И, честно говоря, они выглядят слишком измотанными, чтобы идти куда-то ещё.

Я села на скамейку возле офиса, пока они ходили туда и обратно. Эти долгие часы — тяжёлое испытание для детей, сбившихся в кучу в вагоне, полном коз. Когда поезд прибыл на следующую станцию, то надолго там задержался. Я предположила, что это было связано с грузовыми вагонами, которые остались далеко позади. Мы не осмелились выйти или издать хоть один звук. Мы не могли отличить друга от врага, поэтому оставались на месте, пока поезд не въехал в Ванзу.

Должно быть, мы представляли собой то еще зрелище, когда вылезли из этого вагона. Дежурный полицейский заметил нас и предложил отвезти в приют. Я оставила своё имя и номер бейджа полицейского начальнику станции, прежде чем поехать на частном *дала дала*, который он организовал для нас. Я не собиралась рисковать, находясь так близко от нашей цели, но мой выбор был ограничен. Невозможно было просто выйти с вокзала на улицу с детьми.

Полицейский оказался ещё одной доброй душой на нашем пути. Дети и я никогда бы не сделали это без Джека, Олонаны и Бахати. Я мысленно добавила его в список людей, которые сделали это возможным.

Ванза ощущалась как свежий озерный бриз, прекрасная вода и быстро растущий горизонт. Она была построена на берегу озера Виктория, в окружении холмов, усыпанных огромными валунами. Детский дом находился в нескольких минутах езды от железнодорожного вокзала, обнесенный колючей проволокой, с охранниками, патрулирующими ворота. Это было не то святилище, которое я себе нарисовала в воображении. От общежития исходил несвежий, сырой запах. Дети спали по двое в кровати. Те, кто играл во дворе, были одеты в сине-серую форму, их молочно-розовая кожа резко контрастировала с ней. И всё же они казались счастливыми — такое счастье, которое происходит от ощущения безопасности. Они могли свободно бегать, играть и кричать.

— *Чуу, чуу, симба!* Леопард, леопард, лев! — они скандировали,

бегали кругами и пятнали друг друга в игре.

Мои дети наблюдали со стороны: тринадцать малышей стояли у потертой стены. Место было переполнено и недофинансировано. Я могла понять реакцию женщины, которую я ждала, чтобы увидеться.

— Мисс Эмерсон? — она открыла дверь и прочитала моё имя на записке, которую охранник написал для неё. — Добро пожаловать. Меня зовут Жозефина Монтати. Я управляю этим детским домом. Пожалуйста, — она указала на стул у своего стола. — Я понимаю, что вы привели детей, которых хотели бы оставить под нашим присмотром. Тринадцать, если я не ошибаюсь? — она была великолепна с заплетенными в косички волосами и представительна, несмотря на свою маленькую фигурку. Ей было, по крайней мере, шестьдесят, если не больше. Она хмурила брови.

— Да. Верно, но некоторые из них были похищены. Я уверена, что их семьи ищут их, и они будут счастливы забрать их назад.

— А как вы оказались со всеми этими детьми?

Я рассказала историю так кратко, как только могла, пока она наблюдала за мной через свои очки-полумесяцы. Когда я закончила, она села и вздохнула.

— Я не буду лгать. Я не рада их видеть. У нас нет ресурсов. Вы можете сами убедиться. — Она указала в окно на разрушающееся здание снаружи. — Многие из этих детей-альбиносов слепые. Нам нужны специальные учебники. Постельные принадлежности. Головные уборы. Очки... — она остановилась и покачала головой. — Простите. Я прошу прощения. Вы спасли тринадцать жизней. Вы рисковали своей собственной. Вы беспокоитесь о своих друзьях. А я говорю о вещах. Простите меня. Я устрою детей. Нам просто нужно заполнить некоторые документы, и тогда вы можете идти. Почему бы нам и детям не поесть, прежде чем мы начнем? Я уверена, что вы все очень устали и голодны.

— Это было бы хорошо, — ответила я. Еда была последней вещью, о которой я думала. Я слишком беспокоилась о Джеке и Бахати, но дети были в пути много-много часов. — Есть только одна вещь, о которой я надеялась поговорить с вами. Вы знаете кого-нибудь по имени Габриэль?

— Я знаю пару Габриэлей. — Она сняла свои очки и положила их на стол.

— Моя сестра работала с ним, чтобы привезти к вам детей.

— Ах, вы имеете в виду Габриэля Лукаса. Так та восхитительная молодая леди, которую он приводил с собой... это ваша сестра?

— Вы знали её?

— Да, но я давно не видела её. Она закончила свою волонтерскую деятельность?

— Нет. Моя сестра... она погибла при нападении на «Килимани-молл».

— О, — Джозефина подошла и обняла меня. — Мне так жаль это слышать. Какая ужасная вещь случилась с такой прекрасной душой!

— Спасибо. — Я осталась в её объятиях немного дольше. У некоторых людей есть удивительная способность успокаивать и утешать. Жозефина Монтати была одной из них.

— Я надеялась, что вы расскажете мне что-нибудь о Габриэле, — продолжила я, когда она отступила. — Его сестра и дочь давно не слышали о нем.

— Хорошо, давайте посмотрим... — Джозефина снова надела очки и подошла к журналу. — Он был здесь последний раз в июне. С тех пор я его не видела. Я полагала, что он занят строительством своего дома в Ванце.

— У него есть дом в Ванце?

— Так он сказал — что он переезжает, чтобы его дочь могла посещать школу здесь. Он не хочет, чтобы она жила в детском доме. Он знает, каково здесь. Всего он привёз двадцать четыре ребенка. За несколько лет, конечно. Не всех сразу, как вы. — Она засмеялась. — Хороший человек этот Габриэль. Золотое сердце. Он много ездит, но я удивлена, что он не связался со своей семьёй. В следующий раз, когда я увижу его, мне придется его хорошенько отругать.

Я села назад с облегчением. Габриэль был хорошим парнем. Он доставил детей в детский дом, как обещал их родителям. Он не обманул мою сестру. На самом деле, он тоже привёл её сюда. Но где он, чёрт возьми?

— Вы не будете возражать, если я воспользуюсь вашим телефоном? — спросила я Жозефину.

— Да, конечно. Я возьму детей в столовую. Найдите нас, когда закончите.

— Спасибо, — сказала я, когда она закрыла за собой дверь.

Я взяла трубку и снова опустила её. Мои руки дрожали. Я чувствовала себя как высокая куча беспорядочно сложенных друг на друга бетонных блоков. Один толчок, и я рассыплюсь. Всё это время я удерживала это вместе, но сидя в пустой комнате, наедине со своими мыслями, я начинала разваливаться.

Последние пару дней были американскими горками в плане эмоций: невероятное занятие любовью с Джеком, неожиданная встреча с Олонаной,

наблюдение за тем, как тринадцать детей материализуются из тумана, огромная ответственность за их спасение, острые ощущения от бегства от наших преследователей, ужасный, горький вкус необходимости оставить Джека позади; Бахати, смотрящий на меня с другой стороны вагона...

И вот я, в офисе Жозефины Монтати, уставилась на царапины на её столе, собираюсь позвонить Гома и сказать ей, что я не знаю, где находится её внук. Её единственный живой член семьи.

— Алло, — проговорила она, когда я, наконец, набрала номер.

— Гома? Это я. Родел.

— Родел, — она усмехнулась. — Думаю, Джек слишком взбешен, чтобы говорить со мной.

— Нет, он... — «Пропал». Но я не могла заставить себя сказать это. — Почему Джек должен был разозлиться на тебя?

— Из-за того, что не отправила Схоластику с Бахати. Всё в порядке? Ты... пропадаешь. Не говори мне, что ты все еще ждешь Бахати. Этот мальчишка струсил...

— Нет, Бахати... он приехал, чтобы забрать нас. Просто... просто...

— Выкладывай, девочка. Мой DVD с зумбой крутится.

— Гома, я не знаю, где они.

— Где кто?

— Джек и Бахати. — Я объяснила, что произошло с того момента, как Джек и я покинули Магесу и пересеклись с Олонаной, до того, как Джек, Бахати и я разделились. Когда я закончила, я ждала ответа Гома. Линия молчала.

— Гома? — *Чёрт*. Возможно, я не должна была звонить.

— Я здесь. Я просто думаю о хорошем. Мой дорогой Сэм всегда так делал, когда у нас были проблемы. «Хорошие мысли, — говорил он. — Хорошие мысли». Итак, сейчас я думаю о том, как сильно я хочу привязать этого ублюдка К.К. к задней части моего джипа и протащить его через колючие кусты. Никто не может поднять руку на моего внука и уйти безнаказанным. Пока мои лёгкие всё ещё пылают огнем. Я подпалю его задницу до хрустящей корочки. Ему лучше молиться, чтобы никакого вреда не было причинено Джеку или Бахати. С тобой и детьми всё в порядке?

— У нас всё в порядке. Не могли бы вы связаться с инспектором Хамиси. Возможно, он знает кого-то в полицейском участке, который может отправить поисковую группу.

— О, не беспокойся. Я собираюсь мобилизовать их всех. Как только положу трубку. А потом я собираюсь сесть в свою машину и направиться прямо в Ванзу. Вы просто держитесь. Мы собираемся вернуть наших

мальчиков, ты меня слышишь? Даже если мне придется лично перевернуть каждый камешек.

Я думала, что она будет подавлена, но она поднялась как дракон с выпущенными когтями, готовый разорвать врагов на клочки из плоти и костей. Её реакция ободрила меня, зажгла во мне надежду.

— Да, Гома, — ответила я. — Пойдем и вернем наших мальчиков.

На секунду мне стало интересно, действительно ли она такая сильная, или она будет сидеть с опущенной головой, уставившись на искривленные вены на тыльной стороне своих рук, думая о том, как они найдут силы оставить цветы на ещё одной могиле, если дойдёт до этого.

Я повесила трубку и вышла из офиса. Снаружи дети всё ещё играли во дворе. Те, кто сопровождал меня, вышли из столовой и ожидали, когда им дадут новую одежду. Несколько из них потащили меня к картонной коробке, которая была установлена как стол, с квадратными кусочками газеты в качестве подставок. Я сидела на стуле, когда они притворялись, что налили мне чай в миниатюрную чашку.

— *Асанте*, — я сделала глоток и притворилась, что обожгла язык.

— *Мото сана!* Слишком горячо! — они засмеялись, угощая меня невидимой едой.

На нас упала тень, когда я предложила чашку соломенной кукле, сидящей напротив меня.

— Я отвернулся только на две секунды, и ты уже на чаепитии.

У меня перехватило дыхание. Его голос был как бальзам для моего израненного сердца.

— Джек! Джек! — дети собрались вокруг него.

— Ты опоздал, — сказала я, пытаюсь остановить слезы, наворачивающиеся на глазах. Его рука была перевязана грязной тканью, густая борода покрыта застывшей кровью, губы потрескались и опухли. Он стоял неподвижно, как столб, покрытый пылью и клочьями одежды, и выглядел так, словно все его мышцы свела судорога.

Я никогда не видела человека красивее его.

Я бы подбежала к нему, обняла его, но мои конечности были настолько перегружены облегчением, что я просто сидела там, держа миниатюрный чайник.

— Девушка, пригласившая меня на свидание, бросила меня, — ответил он, поставив детский табурет напротив меня и посадив куклу на колени. Он говорил одно, а его глаза говорили другое.

«Ты в порядке».

«Ты сделала это».

«Боже, позволь мне просто посмотреть на тебя».

И вот мы сидели там, глядя друг на друга через перевернутую картонную коробку, пока дети толпились вокруг нас. Джек вытащил из моих пальцев маленький чайник, который я держала, и сделал вид, что наполняет им две миниатюрные чашки. Я взяла свою, он взял свою, и мы чокнулись ими в молчаливом тосте.

Мы притворялись, что ели, и делали вид, что пили. Между нами гудел воздух, тяжёлый от слов, которые не могли сорваться с наших языков.

— Я думала... Я думала, что ты... — слеза пролилась, как капля дождя на картонную коробку.

— Тсс. Ты здесь. Я здесь. Всё именно так, как и должно быть.

— Джек, Бахат...

— Он в порядке. Он в машине, снаружи. С нами всё в порядке. — Он встал, распрямил свои длинные ноги и протянул руки. — Иди сюда, сладкая, — его голос был полон тоски.

«Джек чёртов Уорден. Он выжил. И Бахати сделал это тоже».

Я уткнулась лицом ему в грудь, может быть, с немного чрезмерным энтузиазмом, потому что он вздрогнул.

— Извини. Я сделала тебе больно...

— Заткнись, Родел, — и он заклеил мои губы своими, его поцелуй пел в моих венах.

Когда я растаяла возле него, мои руки обвились вокруг его шеи. Я хотела залечить все трещинки на его губах самыми мягкими поцелуями, облизать все болезненные нежные части. Я хотела любить его, как если бы он был моим.

— Мисс Эмерсон? — я оторвала свой рот от него и обнаружила, что Жозефина Монтати смотрит на нас, подняв бровь.

— Извините, — я застенчиво улыбнулась ей. Дети смотрели на нас с изумленным восхищением. — Мои друзья сделали это. Они оба. Я так счастлива!

— Я вижу. Я рада, что вы в порядке, — сказала она Джеку.

— Мы заполним необходимые документы, — я кивнула на стопку бланков, которые она держала. — Не могли бы вы дать нам несколько минут?

— Конечно. Я буду в своём офисе.

— Мы? — сказал Джек, после того как она ушла. — Мне нравится, как ты втянула меня в это. Но не уверен, что мой почерк подойдёт для заполнения каких-либо форм. — Он согнул свои грубые окровавленные пальцы.

— Ну, я не позволю тебе скрыться из виду. Но сначала я хочу увидеть Бахати. И я хочу точно знать, что произошло.

— Случилось так, что К.К. и его головорез сильно избили меня, — он потянулся к моей руке, когда охранники открыли для нас ворота.

— Да уж. Я видела часть, — ответила я, думая, как я до смешного счастлива от того, что моя рука держала его руку. И моё сердце. — Начни с хорошего. Ну, знаешь, когда ты надрал их жалкие задницы.

— Всё произошло не совсем так, — он усмехнулся. — Итак, я лежу на спине, почти уверенный, что со мной покончено, когда они начинают спорить. К.К. злится, потому что он велел другому парню остановить водителя, но теперь поезд уходит, и дети всё ещё на нём. Другой парень кричит, что он вернулся, чтобы спасти задницу К.К., когда увидел, что я одержал верх. На что К.К. орёт в ответ, что ему не нужна ничья помощь, и это просто неуважение к нему. Между тем, я на земле возле машины Бахати. Дверь открыта с того момента, когда его вытащили наружу. И что я вижу? Сумка Бахати — та, которую он использует, когда надевает полный костюм Масая в «The Grand Tulip». Она свалилась на пол, и из неё торчало его копье. Так что пока К.К. и его друг ссорятся, я медленно двигаюсь в её сторону. Остальное произошло так быстро, что всё размылось. Сначала я справился с его приятелем, развернул копье и ударил его по ноге. Затем я пошёл на К.К., но он маленький, быстрый и злобный. Он продолжал уклоняться от моих уколов, ожидая, когда я устану. Он знал, что я не продержусь долго. Не с травмированной рукой. Чем больше времени я тратил впустую, тем дальше ты была. Так что я загнал К.К. в заднюю часть его фургона. Связал его и его приятеля, спина к спине. Я запер их там, где они держали детей. Без воздуха, без окон, без света. Он смеялся, когда я уходил. Жуткий маленький ублюдок. Он сказал, что ему нравится ирония произошедшего.

— У меня мурашки от него, — сказала я. — Мы должны сообщить полиции, где его найти. Это напомнило мне о том, что мы должны позвонить Гоме. Она собирает поисковую группу. — Я остановилась, увидев машину. — О, Боже, тебе удалось проехать весь путь сюда на Сьюзи?

Она была помятой, пыльной и сильно потрёпанной. Её бампер был искривлён, одна фара болталась, другая разбилась.

— Ро, это ты? — услышала я «мяуканье» внутри машины.

«Ро. Он назвал меня Ро». Я улыбнулась как идиотка. Теперь он считал меня своим другом.

— Бахати?

Он лежал на заднем сиденье, завернутый в блестящее металлическое аварийное одеяло как картошка, которую собирались запечь в духовке.

— С тобой всё в порядке?

— Мой глаз всё ещё опухший. — Он посмотрел на меня другим. — Ты же не думаешь, что это навсегда, не так ли? Я зарабатываю на жизнь этим лицом. И мне очень холодно. Я думаю, что мне может понадобиться замена коленной чашечки. Всё болит. Я едва могу двигаться, но я так рад тебя видеть. Оу, — простонал он, пытаясь перевернуться на другой бок.

Я бросила обеспокоенный взгляд на Джека, но он закатил глаза.

— Я уверен, что мы можем попросить кого-нибудь в детском доме дать тебе что-нибудь от боли, — сказал он. — Пока мы не доставим тебя к врачу. Хочешь зайти?

— Я не думаю, что смогу встать.

— Еда? — соблазняла я. — Ты голоден?

— Нет. Я не думаю, что могу есть. Мою челюсть ломит. Из моего носа идёт кровь. Я не чувствую вкуса, и у меня есть порез прямо здесь, — он высунул язык, чтобы я увидела.

— Все дети ждут тебя. Персонал тоже. Ты герой, Бахати, — сказал Джек. — Они хотят сфотографироваться с тобой.

— Они ждут? — Бахати спрятал язык обратно.

— Да. Но не волнуйся. Я скажу им, что ты плохо себя чувствуешь. Пойдём, Родел.

— Подожди, — раздался громкий шорох, пока Бахати стягивал с себя одеяло. — Возможно, я смогу заглянуть ненадолго.

— Ты уверен? Ты на самом деле в плохой форме, приятель.

— Я знаю, но я не хочу разочаровывать их.

— Отлично. Тогда пойдём, — Джек открыл дверь и высунул руку наружу.

— Нет. Не так. Передай мне мою сумку. Я пойду в моей одежде Масаев.

— Ты же не серьезно.

Но Бахати настаивал, поэтому мы отвернули головы и игнорировали стук и ругань, когда он переодевался в машине.

— Так как ты его нашёл? — спросила я Джека.

— Я запрыгнул в Сьюзи, пытаясь догнать тебя, и обнаружил, что часть поезда отделилась от состава. Я подумал, что они добрались до тебя. Боже, Родел, я всё потерял. Я взял несколько следов и направился туда, когда что-то услышал. Я последовал на звук, пока не наткнулся на два пучка травы. Это был Бахати. Чихающий. Он спрыгнул с поезда и покрыл себя грязью,

чтобы спастись от людей, которые, как он думал, всё ещё искали его. Только когда он сказал мне, что тебе удалось уйти, я снова смог дышать.

— Я так волновалась за тебя. — Я положила свою ладонь на его щеку.

— И за меня? — подхватил Бахати из машины.

— За тебя тоже. — Я засмеялась, позволяя своей руке упасть. — Я так рада, что тебе удалось сбежать от этих людей.

— Это была очень хитрая маскировка. Думаешь, дети захотят это увидеть? У меня есть памятный сувенир, — Бахати поднял вверх вырванную веточку травы.

— Вот. Давай я её подержу, — Джек взял её и помог Бахати выйти. Мы поддерживали его, когда он захромал к воротам.

— Имя? — спросил один из охранников. В его списке уже были я и Джек.

— Меня зовут Бахати. Ну, это не совсем моё имя. Это мой ник. Вернее, часть моего никнейма. Я никогда не получал имя воина, но теперь я настоящий воин. Я спас моего отца. Он вождь. И я спас детей и Ро. Меня пригласили, так что откройте ворота. Они ждут меня! — Он держал копьё поднятым, пока вещал как герой драмы.

Охранник быстро конфисковал его и оставил его стоять там. Джек вставил в его руку желтоватый пучок травы, и мы торжественно подождали, пока охранник перевел взгляд с меня на Бахати и на Джека. Прошло несколько секунд, прежде чем он покачал головой и позвонил в офис.

— Мисс Жозефина говорит, что вы можете войти.

Он открыл ворота и отошёл в сторону.

— Видишь? — Бахати покачал травой, хромая.

Когда он вошёл, дети окружили его, приветствуя, как будто они встретили старого друга. Спина Бахати выпрямилась, глаза прояснились, и внезапно он перестал нуждаться в том, чтобы мы поддерживали его.

— Я думаю, что на некоторое время всё в порядке, — сказал Джек, ведя меня к офису, где нас ждала Жозефина. Он позвонил Гоме, пока я заполняла документы. Я могла разобрать облегчение и ругань, смех и угрозы с другого конца линии.

— Как поживает Схоластика? — спросил Джек. — Есть какие-нибудь новости от инспектора Хамиси о её отце? — он на мгновение замолчал. — Хорошо. Нет, оставайся на месте. Скоро увидимся.

Я бросила на него вопросительный взгляд после того, как он повесил трубку.

— Пока никаких новостей о Габриэле, — сказал он.

— Я уже говорила с Джозефиной о нём. — С её разрешения я показала Джеку регистрации и все записи Габриэля.

— Тут всё законно, — сказал Джек, листая страницы.

— Габриэль? — брови Жозефины поднялись. — Абсолютно. У вас были сомнения?

— Я не был уверен, что о нём думать. Итак, теперь вопрос в том, где нам его найти? Его сестра обеспокоена, и его дочь хочет воссоединиться с ним.

— Как я и сказала Родел, он строит дом в Ванце. Возможно, вы захотите продолжить его дело?

— Думаю, я закончила. — Я положила стопку документов на стол Жозефины. Тринадцать детей, миллиард форм. — Я заполнила их как можно лучше, но многое неизвестно. Даты рождения, место рождения, имя матери, имя отца...

— С этим ничего не поделаешь. Мы постараемся заполнить пробелы.

Джозефина провела нас во двор, где Бахати разыгрывал, как он прыгнул между грузовыми вагонами. Это было скорее приседанием, учитывая плохое состояние его колена, но дети казались совершенно впечатленными.

— Вы должны поесть немного, прежде чем уехать, — сказала она.

— Еда? — Бахати развернулся. — А как насчет фотографий?

— Это великолепная идея. Я хотела бы сфотографировать вас со всеми детьми, которых вы привезли.

Джозефина вывела нас через задние ворота и пошла за своей камерой.

Вокруг нас шумело озеро, усеянное фиолетовыми цветами, плавающими островками восковых зелёных листьев. Валуны лежали в воде то тут, то там, некоторые ненадежно балансировали друг на друге, как будто их сложили гиганты, играющие с галькой. Мы выстроились у берега, все шестнадцать, которые собрались как случайные нити в гобелене, объединились на этом перекрестке, чтобы увидеть одну большую яркую вспышку камеры.

— Ещё раз! — сказал Бахати, приняв позу.

Я почувствовала тепло руки Джека вокруг талии, когда мы улыбнулись в объектив. Он повернулся и поцеловал меня, когда сработала следующая вспышка.

— Я собираюсь вымыть твои волосы, когда мы будем одни, — прошептала я.

— Ты не поклонница необузданного и растрёпанного внешнего вида?

— Просто возвращаю услугу. И ты не прав. Я нахожу это чертовски

сексуальным — не могу дождаться, чтобы пробежаться по ним пальцами.

Джек подавился. Он на самом деле прослезился.

— Тебе следует... — он кашлянул, чтобы отдышаться. — Ты должна ездить на поездах чаще. Похоже, они оказывают на тебя освобождающее действие.

— Да? — я встала на цыпочки, чтобы можно было шептать ему в ухо. — Я могу думать о несколько других вещах, на которых я бы предпочла покататься.

Я почти уверена, что следующая фотография поймала его с открытым ртом.

— Ты наслаждаешься этим, не так ли? — произнес он сквозь стиснутые зубы.

— Думай об этом как о расплате за то, что ты играешь со мной, а потом исчезаешь.

Я улыбнулась в камеру.

— Знаешь, в эту игру могут играть двое. — Он понизил голос, когда все пять его пальцев скользнули по моей шее. Он схватил меня за волосы и потянул, удерживая меня неподвижной. — Скажи «сыр», Родел.

К тому времени, когда сработала следующая вспышка, я уже извивалась.

— Что случилось? — поддразнил он, проводя длинную чувственную линию по моей спине от затылка до пояса. — Твой английский сад не выдерживает тропическую жару?

— Спасибо. Этого должно хватить, — сказала Джозефина, запаковывая камеру.

«О, слава Богу». Я отскочила от Джека, думая, что именно это чувствуешь, когда расшнуровываешь корсет в конце длинного дня.

— Пора войти внутрь, дети, — сказала Жозефина. — Попрощайтесь со своими друзьями.

Мое горло сжалось, когда они по очереди обняли меня.

— *Квахери*, — сказали они. — *Asante*.

Я целовала их белоснежные щеки и крепко держала их, зная, что это только начало. Им ещё предстояло пройти долгий путь.

«*Пожалуйста, мир, будь добр к ним*, — подумала я, — *а если нет, просто даруй им спокойную жизнь*».

Я стояла в стороне, когда Джек и Бахати прощались. Что-то шептало на деревьях вокруг нас, посылая лучи солнечного света сквозь листья. Я подошла к небольшому валуну на берегу и расстегнула рюкзак. Глубоко вздохнув, я достала записную книжку, позволяя открыться ей на странице,

где я хранила заметки моей сестры.

Пришло время прощаться.

Озеро было спокойным, как зеркало, отражая ангельски-белые облака на мерцающем голубом небе. Трудно было сказать, где заканчивалось одно и начиналось другое.

«Это идеальное место, Мо. Свободное и бесконечное».

Я держала три стикера и молча читала первый: *«17 июля — Джума (Барака)».*

Затем я опустила его в воду и отпустила.

«Прощай, Джума. Извини, мы не успели к тебе вовремя».

Я улыбнулась, когда посмотрела на следующий: *«29 августа — Сумуни (Маймоси)».*

«До свидания, Сумуни. Продолжай читать рэп. Никогда не позволяй им заставить тебя замолчать».

Я разгладила последний стикер и почувствовала резкий всплеск эмоций: *«1 сентября — Фураха (Магеса)».*

«До свидания, Фураха. Мы никогда не встретимся, потому что ты уже уехал с семьей, когда мы туда приехали. И ты никогда не узнаешь. Благодаря тебе было спасено много жизней. Мы пришли за тобой и нашли остальных. Где бы ты ни был, надеюсь, у тебя всё хорошо. Я надеюсь, что ты счастлив».

Я откинулась на спину и наблюдала, как три желтых бумажки уплывают от меня. Они мягко покачивались в воде, посылая рябь в виде увеличивающихся кругов, пока не исчезли, как эхо в бескрайней долине.

«Прощай, Мо». Слезы потекли по моим щекам.

Ветер шуршал в траве. Полевые цветы медленно качались, как коралловые руки, машущие во время отлива. Я надела рюкзак и приготовилась уходить. Потом я остановилась и обернулась. Я забыла свой блокнот. Когда я наклонилась, чтобы взять его, волна обрушилась на валун и брызнула на меня.

У меня перехватило дыхание от удара холодной воды о мою нагретую солнцем кожу.

«Откуда она взялась? Озеро очень спокойное».

И всё же это всё было на мне — моих руках, моих волосах, моём лице.

— Посмотри на себя, — сказал Джек, когда я присоединилась к нему и Бахати. Дети вернулись внутрь, а мужчины ждали меня. — Ты выглядишь так, будто только что приняла ванну с блестками.

— Блески... — я остановилась и протянула руки. Капли воды прилипли к моей коже как маленькие серебряные блестки. — О, Боже

мой, — я засмеялась. Радость бурлила в моём сердце, когда я оглянулась на воду.

— Что это? — спросил Джек.

— Моя сестра. Она наполнила шар блеском и оставила его в моем шкафу. Он лопнул, и я была похожа на дискотечный шар в течение нескольких дней. Я думаю, она только что попрощалась со мной таким способом.

Джек и Бахати обменялись озадаченными взглядами.

— Не бери в голову, — я усмехнулась. — Я счастлива! Я так счастлива, что могу обнять вас обоих. — Я поцеловала их в щёки.

— Я так не думаю, — Джек зарычал и потянул меня назад, клеймя мои губы. Мои чувства кружились словно в вихре, руками я обвила его шею, когда он заключил меня в колыбель своих рук.

— О, — сказал Бахати, указывая на меня, затем указывая на Джека. — Оооо, — он отступил с широкой ухмылкой на лице.

— Я думаю, что мы заставили Бахати потерять дар речи, — сказал Джек, когда тот ушел.

— Поставь меня, Джек. — Мои ноги всё ещё болтались над землёй.

— Нет.

— Нет?

— Ты должна быть наказана за то, что дразнила меня во время группового снимка.

— Джек, нет! — завопила я, когда он перекинул меня через плечо. — Я укушу тебя! Я укушу твою травмированную руку!

— О, детка, — он засмеялся. — Мне нравится, когда ты говоришь непристойности.

Глава 20

Я вошла в душ и закрыла глаза, когда на меня полилась вода. Горячие ручьи стекали по моему лицу, волосам, спине, смывая пыль и въевшуюся грязь последних нескольких дней. Я глубоко вздохнула, вдыхая запах тонкого белого кусочка мыла, предоставленного отелем. Я никогда не собиралась снова принимать малейшую роскошь жизни как должное.

Когда дверь душевой кабины открылась, меня обдало холодным воздухом.

— Ты вернулся. — Я улыбнулась, пока Джек стоял там, глядя на меня, его взгляд бродил по моему обнажённому телу и ощущался как теплые прикосновения.

— Ты начала без меня. — Он вошёл в душ, совершенно не обращая внимания на тот факт, что был полностью одет. Одна очень большая мужская рука обвила мою талию, когда он поцеловал меня, приподняв с кафельного пола.

Горячая вода, мыло и особые поцелуи Джека — те, что сбивают тебя с ног. В прямом смысле.

Я могла бы провести здесь весь день.

— Твоя одежда вся промокла, — сказала я, когда он отпустил меня.

— Я не планирую надевать её снова. — Он стянул с плеч свою пыльную изодранную футболку, затем брюки и отпихнул трусы в угол.

Вид его, стоящего там во всей его обнаженной красе, заставил меня вздрогнуть, пока я не заметила фиолетовые рубцы на его теле.

— О, Боже, — я проследила за тем, как один из них пересекает его грудь.

— Ничего, — сказал он. — Это выглядит хуже, чем ощущается. — Он подошёл ближе, держа руку подальше от воды. — Они сказали, чтобы я держал её сухой. — Он указал на белую марлю вокруг пореза.

— И это всё? Всё остальное в порядке?

— Хочешь проверить меня?

Мой пульс замер, когда он сильно прижал меня к себе и прикусил мою шею. Я сглотнула, когда этот агрессивный знак его страсти оживил воспоминания о нашем полуденном времени в палатке.

— Родел, — он прижал мою щеку к своей ладони.

«Родел». Это заставило меня почувствовать себя самой сексуальной женщиной в мире.

— Мы были импульсивны, — сказал он, его взгляд приковал меня к себе. — Мы увлеклись в тот момент. Я должен был быть более осторожным. Мне следовало иметь...

— Тсс. Мы были в глуши, и у тебя в кошельке не было запасных презервативов. Кроме того, мой цикл закончился за несколько дней до того, как мы уехали в Ванзу, так что шансы на то, что я беременна, очень невелики.

Он глубоко вздохнул и уткнулся лбом в мой лоб.

— Какое облегчение. И всё же... в течение небольшого, эгоистичного момента, когда я обдумывал такую возможность, я был невероятно счастлив.

Я сглотнула, подумав, как сильно он любил Лили и (как я сама могла видеть) какой он удивительный отец. Но я уезжала через несколько дней, как раз к началу учебного года, и было слишком больно думать обо всех возможностях, которые могли сложиться у меня с Джеком.

Вокруг нас поднимался пар, пока мы мылили друг друга в тишине — кожа к коже, — удивляясь, запоминая, лелея. Ресницы Джека, отяжелевшие от воды, его решительные бедра, то, как его мышцы дрожали, когда он двигался, кончики его волос завились от мыльной пены.

Он обмотал полотенцем бедра, завернул меня в другое полотенце и отнёс к кровати. Комната была обшарпанной и небольшой, шторы потрепались по кромке, но я вздохнула в усталом удовлетворении.

— Горячий душ, мягкие простыни, настоящий матрас. Чистое блаженство.

Я села на край кровати, пока Джек вытирал мне волосы.

— Я могу вспомнить пару вещей, которые хотел бы добавить к этому. — Он схватил сумку с покупками, которая стояла на боковом столике, и положил её мне на колени.

— Что это? — я порылась в ней и нашла антибиотический крем для его пореза, расческу, зубную пасту, жевательную резинку, лосьон и еще... коробку презервативов.

— Я имел в виду это, — он опустил передо мной на колени, забрал сумку из моих рук и помахал передо мной лосьоном. — Ложись, — прошептал он мне на ухо. — На живот.

Мою кожа покалывало, когда он снял полотенце с меня и начал медленно ровными кругами разминать мои воспаленные мышцы — бедра, икры, тыльную сторону коленей.

— Ммм, — я сильнее прижалась к подушке. Я была истощена больше, чем думала. Я не спала целую вечность, но боролась с желанием закрыть

глаза.

— Полиция забрала К.К.?

— Нет. К тому времени, когда они туда приехали, фургона уже не было. Они думают, что двое мужчин, которые преследовали тебя в поезде, нашли его и освободили.

Неприятное чувство закрутилось в животе. Идея о том, что К.К. сбежал, тревожила.

— Как Бахати? — спросила я. — С ним всё будет в порядке?

— Он в порядке. Ничего не сломал, — Джек переместился с моих ног на спину. Я таяла под его сильными чувственными движениями. — Некоторые из газетных журналистов понюхали эту историю и захотели взять интервью. Он с ними в зале заседаний. Свет, камеры, работа.

— Это здорово, — усмехнулась я. — А Габриэль? Есть какие-нибудь следы от него?

— Я нашёл строителя, который работает над его домом. — Джек согрел больше лосьона в руках, прежде чем растереть его по моим плечам. — Строительство остановлено, потому что Габриэль не заплатил ему за следующий этап. Я сказал ему, чтобы он связался со мной, как только услышит что-нибудь о нём. Габриэль вложил много денег в эту собственность. Он не собирается просто так отказаться от нее.

Я потеряла ход мыслей, потому что Джек гладил мою шею вверх и вниз. Я была как маятник, качающийся между двумя состояниями — от расслабления до возбуждения и обратно. Когда его пальцы стали работать с нервами в каждой клеточке моего тела, мои глаза сами собой закрылись.

— Джек, — пробормотала я, — если ты не остановишься сейчас, я засну.

— Тогда делай это. Просто позволь себе погрузиться в него. Ты не спала годами.

— Но время... Я хочу максимально использовать его, — я перевернулась и посмотрела на него.

Что-то омрачило его выражение лица, прежде чем он сморгнул это.

— Я не хочу думать об этом. Не сейчас. Прямо сейчас я просто хочу наслаждаться этим. Этим чувством. Твоей кожей. Твоими волосами на подушке. Твоими сонными карими глазами.

Я обняла его за шею, потому что не выдержала.

— Ты сделаешь кое-что для меня?

— Всё, что угодно. — Я чувствовала его теплое дыхание на своем лице. Я ничего не могла сделать с тем, чтобы не попробовать вкус его губ.

— Ты позволишь мне причесать тебя?

Он засмеялся, но остановился, когда заметил моё выражение лица.

— Ты серьезно?

— Садись. — Я похлопала по краю кровати и быстро опустилась на колени позади него. Я взяла расческу и провела мягкими, неторопливыми движениями по его влажным волосам длиной до плеч. Он сидел неподвижно и прямо, непривычный к тому, чтобы о нём заботились. Возможно, он позволил своему парикмахеру попробовать, но это было другое, и я сомневалась, что его подстригали после смерти Лили.

Через некоторое время его плечи расслабились. Я продолжала расчесывать его густые русые пряди от корней до кончиков, нежно распутывая его волосы успокаивающими движениями. Он откинул голову назад, и я улыбнулась, потому что его глаза были закрыты. Каждый раз, когда зубья проходили по определенному месту на затылке, он мурлыкал и наклонялся ко мне.

— Как же хорошо.

Комната стала уютнее, когда последние лучи солнца проникли сквозь шторы. Тёплый свет скользнул по лицу Джека, смягчая суровые линии и углы, подчёркивая светлые блики на его бороде. Он отдался мне, отдался нежности этого акта, его мягкой близости.

Когда я закончила, он натянул простыни на нас и крепко прижал меня к своему телу. Мы заснули, обнаженные и переплетённые, без слов и поцелуев, слишком измученные, чтобы думать о прощании, нависшем над нашими головами.

Глава 21

Я пошевелилась на рассвете, когда ранние утренние автобусы превратились в парад непрекращающегося скрежета возле отеля. Джек лежал на боку, с одной рукой под подушкой, лениво глядя на меня полуприкрытыми глазами.

— Доброе утро, — я улыбнулась. Его волосы выглядели по-другому, возможно, потому, что он заснул непричёсанным, а волосы еще были немного влажными. Они упали на один бок, и он выглядел как модель для рекламы шампуня. *«Густые, блестящие, объем на весь день»*. Моя улыбка стала шире. — Ты смотрел, как я сплю?

— Я смотрел на звёзды. — Он провёл пальцем по моему носу.

Это было довольно красиво, то, как он чувствовал. Это все, о чем я мечтала. Его руки идеально обнимали меня, как будто были вылеплены скульптором специально для меня.

— Что это? — спросил он, закинув свою ногу на меня, пока я рассматривала его.

— Когда я смотрю на твоё лицо... это лицо, — я провела большим пальцем по полоске света, что отражался от его скулы. — Я чувствую, что это именно то место, где я должна быть.

Мы начали медленно — будто немного опьяненные, так, что кружилась голова, как будто делая глотки медового блаженства с губ рассветного цвета. Мир вращался под нами — велосипедные гудки и газетчики, и никто не подозревал, что мы медленно поджигаем комнату.

Джек украл дыхание из моих лёгких. Он провёл губами по моим бёдрам, попробовал мои изгибы, научил меня получать удовольствие, пока я не опьянела от него. И в пылу наполненных электричеством вздохов, когда наши тела расплавились, а кости распались, казалось, что мы были сделаны из одного и того же скопления сталкивающихся звёзд. Мы цеплялись друг за друга и погружались в сладкий сон влюбленных, дрейфующих в мечтах.

Когда Бахати позвонил узнать, готовы ли мы ехать, мы снова отвлеклись, пока он не начал стучать в нашу дверь. Когда мы, наконец, открыли дверь, горничная поспешила скрыться. Время, назначенное для отъезда, давно миновало.

— «Кока-кола» для тебя. Кофе для тебя, — Бахати выпрямился и протянул нам напитки. — Я подумал, что вы не побеспокоились о завтраке

сегодня утром. Не слишком много спали, а? — Он осмотрел наши лица и улыбнулся. — Это долгий путь назад, но я бы предпочёл вести всю дорогу сам, — сказал он Джеку. — Я не хочу, чтобы ты заснул за рулём. Моя фотография будет напечатана в завтрашней газете. Мои дела наконец-то пошли в гору. Я не хочу умирать, потому что ты и Ро видите, как шимпанзе ночью. Я имею в виду, это здорово и всё такое, но я только что починил Сьюзи насколько смог. Будет немного больше работы, когда мы вернемся, и всё, что мне нужно будет сделать, это поставить новые кожаные сиденья, которые ты мне обещал. Хотите увидеть образцы? У них также была крокодиловая кожа. Вы можете в это поверить? Это немного глупо. Так я им и сказал...

Это была долгая дорога назад, но я задремала на заднем сиденье, пока Бахати болтал. Мышцы, о существовании которых я никогда не подозревала, болели, но так... правильно. Время от времени Джек смотрел на меня с пассажирского сиденья. У нас был секретный язык, целые фразы, скрытые в наших глазах.

Когда мы проезжали мимо Магесы, вокруг нас опускался вечер. Джек привёз Бахати к месту, где сломалась наша машина. Она всё ещё была там, одинокая и пыльная. Мы подобрали запасные части в Ванце, и земля, наконец, высохла, но понадобилось время, чтобы её починить. К тому времени, когда мы вернулись на тропу, луна уже была высоко, и фары машины Бахати отражались позади нас по дороге к поместью «Кабури».

— Думаешь, они не спят? — спросила я у Джека, когда мы проезжали через каменные колонны у ворот. Гома потребовала назвать приблизительное время нашего прибытия.

— Надеюсь, нет. Уже почти рассвет. — Его глаза блуждали по рядам кофейных деревьев, по привычке оценивая их. Верхушки стали серебристо-розовыми, когда утро перевалило за величественные пики Килиманджаро.

Бахати припарковался рядом с нами, и мы вышли, таща за собой наши рюкзаки.

Джек возился с ключами, прежде чем покачать головой.

— Гома снова оставила дверь открытой.

Бахати усмехнулся, когда я вошла внутрь. Было приятно сбросить мои сумки и впитать тепло этого места. Это заставило меня понять, насколько ферма стала важна мне, и как сильно я скучала по ней.

— Думаю, я... — я замерла, оглядывая гостиную.

Что-то было не так. Что-то было сильно не так.

Семейные портреты лежали разбитыми на полу, стекло было разбросано, как сверкающее конфетти; лампы опрокинуты, подушки

разбросаны, занавески висели криво.

— Джек, кто-то был здесь... — я замолчала, когда увидела, как он поднимает пропитанную кровью бандану.

Он выпрямился, подняв её, его лицо искривилось темной ослепляющей яростью.

— К.К.

Он сжал бандану в кулаке и развернулся, мчась по дому.

— Гома! Схоластика!

На двери были кровавые отпечатки ладоней, кровь на полу, кровь на перилах, на лестнице. Везде.

В моей голове зазвонил примитивный сигнал тревоги. К.К. видел водительские права Джека. Он знал его имя. Он знал, где он живёт. Он пришёл за Джеком, но вместо этого нашёл Гому и Схоластику.

«О, Боже. Схоластика». Я вздрогнула, представляя момент, когда он увидел её. Он зарабатывал на жизнь такими детьми, как она. Что может быть лучшим способом отомстить Джеку, чем украсть её прямо под его крышей? И прикончить его бабушку тоже.

Мои колени подогнулись. Тревога заполнила мои вены, пока мы обыскивали дом.

Джек прошёл через кухню и остановился. Я замерла за ним, не в силах идти дальше, боясь того, что увижу. Бахати застыл позади меня, когда повисла тишина.

— Что за хрень? — Джек выругался и шагнул вперёд, его спина больше не закрывала мне обзор.

Гома стояла там, казалось, невредимая и нетронутая, помешивая в кастрюльке молоко на плите. Схоластика сидела за столом. Они были одеты в соответствующие муумуу. Как будто мы только что пришли на девичник.

— Пора уже было вам появиться, — сказал Гома, наливая горячую пенистую жидкость в чашку и передавая её Схоластике. — Хотите чего-нибудь? — она махнула кастрюлей в нашу сторону.

Мы покачали головами, наблюдая, как она сама допивает остатки и хлопает своей пустой кружкой по стойке.

— Ах, так намного лучше.

— Ты собираешься рассказать нам, что, чёрт возьми, происходит? — спросил Джек. — Это место выглядит так, будто оно разграблено, и везде кровь.

Я опустилась на одно из кресел, мои колени всё ещё слегка дрожали. Джек занял место напротив меня. Бахати включил кран и выпил три стакана воды.

— Этот ублюдок К.К. ворвался сюда в поисках тебя. Он и его приятели. Бешенные и паршивые, как бездомные собаки. Видели бы вы выражение их глаз, когда они увидели Схоластику. Как будто они сорвали джекпот. Они хотели забрать меня тоже. Думаю, что старая карга могла стоить вам шиллинга или двух.

— Мы устроили драку, но это было довольно бесполезно. Я остановила К.К., когда они гнали нас за дверь и сказала: «Эй. Я тебя знаю. Я столкнулась с тобой в полицейском участке». Он посмотрел на меня, и тогда его лицо осветилось. «Да», — сказал он. — «Ты старуха с сумасшедшими радужными очками. Я помню, что ты сказала: „Через мой труп“». Это вдохновляло его. Он засмеялся как маньяк. Он захотел очки, поэтому проводил меня до моей спальни. Я открыла свой гардероб и схватила винтовку. Я не думаю, что когда-нибудь забуду выражение его лица, когда обернулась и... БУМ. Ублюдок лежал на полу, сжимая ногу. Я снова зарядила ружьё, когда подошли его люди, таща за собой Схоластику. Они посмотрели на меня, посмотрели на него — окровавленного на полу у моих ног — и сбежали. Я преследовала их по пятам. Я не хочу, чтобы мусор валялся у меня дома, поэтому заставила их унести К.К. Не могу сказать, был ли он мёртв или жив. Надеюсь, он горит в аду, пока мы говорим. — Она сделала большой глоток молока и покачала головой. — Думаете, они могут тронуть моего внука, прийти ко мне домой и украсть эту маленькую девочку из-под моего носа? Придурки.

Она вытерла свои молочные усы тыльной стороной ладони и села рядом со Схоластикой.

Никто не сказал ни слова. Мы сидели за столом, немного потрясенные и ошеломленные, пока тикали минуты.

Затем Схоластика допила молоко и с грохотом поставила чашку. Очки Мо соскользнули дальше вниз по её носу.

— Придурки, — сказала она, вытирая рот тыльной стороной ладони, как это сделала Гома.

Это были первые английские слова, которые я услышала от неё. Она понятия не имела, что они означали, но она серьезно повторила их, её лицо сияло от гордости.

Джек встал, открыл холодильник и сунул голову за дверь.

Бахати скрыл смех в приступе кашля.

Я прикусила губу и уставилась на костяшки пальцев.

— Правильно, — Гома торжественно хлопала Схоластику по руке. — Всегда говори так, как есть.

Я расслабилась, расположившись на изгибе руки Джека, и положила голову ему на плечо. Он нашёл мою руку под одеялом и сплёл наши пальцы вместе. Мы сидели на крыльце под пурпурным небом, на зеленых качелях, которые стали нашим любимым местом. Перед нами простирались залитые лунным светом поля. Позади нас молча темнела Килиманджаро, на вершинах сверкал снег оттенка опала. Стрекотали ночные жуки, шелестели листья, жужжала и улетала стрекоза.

Я всегда думала о доме как о месте, где вы пускаете свои корни, распаковываете свою коллекцию кружек со скупыми цитатами, складываете всё на книжные полки как хотите и наблюдаете, как дождь стучит в ваши окна во влажные серые дни. Но я осознала, что дом — это чувство принадлежности, — принадлежности, которая переполняла мои вены каждый раз, когда я была с Джеком.

— Почему так тихо? — спросил он.

Я покачала головой и выбрала кофейное дерево, чтобы сосредоточиться. Если бы я заговорила, мой голос сорвался бы. Если бы я посмотрела на него, мои глаза предали бы меня.

«Попроси меня остаться, Джек».

Как бы глупо и непрактично это ни звучало, я была готова бросить всё это ради него. Мою работу. Мой коттедж. Мою жизнь в Англии. Потому что это и есть любовь. Она сделала меня глупой и заставила делать то, чего я никогда не думала делать.

— Ещё три дня.

Я не сводила глаз с кофейного дерева, желая, чтобы он сделал заявление. *«Дай мне что-нибудь, Джек. Что-нибудь, за что можно ухватиться».*

— Мы можем что-нибудь придумать. — У него была эта странная способность читать меня, чтобы настроиться на частоту моих мыслей. — У людей всегда могут быть отношения на расстоянии.

— Да, но не навсегда, — моё сердце упало. Это было не то, на что я надеялась. Я всегда знала, что так и будет. Он сразу же сказал мне, что никогда не попросит меня остаться, но надежда всё ещё извивалась и горела во мне.

— Родел, — он положил руку мне на подбородок, его голубые глаза захватили мои. — Я не готов тебя отпустить.

— Я не хочу, чтобы ты это делал, но я предпочла бы попрощаться

сейчас, чем в следующем году или через год, когда мы оба устанем от отношений на расстоянии. Когда телефонные звонки и видеочаты, а также встречи время от времени просто больше не будут работать. Сначала все будет хорошо. Это снимет напряжение, но с меня хватит, Джек. Хорошо — существует. Хорошо — это нормально. А ты... — Я задумчиво погладила его щеку. Было так много всего, что я хотела сказать ему. — Ты и я... мы слишком велики, слишком велики, чтобы вписаться в обычное. Я люблю тебя, Джек. Это большая любовь. Огромная. Я не могу написать это в письме или по электронной почте. У меня проблемы с этим. Я — не нормальная девушка. Я девушка «все или ничего».

Множество эмоций промелькнуло на его суровом лице. Гордость. Радость. Печаль. Душераздирающая нежность. Он накрутил прядь моих волос на палец и подарил мне пронзительную улыбку.

— Я всегда знал, что с тобой будут проблемы.

— Со мной? — я хотела рыдать, но не могла позволить себе сломаться. — Твоя бабушка сегодня снесла мужские яйца.

Его смех был богатым и густым. Это был самый изумительный, захватывающий звук для меня.

— У моей бабушки сняли отпечатки пальцев, сфотографировали и отпустили, — сказал он. — Они обнаружили тело К.К. в канаве. Она заслуживает награды за то, что отправила этого монстра на покой.

— Я рада, что он умер. Думаю, мы все можем хорошо выспаться ночью.

— Они все спят внизу — Гома, Схоластика, Бахати. Ты должна притвориться, что тоже спишь.

— Зачем мне это делать?

— Чтобы я отнёс тебя вверх по лестнице, как в прошлый раз.

— Я знала это! Я знала, что ты знал. — Я закрыла лицо руками. — Я была очевидна? — Я посмотрела на него сквозь пальцы.

— Полностью. — Он подхватил меня и остановился у двери, чтобы я могла выключить свет на крыльце. — Ты практически бросилась на меня. Ты сводила меня с ума в ту ночь, когда пришли гиены, стоя перед светом в этой муумуу, чтобы я мог видеть каждый твой изгиб. Ты строила мне глазки поверх бельевой веревки. Ты загнала меня в сарай, — с каждой ступенькой он добавлял свой список. — Поцеловала меня до потери сознания. Упала к моим ногам...

— Я поскользнулась! Я нырнула носом в грязь.

— Как я и сказал. Ты упала к моим ногам, сбросила с себя топ в палатке, сверкнула своей грудью...

Я прервала его поцелуем. О, я точно знала, как его заткнуть. И я продолжила делать так, чтобы он терял ход мыслей.

Глава 22

Время. Чем меньше его у вас, тем более драгоценным оно становится. Как жемчужину на ожерелье я нанизывала каждый момент с Джеком. Гома поймала меня за тем, как я, прислонившись к двери, смотрела на работающего в поле Джека, а пар от моего кофе плыл в утреннем воздухе. Она знала, что мы держали руки под столом, что наши глаза произносили слова, которых никто не мог слышать, что мы исчезали на несколько часов и возвращались с покрасневшими лицами и сеном в волосах. Она разобрала мою кровать, выстирала простыни и убрала их в шкаф для белья. Теперь мне не нужно было пробираться по утрам назад в мою комнату.

Пришли новые очки для Схоластики, но она вцепилась в очки Мо, пока Гома не сдалась и не позвонила доктору Насмо насчёт ещё одного приёма — на этот раз чтобы вставить новые линзы в оправу очков Мо.

— Я оставляю её, — сказала Гома, повесив трубку.

— Оставляешь кого? — Джек вытер руки и сел есть.

Было время обеда — слишком жарко, чтобы работать на улице. Это означало долгий перерыв, и Джек точно знал, что он хотел с ним сделать. Он подарил мне дьявольскую усмешку, которая заставила мой пульс забиться быстрее.

— Схоластика. Я оставляю её.

Гома налила себе немного воды и посмотрела с вызовом на Джека через край стакана.

— Оставляешь её? — Джек положил вилку. — Она не Аристотель, для которого ты можешь построить коробку и держать его там. Ей нужна школа, дети, чтобы играть, стимулирующая среда. Родел пообещала Анне, что доставит Схоластику в Ванзу.

— Ты действительно хочешь отвезти её в Ванзу? Ты видел это место. Её отец тоже не хочет, чтобы она там жила. Он строит дом в Ванзе, чтобы она могла ходить в школу, но приходить домой ночевать. Так что пока он не появится, я буду заботиться о ней. Сейчас для неё нет лучшего места. Она изучает алфавит, бегаёт с лошадьми и телятами, много упражняется, хорошо питается и хорошо спит по ночам. Я уже поговорила с Анной. Она всё ещё пытается найти способ прокормить себя и своих детей, поэтому до тех пор, пока она не устроится, она не будет возражать против того, чтобы Схоластика жила с нами.

— Послушай, — Джек наклонился через стол и взял руки Гома в

свои. — Я понимаю. Ты привязалась к ней. Видит Бог, я тоже. Каждый раз, когда вижу её, я вспоминаю, каким было это место, когда Лили была рядом. Я не вижу причины, почему она не может остаться здесь, пока мы не услышим о её отце, но мы не знаем, когда это произойдёт. Что делать, если он никогда не появится? Что, если с ним что-нибудь случилось? К.К. был не единственным человеком, торгующим детьми-альбиносами. Что, если Габриэль стал проблемой, и кто-то решил устранить его? Он, может быть, уже похоронен где-нибудь в глуши. Что произойдёт с Схоластикой тогда? Это не просто краткосрочные обязательства. Мы должны сделать всё, что в наших силах, и то, что для неё лучше. Даже если это означает отложить в сторону наши собственные чувства.

Дверь открылась, и Схоластика вошла вместе с Бахати. Они смеялись, пытаясь не дать скатиться с рук картошке, морковке и ярко-красным помидорам, только что собранным с грядки.

— Давай обсудим это позже, — сказал Джек Гома, когда Схоластика вымыла руки и плюхнулась рядом с ним. Она развернула бумажное полотенце и протянула ему самый большой, самый зрелый помидор.

— Ты сорвала его для меня? — спросил Джек. Было ясно, как сильно они обожают друг друга.

— Что это? — спросил Бахати, поднимая конверт со стола. На нём было его имя.

— Это пришло для тебя сегодня утром, — ответила Гома. — Очень симпатичная девушка Масаи доставила его.

— Любовное письмо, Бахати? Ты скрывал это от нас? — Джек хлопнул его по спине.

Бахати не обратил на это внимания. Он сел, его глаза скользили по бумаге. Когда он закончил, он поднял голову с пустым выражением лица.

— Всё в порядке? — спросила я.

— Мой отец... — он перевел взгляд с Джека на Гому, всё ещё сжимая письмо.

О, нет. Я приготовилась.

— Он в порядке?

— Мой отец вызвал меня в Бому. Он хочет, чтобы я поехал в деревню.

— Это потрясающе, Бахати! — Джек издал громкий возглас. — Старик хочет помириться. Он приглашает тебя домой.

Бахати сложил письмо и сунул его обратно в конверт. На нем была новая рубашка, демонстрирующая его телосложение, но в нем было что-то другое, нечто большее — новая уверенность, новое чувство гордости.

— Я столько лет ждал его одобрения. Всё, чего я когда-либо хотел, это

чувствовать, что я для него важен. И теперь, когда это письмо здесь, я не знаю, что чувствую. Часть меня хочет пойти к нему, но у меня сейчас жизнь за пределами Бомы. Я не хочу возвращаться и проводить остаток своей жизни, живя по стандартам отца, пытаюсь угодить ему. Я вернусь в «The Grand Tulip» на следующей неделе. После той газетной статьи у меня даже было несколько предложений работы. Одно для рекламы зубной пасты. Сначала я должен пройти прослушивание, но я тренировался.

Он подарил нам белозубую улыбку. Она была так ослепительна, что, казалось, могла видеть, как его зубы отражают свет.

— О, Господи, — Гома уронила свой бутерброд, чтобы защитить себя от яркого света. — Что, черт возьми, ты сделал?

— Я отбелил зубы. Теперь они не смогут мне отказать. Я имею в виду, кто может устоять перед этой улыбкой? — он подарил нам очередную бриллиантовую улыбку.

Динь-динь-динь.

— Сделай мне одолжение, Искорка, — сказала Гома. — Передай мне еще один конверт. — Она указала на тот, что лежал у его локтя. — Это для вас двоих, — сказала она, забирая у него конверт и отправляя через стол.

Джек и Родел.

Это было написано её четким, дрожащим почерком.

Видеть наши имена, переплетённые на бумаге, как будто они принадлежали друг другу, застало меня врасплох. Я уставилась на буквы — толстый горизонтальный штрих на вершине Д, изгиб, сужающийся на Л.

— Давай, открой его, — сказала Гома.

Это было бронирование номера в «The Grand Tulip» — всё оплачено и подтверждено.

— Я думала, что вы двое останетесь в Амосе сегодня вечером, — Гома встала и начала мыть тарелку. — Твой рейс завтра утром, Родел. Аэропорт прямо там, так что вам не придется вставать очень рано.

Это была последняя ночь, которую мы с Джеком собирались провести вместе. Гома давала нам время и пространство, чтобы попрощаться.

— Спасибо, — сказала я, но она смотрела на Джека, и в этом взгляде был целый мир, словно у неё разбилось сердце из-за того, что ему снова придется прощаться.

Она перевела взгляд и улыбнулась мне.

— Спасибо, что избавила это место от ворчуна, который поселился тут. Помнишь, когда ты впервые попала сюда? О, Боже. Я думала, что мне

придется прожить остаток дня с мистером Ворчуном.

— Я всё ещё здесь, — Джек бросил на неё весёлый взгляд. — И если ты хочешь, чтобы я забрал твои таблетки из города, тебе лучше вести себя хорошо.

— Жестокое обращение с пожилыми, — пробормотала Гома.

— Что ты сказала?

— Я сказала, что могу сделать клюквенный сок.

Джек усмехнулся и встал.

— Я люблю тебя, Гома. — Он поцеловал её в макушку и обнял. — И спасибо за твой подарок. Это было очень продуманно.

Пока они стояли у раковины, у меня в горле образовался комок при виде того, как Джек почти окружил своим телом хрупкую фигурку Гомы.

— *Пффф!* — Бахати разбрызгал воду по всему столу.

— Что за чёрт? — воскликнул Джек.

— Вода, — он кашлянул, отодвигая стакан. — Такая холодная!

Мы смотрели на него некоторое время, а затем начали смеяться. Отбеливание зубов сделало их более чувствительными к горячему и холодному. Бахати задыхался и отплевывался, а Схоластика смеялась громче всех, пока по ее лицу не потекли слезы.

— Ты думаешь, это смешно? — Бахати бросился за ней. Она взвизгнула и выбежала за дверь. Гома пошла за ними. Я последовала тоже.

— Отпусти её, — сказала я, отгоняя Бахати от Схоластики, когда он догнал её.

Мы промчались через мокрую одежду, развешанную на просушку. Я следила за мельканием босых ног между простынями и полотенцами — молочно-белыми пальцами Схоластики, худыми лодыжками Бахати — как они прыгали, метались, находили друг друга и убегали. Схоластика была маленькой и шустрой. Мы с Бахати все время путались в белье. И ветер разносил наш смех.

— Я сдаюсь, — сказал Бахати, надев на лицо пару трусиков Гомы. — Но только потому, что у меня болит колено.

Он сел, обмахиваясь ими, его грудь вздымалась.

— Дай мне это! — Гома отобрала у него своё нижнее бельё и бросила на него свирепый взгляд.

— Хорошая работа! — сказала я, давая пять Схоластике. Я опустилась на колени перед ней и щёлкнула её по носу. Её руки обвилились вокруг моих плеч, и она крепко обняла меня.

— *Кешо*, — она указала на небо.

— Да, — ответила я, слова застряли у меня в горле. — Завтра я

улетаю. Далеко, — я держала ее за руки, выпрямившись. — Я буду скучать по тебе.

Гома и Бахати подошли к нам. Мы вчетвером обнялись в тени горы, а вокруг нас раскачивались кофейные деревья. Затем Гома высвободилась из объятий.

— Хорошо. Я закончила. Сегодня мои кости больше не выдержат объятий. Иди, — она оттолкнула меня. — Иди и собирайся. Я оставила кое-что в твоей комнате. Не открывай это, пока не окажешься в самолете.

— Спасибо, — сказала я. — За всё.

Казалось, моё сердце разбилось, поэтому я отвернулась и направилась к дому. Сквозь развевающуюся на верёвке одежду я увидела, как Джек смотрит на нас. Он стоял у четырех надгробий под акацией. Время остановилось, когда наши глаза встретились. В одно мгновение мы прожили всё — первое знакомство на крыльце, то, как он жульничал в книжных шарадах, как я убегала от своей собственной тени в тумане, его зубы, покусывающие мою шею, *поцелуй*, как он держит мою руку на железнодорожных путях, *«я оборачиваюсь на две секунды, а ты на очередном чаепитии»*, я расчесываю его волосы, мы держимся за руки под одеялом на наших качелях. Наши качели. Наши.

Но наше время закончилось. За исключением ещё одной ночи.

Он наблюдал, как я шла к нему. Я обняла его, желая впитать ощущение его, желая, чтобы он глубоко проник в мои кости, чтобы я могла сохранить его в себе. Мы мягко раскачивались из стороны в сторону.

Когда полуденное солнце согрело наши спины, я посмотрела на маленький надгробный камень под деревом.

«Прощай, Лили. Каждый раз, когда солнце светит сквозь дождь, я буду искать тебя. Я буду искать тебя в радуге, и я буду помнить мужчину, у которого всё небо в глазах».

Глава 23

Я остановилась у входа в отель «The Grand Tulip» и окинула взглядом белое пространство стены.

— Когда я впервые увидела Бахати, он стоял прямо здесь. Я подумала, что он статуя, — сказала я Джеку. Он был одет в рубашку на пуговицах с закатанными рукавами, обнажавшими сильные загорелые предплечья. Я не привыкла, чтобы женщины пялились на него. Он был почти весь в моем распоряжении. До сих пор.

Когда мы вошли в вестибюль, головы повернулись, волосы были взбиты, ножки наклонены в сторону, коленки вместе, осанки выпрямлены. Как будто в комнату ворвался горячий ветер, принеся с собой пьянящий, дурманящий аромат.

«Простите, девочки».

Я жестом собственности касалась Джека, когда мы регистрировались. Впервые за многие годы у меня появилось желание покрасить ногти, чтобы они блестели как острые маленькие когти. *«Держитесь подальше».*

Они завидовали мне. Я могла видеть это в их глазах. И всё же ревность пронзила моё сердце, потому что я уезжала и не могла вынести мысли о нем с кем-то еще.

— С тобой все в порядке? — спросил Джек, рассматривая моё лицо.

— Да. — Я избавилась от грустных мыслей, которые обрушились на меня. Я предвидела конец ещё до того, как мы начали, и всё равно настаивала на этом. И это стоило каждой болезненной, мучительной эмоции, потому что, стоя прямо перед ним, я знала до глубины души: Джек не видел никого, кроме меня. И не было ничего более волнующего, чем осознавать это. — Пойдём. — Я потащила его к лифтам. Потому что не хотела тратить наше драгоценное время на пустые бесполезные мысли.

Наша комната находилась на верхнем уровне — на третьем этаже, с балкона с которого открывался вид на холмы ярко-розовой бугенвиллии^[24], простирающейся вокруг спокойного голубого бассейна.

— Должно быть, Гома заказала самый красивый номер, — сказала я, глядя на шелковистое постельное бельё, эркеры с малиновыми занавесками, роскошную гостиную, туалетный столик, позолоченное зеркало на стене. В ванной комнате была глубокая ванна, огромная душевая кабина и блестящие белые мраморные полы.

— Ты заметил что-нибудь из этого? — я усмехнулась, отталкивая

Джека. Он следовал за мной повсюду, совершая свою собственную экскурсию. Расстегивая мою одежду, покусывая шею, измеряя изгиб моей талии.

— Я всё замечаю. Как эти две вертикальных линии, которые проходят между твоей верхней губой и носом... как называется это место? У него должно быть название. Оно идеально подходит под кончик моего мизинца. — Он продемонстрировал это, а затем провёл языком по изгибу моего лука Купидона. Я потерялась в магии его поцелуя, когда раздался стук в дверь.

— Ты не могла бы открыть дверь? — спросил он, отстраняясь.

Я не была уверена насчёт блеска в его глазах.

— В чем дело? Ты выглядишь так, словно что-то задумал.

Джек был из тех парней, которые за всё в ответе. Если бы кто-то был у двери, он бы открыл её сам.

— Просто. Идти. Сделай. Это. — Он развернул меня к двери.

Я открыла дверь и увидела стоящего там портье с нашим багажом. Позади него было трио прекрасных дам, несущих сумки, которые определенно не были нашими.

— Пожалуйста, входите. — Джек распахнул дверь шире и впустил их. Он остановил носильщика, пока дамы расставляли свои сумки вокруг гардеробной. Одна из них начала развешивать вещи из сумки в шкаф.

— Джек? — я отвернулась от них и посмотрела на него.

— Родел, познакомься с Прической, Макияжем и Гардеробом, — сказал он. — Я попросил их прийти и побаловать тебя. Я хочу, чтобы у тебя был волшебный день.

— Но я... Я думала, что мы проведем наш последний день вместе.

— Мы и проведем, сладкая, — его глаза смягчились, когда он улыбнулся. — Мы собираемся на свидание. Только ты и я. Настоящее свидание. Я буду ждать тебя в лобби, когда ты закончишь. Не задерживайся. — Его губы обожгли молчаливым обещанием. — Позаботьтесь о моей девушке, дамы, — сказал он нашей аудитории из трех человек.

— Обязательно, мистер Уорден, — ответили они.

— Я буду скучать по тебе.

Он обнял меня за талию и сжал в крепких объятиях, выбивая из колеи. Мне нравилось быть его девушкой. Я не хотела думать ни о чем, кроме этого момента.

Когда он ушёл, я обернулась и обнаружила, что на меня смотрят Прическа, Макияж и Гардероб.

— Мужчины, которые понимают тебя, когда обнимают... — сказала одна из девушек. Я не знала, кто из них это была, но они все вздохнули в унисон.

Я посмотрела на их зачарованные лица. Они поймали мой взгляд и сделали серьезные лица. На мгновение воцарилось неловкое молчание.

— Ну, надеюсь, вам нравится этот мужчина, — сказала я. В противном случае я воспользуюсь перцовым баллончиком.

Прошла секунда, прежде чем на их лицах изменилось выражение. Мы все начали смеяться. Это был идеальный момент для самого изумительного, самого грандиозного преобразования в моей жизни. Джози, Мелоди и Валери были моими феями в течение всего дня. Мои волосы были вымыты, подстрижены и накручены на бигуди. Меня опекали, подбирали цвета, выбирали палитры, ногти шлифовались, брови выщипывались, губы красились.

— Нет, спасибо, — сказала я, глядя на поднос с накладными ресницами, которые Джози держала передо мной. Я представляла себе, как они трепещут в моем стакане или, что еще хуже, пока я бы наблюдала за Джеком, сидящим напротив меня.

— Тебе нужно подобрать платье, — сказала Валери, держа в руках изящный наряд.

— Сначала обувь. Потом платье. Всегда, — влезла Мелоди, открывая ряд аккуратно выложенных коробок.

— Должно быть, это стоило Джеку руки и ноги. — Я взглянула на этикетку на платье. — Это напрокат?

Валери смеялась так сильно, что чуть не уронила платье.

— Нет, дорогая. Не напрокат. Ты можешь оставить себе всё, что выберешь. Наша компания очень избирательно относится к тому, с кем мы работаем. Мы проводим свадьбы знаменитостей, эксклюзивные вечеринки, благотворительные балы. Только самое лучшее.

— Так как же Джеку это удалось?

Джози остановилась посреди нанесения моего макияжа и наклонила кисть.

— Девочка, тот мужчина, с которым ты пришла сюда, является одним из лучших представителей в своём классе. Не говори мне, что ты не знаешь, сколько он зарабатывает.

— Я никогда не... Я не... Я думала...

— Вопрос не в том, как ему это удалось. Вопрос в том, как ему удалось так быстро это осуществить. Нас бронируют за несколько месяцев вперёд. Когда наш босс позвонила и сказала, чтобы наша команда приехала

сюда сегодня, позволь мне сказать, мы поторопились. Так что, да. Что бы ни сказал мистер Уорден нашей леди-боссу, это наверняка разожгло огонь.

— Не имею представления об этом.

Я подумала о грязных ботинках Джека у задней двери, о том, как он взял влажную тряпку и вытер пыль с лица и задней части шеи, прежде чем сел за стол. Я думала о том, как он чистит стойла, разговаривает с лошадьми, начиная свой день ещё до того, как кто-то приедет на ферму. Это был Джек, которого я знала. Это был солидный и скромный мужчина, в которого я влюбилась. И зная, что он делал это не просто для того, чтобы сводить концы с концами, что он делал это, потому что именно это вдохновляло его, что определяло его, заставляло меня любить его ещё больше.

— Что думаешь? — спросила Джози, протягивая мне зеркало, чтобы проверить макияж.

— Думаю, что хочу вскружить голову Джеку Уордену сегодня вечером. — Я отпустила зеркало и выпрямилась. — Давайте всё сделаем на высшем уровне, девочки.

— Дааааа! — воскликнули они хором и окружили меня. — Вот это разговор!

Я глубоко вдохнула и взглянула на своё отражение. Джози, Мелоди и Валери ушли, но я стояла там, боясь моргнуть, на случай, если ослепительная женщина, смотрящая на меня, исчезнет. Мои волосы были распущены, каштановые локоны блестящими волнами падали на плечи с двух сторон. Я выбрала черное платье до пола с сексуальным разрезом сбоку. Когда я стояла неподвижно, оно выглядело скромно, но каждый раз, когда я двигалась, оголялся участок кожи на бедре. Вырез был классическим, с глубоким V-образным сзади, сужающимся к талии. Платье идеально село, подчеркивая мои изгибы во всех нужных местах. Я сделала шаг вперёд и остановилась. Я не привыкла носить каблуки, но мне нравилось, как они заставляли меня ходить — выставя бедра и грудь вперёд, подчеркивая округлость моих ягодиц.

Глаза казались больше и шире — мягкие золотые тени, смешанные с нечеткой шоколадно-коричневой подводкой. Каждый раз, когда я думала о Джеке, то ощущала покалывание в животе. От этого щеки покраснели, а зрачки расширились. Моя кожа светилась от предвкушения, когда я поправила платье и выключила свет.

Свидание.

Настоящее свидание.

Настоящее свидание с Джеком.

Затаив дыхание, я ждала лифт. Никак не могла дождаться, когда Джек увидит меня такой. И всё же я сильно нервничала. Было что-то ещё — чувство, что мне срочно нужно быть с ним. Наше время уходило слишком быстро. Я снова нажала кнопку и ждала. И ждала.

К чёрту.

Я сбросила туфли и пошла по лестнице. Каждая ступенька была инкрустирована красивым кокосовым деревом. Спускаясь по лестнице, держа в одной руке туфли, а другой приподнимая подол платья, я видела вестибюль. Когда я завернула к последнему пролёту, мне открылся вид на первый этаж. Я замедлилась, ища глазами Джека.

Несколько гостей сидели в плюшевых креслах вокруг причудливо вырезанных деревянных журнальных столиков. Один из них увидел меня, склонил голову и что-то прошептал своему собеседнику. Обе головы повернулись в мою сторону. Отлично. Очевидно, я слишком разоделась. Я съезжилась, спускаясь вниз. Больше голов повернулось ко мне.

Чёрт. Неужели они не могли разместить эту лестницу где-нибудь ещё? Где угодно, только не в центре вестибюля? Я стояла босиком на нижней ступеньке, желая убежать наверх, когда остановился лифт. Как только дверь открылась, у меня перехватило дыхание. Это был Джек, но в ослепительно белой рубашке и пиджаке, подчеркивающим ширину его плеч. Его штаны облегли бедра, а на ногах была... та же пара изношенных, пыльных рабочих ботинок.

Я улыбнулась и встретилась с ним взглядом, но он продолжал стоять там, ошеломлённый. Дверь лифта закрылась, снова проглотив его. Секунду спустя она снова открылась, и он вышел.

— Это было... — он прочистил горло и указал на лифт. — Это был я, настолько взволнованный твоим видом, что забыл выйти, — его взгляд снова пронзил меня. — Ты выглядишь... — он покачал головой и попробовал снова. — Вау. Ты выглядишь потрясающе.

— А ты выглядишь довольно горячо, — ответила я. Его волосы всё ещё были растрепаны и непослушны, но он пошёл на уступки — подстриг бороду. Я почти могла разглядеть очертания его челюсти.

Он был настолько красивым, что моё сердце сжалось.

— Я прошёл проверку? — его глаза засверкали в ответ на моё беззастенчивое разглядывание.

— Не уверена, что сапоги сочетаются с этим прекрасным ансамблем, но сойдёт и так.

— Эй, по крайней мере, я надел обувь. Моя девушка пришла босиком. — Он пересёк холл и взял туфли из моих рук. — Позволь

помочь? — он опустился на колени передо мной и надел одну туфлю, а затем другую. Моё сердце совершило опасный прыжок, когда он провел пальцами по лодыжке, прежде чем выпрямиться.

— Готова? — он предложил мне свою руку.

Я ухватилась за нее, и мы обернулись, чтобы обнаружить, что все в вестибюле смотрят на нас. Мы забыли, что вокруг были люди, — люди, которые наблюдали за нами.

— Я чувствую себя слишком разодетой, — прошептала я.

— Они смотрят не потому, что ты разодета. Они смотрят, потому что не могут ничего с этим поделать. Потому что от тебя захватывает дух. Я забронировал нам столик в ресторане, но теперь не уверен, что хочу, чтобы все эти люди глазели на тебя.

Он повёл меня через вестибюль к входу в ресторан.

— Смирись с этим, — поддразнила я, когда метрдотель подвёл нас к столику.

Это был красивый ресторан, оформленный в стиле сафари, с вставками темно-красного дерева. Произведения местного искусства украшали стены. Накрахмаленные белые скатерти покрывали столы, на которых стояли свечи.

— Я потратил всё это время на подготовку.

Я вскрикнула, когда Джек резко и осторожно ударил меня по попе.

— Всё хорошо? — спросил метрдотель. Он был пожилым джентльменом, с густыми, ухоженными усами и глубокими морщинами на лбу.

— Всё в порядке, Нйороге. Спасибо.

Джек выдвинул для меня стул, прежде чем сесть самому.

— Рад вас видеть, мистер Уорден. Давно вас не было, — ответил Нйороге, передавая нам меню. — Я пришлю кого-нибудь, чтобы принять ваш заказ прямо сейчас.

После его ухода мы сидели молча. Я перелистывала страницы меню назад и вперед, не особо вчитываясь.

— Что случилось? — Джек опустил мое меню так, чтобы мог видеть моё лицо.

— Ничего просто... — я покачала головой. Я вела себя обиженно, но не хотела портить наш вечер. — Ничего.

Джек забрал моё меню и пригвоздил меня своей стальной синеваой глаз.

— Не могли бы мы... — я скрестила ноги под столом. — Можем мы просто...

Выражение его лица не дрогнуло.

— Хорошо, — я вздохнула. — Раньше ты приводил Сару сюда.

Я забыла обо всём этом, пока Джек не обратился к метрдотелю по имени.

— Приводил, — его лицо сохраняло достоинство. — Последний раз я приходил сюда со своей бывшей женой шесть лет назад. Мы сидели за этим столом, — он наклонил голову к окну. — Когда мы уходили, мы оба знали, что всё кончено. С тех пор я не бывал здесь. Это точно не те хорошие воспоминания, которые хочется воскрешать. Но знаешь что, Родел? — он потянулся через стол и взял меня за руку. — Все по-новому, когда я с тобой. Еда вкуснее. Цвета выглядят ярче. Музыка слаще. Я снова жажду жизни. Я хочу поехать в те места, которые пропустил, я хочу поделиться ими с тобой — показать тебе кто я, кем я был, кем я могу быть. Я здесь, Родел, не потому, что мне нравятся сахарные печенья, которые они оставляют на моей подушке, или чёртовы стейки «Диана» в меню. Я здесь, в ресторане, полном людей, с тобой, потому что я не могу позволить себе расклеиться, потому что мысль о том, что ты уезжаешь, убивает меня, поэтому я сосредотачиваюсь на том, чтобы создать столько прекрасных, грандиозных моментов для тебя, сколько смогу. Я не могу дать тебе больше, но я могу дать тебе, по крайней мере, это. И я не могу понять — ни на мгновение — почему ты сидишь напротив меня и думаешь о моей бывшей жене, потому что я, черт возьми, не думал о ней. Когда я с тобой, Родел, я весь с тобой.

Он сделал это снова — послал эту волну эмоций повсюду. Я чувствовала себя большой и маленькой одновременно, как будто держала звёзды в одной руке, а другой перебирала грязь.

— Извини, — сказала я тихим извиняющим голосом. — Мне жаль, что я испортила наш вечер.

В груди жгло от чувства вины, но было нечто большее, что-то, что я душила под всем этим. Я хотела, чтобы он сказал мне, что любит меня. Я хотела услышать слова. Это была настоящая причина, по которой я вела себя как идиотка, и мне не нравилось то, как я себя чувствовала.

— И просто для ясности, — я поддразнила его глазами, — мне очень нравятся эти сахарные печенья. Они по форме напоминают тюльпаны и божественно вкусные.

Джек, казалось, был застигнут врасплох быстрой сменой моего настроения, но бросил на меня лишь удивленный взгляд. В его улыбке ощущалось чувство правоты.

— Мы хотели бы две дюжины вашего сахарного печенья, — сказал он, когда пришёл официант, чтобы принять наш заказ. — С собой.

— Да, сэр. Что-нибудь ещё, что я могу сделать для вас?

— Нет, это всё.

— Это всё? — воскликнула я, когда официант ушёл. — Вот чем ты собираешься кормить меня? Печенье в мою последнюю ночь здесь? — Я забрала у него свою руку и притворилась рассерженной. — Как насчёт всех этих прекрасных, великих моментов? Ты не можешь создавать их на пустой желудок. Думаю...

Он заставил меня замолчать, приложив свой длинный палец к моим губам.

— Слишком много слов. Слишком много разговоров. Если бы я хотел поговорить, я бы вместо тебя пригласил Бахати. — Он взял украшенную лентой коробку печенья, которую принёс официант, и подошёл, чтобы отодвинуть мой стул. — Ты готова уйти?

Моя кожа покалывала там, где он её коснулся.

«Да, чёрт возьми. Пошли».

Но я вздохнула, когда он вывел меня из ресторана.

— Это было дешёвое свидание.

— Перестань жаловаться. Ты всё равно не хотела там есть.

— Подожди, — сказала я, когда он вручил камердинеру свой парковочный талон. — Я думала, что мы идём в наш номер. Куда ты собрался меня отвезти?

— На дешёвое свидание, — он подмигнул мне, садясь в машину, когда она подъехала.

Мы отъехали от отеля и слились с хаотичным движением Амоши. Небо пылало красными и оранжевыми оттенками заходящего солнца. Грузовик с гигантскими мегафонами грохотал возле нас, зачитывая объявления на суахили. Владельцы магазинов размахивали телефонными карточками и красочными полосами *кангаса*, когда люди проходили мимо.

Джек припарковался у потрёпанной забегаловки у главной дороги. Её флуоресцентный свет моргал под ржавой крышей. С потолка свисали логотипы «Килиманджаро Премиум Светлое пиво», скрепленные прищепками на шпагате. Ряд чёрных *воков* висел над пламенем спереди, шипя и пузырясь в масле. Разбитые пластиковые стулья стояли вокруг пластиковых столов на неровном полу — половина в грязи, половина на гравии.

— Давай. — Джек обошёл машину и открыл дверь для меня. — Лучшая *ниама чома* в городе.

— Что такое *ниама чома*?

— Мясо на гриле, — успокоил он меня, когда мой каблук застрял в

гравии.

— Мы определенно чересчур разодеты для этого места, — сказала я. С бензоколонки рядом с киоском доносились слабые запахи нефти. Мимо проносились *дала дала*, а женщины в ярких *кангасах* прогуливались, неся на головах всевозможные продукты.

— *Джамбо*, — поздоровалась с нами официантка. Она была так занята, что не обратила бы внимания на нас, даже если бы мы были одеты в мешки.

— Что будете заказывать?

— «Кока-кола», *бариди*, — сказал Джек.

— Ммм... — я посмотрела вокруг, когда официантка повернулась ко мне. — У вас есть меню?

— *Стони Тангавизи* для неё, — сказал Джек. Он произнёс кучу вещей на суахили, а потом с усмешкой откинулся назад.

— Я понятия не имею, что буду есть. И тебе это нравится, не так ли?

— Ты полностью в моей власти? — спросил Джек, когда официантка принесла нам заказанные напитки. — Будь уверена. Сегодня вечером ты ужинаешь как местный житель. Никаких туристических изысков. — В его глазах был озорной блеск, когда он скользнул по столу стеклянной коричневой бутылкой, его пальцы оставили след на конденсате, капельки которого покрывали бутылку. — Не торопись, детка.

Я повернула бутылку этикеткой к себе, но ничего не поняла.

— Что такое «Стони Тангавизи»? — спросила я.

— Танзанийское имбирное пиво.

— Имбирное пиво? *Пффф*, — я закатила глаза и сделала большой глоток, откинув голову назад.

Жжение началось, когда я ещё глотала. Горячие шипучие пузырьки щекотали мой нос. Мой язык начал гореть. Горло пылало. Я поставила бутылку, слезы текли из моих глаз.

— Чёрт! — выдохнула я. Большая ошибка. Это вызвало у меня кашель. Больше слёз. Больше кашля. Это был имбирь на стероидах — сладкий, игристый и ферментированный, с резким вкусом. И это было хорошо, так хорошо, что я сделала ещё один глоток, как только отдышалась, но на этот раз медленнее.

— Нравится? — Джек наклонился и провёл большим пальцем под моим глазом. Он почернел от размазанной косметики.

— Великолепно. Моя тушь потекла. Я выгляжу как енот.

Я вытерла глаза салфеткой, чтобы убрать потекшую тушь.

— Ты выглядишь именно так, как я хотел бы, чтобы ты выглядела

после того, как я занялся с тобой безумной страстной любовью. За исключением того, что платье будет на полу, а на тебе не будет ничего, кроме улыбки.

Это была пьянящая прелюдия, посреди всего этого шума, людей и движения вокруг нас. Я моргнула, покраснела, и у меня немного закружилась голова.

— *Мишкаки ва куку, самаки ндизи, мбузи мбаву чома, угали, махарагве...*

Я не уловила остальную часть того, что сказала официантка, когда поставила кучу тарелок с едой на наш стол. Она держала чайник над умывальником, чтобы мы могли ополоснуть руки теплой водой перед едой.

Это был пир богов, и пахло так же невероятно: хрустящая жареная рыба и листья банана, кусочки курицы без костей на деревянных шпажках с соусом пили-пили, козьи рёбрышки, такие нежные, что мясо полностью снималось с кости, оставляя обугленные кусочки соли и перца чили, чтобы насладиться — блюдо, похожее на поленту, чтобы противостоять аромату, взрывающимся во рту; тушеная фасоль, тамариндовый соус и глотки имбирного пива, чтобы запить все это.

— *Лета чипси*, — сказал Джек официантке, когда я обмакивала последний лист банана. Столовых приборов не было, поэтому мне пришлось слизать соус с пальцев.

— Значит, *чипси* — это чипсы? — спросила я, когда она принесла нам тарелку с жареным картофелем фри.

— Да, ты просто добавляешь «и» в конце. Многие английские слова ассимилируются в местном диалекте таким образом.

Я кивнула, наблюдая, как два мальчика школьного возраста ополаскивают грязные тарелки на обочине дороги, прежде чем вернуть их обратно в киоск. Где-то на оживленных улицах разносились вечерние молитвы из соседней мечети.

— Готова идти? — спросил Джек, подзывая официантку, когда я откинулась назад, глядя на пустые тарелки перед нами. Нам удалось съесть все, что лежало на столе.

— Подожди. Я сама, — сказала я, поворачиваясь к официантке. — *Лета билли*.

Если *чипсы* были *чипси*, то *счет* должен быть *билли*. Я затаила дыхание, гадая, правильно ли я поняла.

— Да, мадам, — сказала она и ушла.

— Я поняла, как это делается, — я победно улыбнулась Джеку. Это длилось не слишком долго.

Официантка вернулась с мужчиной. Он вытер свои грубые, высохшие руки передником и выжидающе посмотрел на меня.

— Вы попросили позвать Билли, — подсказала официантка после нескольких неловких мгновений, когда я переводила взгляд с неё на мужчину и обратно.

— Извините. Я имела в виду счёт.

Билли что-то пробормотал на суахили и ушёл. Он явно не был доволен тем, что его оторвали от гриля.

— Хочешь ещё попрактиковаться в суахили, или мы пойдем? — поддразнил Джек, оплачивая наш счёт.

Я вышла так грациозно, как только могла, мои каблуки застряли в гравии всего два раза. Я помахала Билли из машины. Билли не махнул в ответ.

Джек и я сохраняли невозмутимое лицо, пока ждали, чтобы кто-нибудь позволил нам влиться в поток на улице. Потом мы рассмеялись. Вокруг нас гудели клаксоны. Ночные рынки проплывали в тумане керосиновых ламп и торгов. Когда мы отъехали от раскаленной дымки Амоши, стал виден купол звёзд.

— Куда мы едем? — спросила я, когда Джек свернул на отбелённую лунной дорогой между серебряными кукурузными полями.

— Правильно... здесь, — он остановился, направил машину на поляну и выключил двигатель. — Пошли, — позвал он, беря коробку сахарного печенья с заднего сиденья и выходя.

Воздух был густым и теплым, с ароматом ночного жасмина. Вокруг нас раздавалось тихое жужжание, как от пчелиного роя.

— Что это за звук? — спросила я, стуча каблуками и следуя за Джеком к задней части машины. Трава была мягкой и бесшумной под моими ногами. — Это напоминает мне о... — я замолчала, следя за его взглядом.

Мы припарковались на краю ручья. Небольшой водопад стекал по скалам с другой стороны. Серебряные нити слились и рассыпались по гравийному ложу в вихрях пены. Луна молча висела над головой, отбрасывая на деревья медовый блеск.

— Здесь так красиво, — пробормотала я. Журчание, свист, сверкающие брызги — это было похоже на билеты в первый ряд на призрачный концерт.

— Прекрасное место для красивой девушки, — Джек ласкал мою щёку. На его лице была неподдельная чувственность, и в лунном свете он словно пронзал меня взглядом.

Он открыл заднюю дверь своего «Лендровера», и мы сели там, моя

голова покоилась на его плече, наши ноги свисали из багажника, когда мы наблюдали, как шелковистое падение воды разбивается о сверкающие камни. Он накормил меня печеньем в форме тюльпана, и я вдохнула тёплый запах его кожи. Мгновение казалось, что время остановилось навсегда. Звезды маршировали по небу, вокруг нас кружились галактики, а мы продолжали сидеть неподвижно и отстранённо, не желая разрушать магию момента. Это была магия, которая приходит после целой жизни поисков, когда вы наталкиваетесь на что-то настолько совершенное, что перестаете искать и говорите: *Да. Это оно. Я знаю это. Я чувствую это. Я слышала, как его шаги эхом разносятся по коридорам моей души.*

Мы повернулись друг к другу с поцелуями, которые были мягкими и жадными, благоговейными и эгоистичными — каждый из них был похож на прижатую маргаритку, спрятанную между страницами нашей истории. Влюбиться в то, чего никогда не будет, — все равно что пронзить себя погружённым в мёд кинжалом. Снова и снова. Он острый и сладкий, красивый и грустный, и ты не всегда знаешь, когда плачешь.

— Нет, — Джек поцеловал влажный уголок моего глаза. — Я не так хочу тебя запомнить. Не так я хочу запомнить нас.

— Тогда как? Как ты будешь помнить меня, когда я уеду?

— Вот так. — Он стянул лямки моего платья, сначала одну, потом другую. — Твои плечи блестят в лунном свете. Кристаллы сахара на твоих губах. — Он коснулся моего рта своим, его язык пробовал остатки печенья, которым он кормил меня. — Твои волосы, как атласные ленты на моих ладонях. Волнительно раздевать тебя. Вот так, — он расстегнул молнию на моём платье, обнажив тело, и я почувствовала мурашки на коже. — Ощущение тебя в моих руках, то, как твои веки опускаются на глаза, когда я кусаю тебя здесь... — его зубы коснулись точки под моим ухом, где челюсть встречалась с шеей. — Я буду помнить идеальный овал твоего лица, тепло твоего горла, то, как ты держишь ручку, когда пишешь. Больше всего... — он обхватил мой подбородок, его глаза скользнули по моему поднятому лицу, — я буду помнить странную красивую девушку, которая любила чувствовать старые книги и пила сладкий кофе. Она пробралась на моё крыльцо в серый день и научила меня видеть цвета. Она была вором, моей радужной девушкой. Когда она ушла, она забрала мое сердце. И если бы у меня было другое, я бы тоже отдал его ей.

Это было самое близкое из того, что он когда-либо мог сказать, подразумевая, что любит меня, потому что эти слова привязали бы меня, а он оставляет меня свободной — свободной жить своей жизнью, своими мечтами, своими стремлениями. Он хотел, чтобы я нашла своё место под

солнцем, а не жила в тени его жизни. Но в тот момент я не хотела, чтобы меня освободили. Я хотела, чтобы он попросил меня остаться. Я хотела, чтобы он потребовал этого, приказал, чтобы у меня не было выбора. Но он просто держал меня своими глазами, и я узнала, как можно быть связанной без веревок и цепей.

— Я хочу расстаться без осложнений, — мой голос дрогнул, когда я это сказала, но я говорила серьёзно. — Я не хочу проводить дни, живя ради телефонных звонков и смс. Я не хочу довольствоваться твоим голосом, когда на самом деле хочу, чтобы ты обнял меня. Мне не нужны глаза, которые не могут встретиться, и ноги, которые не могут соприкоснуться. Я думаю, что это убьёт меня.

— Я знаю. Ты моя «всё или ничего» девочка. Ты великолепная и особенная, и такая красивая, что моё сердце болит каждый раз, когда я смотрю на тебя. Я не хочу, чтобы ты соглашалась на меньшее. Но я не хочу знать, что ты встречаешься с каким-то другим парнем — с кем-то, кого ты встречаешь в старомодном маленьком кафе, с кем-то, с кем у тебя поздний завтрак по воскресеньям, с кем-то, кто может обнять тебя, любить тебя и уснуть рядом с тобой. Я думаю, это убьёт меня.

Неровное дыхание вырвалось из его губ, когда он набросился на мой рот. Он целовал меня крепко и жадно, словно хотел, чтобы я всегда чувствовала его вкус.

— Джек, — сказала я без причины, за исключением того, что это было правильно. Его имя ощущалось так, словно оно принадлежало мне, как будто оно всегда принадлежало мне.

— Я хочу, чтобы ты была обнажённой в лунном свете, — он потянул мое платье вниз, и оно упало лужицей вокруг моих ног. Оставшаяся часть нашей одежды сорвалась в вихре, кончики пальцев как спички поджигали кожу.

Мы занимались любовью на одеяле у ручья, медленно и нежно, грубо и быстро, качаясь на потоках наших эмоций как на волнах, бьющихся о берег. Были вспышки ярких ощущений — выражение глаз Джека, когда он скользнул внутрь меня, его руки, прижатые к моему телу, полуночное небо над нами, деревья, качающиеся вокруг нас, первый стон, сорвавшийся с моих губ, мышцы и сухожилия, танцующие танго любовников, серебряное сияние созвездий на нашей коже, шум водопада, резкое, неровное дыхание Джека; наши тела, оказавшиеся между опьянением кульминации и желанием продлить момент, который мы никогда не хотели заканчивать. Моя голова откинулась назад, когда все звезды на небе слились в одну точку. Джек подхватил мой крик губами, его пальцы впились в мою плоть,

когда он пролетел над краем удовольствия.

Мы не были готовы расстаться, поэтому мы остались в объятиях друг друга, когда страсть утихла. Когда наши сердца успокоились, а дыхание выровнялось, он откинул волосы с моего лба и поцеловал моё лицо. Я проследила углубление вдоль его позвоночника. Его кожа была сладкой на кончиках моих пальцев, как последние кусочки сахара на дне чашки кофе. Я хотела насладиться этим. Я хотела собрать каждую каплю и навсегда сделать её частью себя.

— Что ты делаешь? — спросила я, когда он встал и накрыл меня другим одеялом из машины. Он стоял на коленях на земле, суетясь вокруг, когда всё, что я хотела, — чтобы он вернулся ко мне.

— Прикрываю ноги, — он обхватил мою стопу и провел пальцем по пятке, пока мои пальцы не пошевелились. — У тебя вероломные ноги. Завтра они унесут тебя от меня, но сегодня они мои, — он нежно поцеловал мои ноги. — Они знают дорогу назад, Родел? Знают ли они, что если когда-нибудь снова пройдут по этим полям, они будут принадлежать мне? Потому что я потребую их. Не заблуждайся на этот счёт.

— И я потребую тебя. — Я притянула его к себе и обвила руками его шею. — Если ты когда-нибудь окажешься в Англии. И не только твои ноги. Я потребую тебя всего. Это, и это, и это, и это, — я провела руками по его твердому, бронзовому телу. Было бы смешно, если бы нам обоим не было больно внутри.

— Думаю, что ты пропустила одно место. — Он перевернулся на спину и потянул меня за собой. — Это прямо здесь, — он положил мою руку на своё сердце.

— Да. Это прямо здесь, — я положила голову на свое любимое место и закрыла глаза.

Вокруг нас квакал хор лягушек, водопад стекал по залитым мхом скалам, но всё, что я слышала прошлой ночью в Африке, когда над нами висели звезды, были удары его сердца. *Джек, Джек, Джек, Джек.*

Глава 24

На следующее утро, когда мы ехали в аэропорт, небо было низким и мрачным, скрип дворников то и дело размывал мир. Когда мы свернули к месту высадки, вокруг нас моросил мелкий дождик.

Есть моменты, которые остаются застывшими во времени: каждый звук, каждый цвет, каждый вдох, кристаллизованные в яркие осколки памяти. Сидеть в машине на холостом ходу рядом с Джеком возле терминала отправления — как раз один из таких моментов. Чемоданы стучали по бетонным плитам. В воздухе висел тяжелый запах дизельного топлива. Туристы выходили из маршрутных автобусов с красочными наклейками, прикрепленными к их багажу.

Я покорила гору Килиманджаро.

Кили — 19 340 футов.

Море лиц двигалось через двери под ярко-желтыми буквами терминала отправления.

Джек и я молча смотрели. Было легче сосредоточиться на чём-то вне нас. Ни одна комбинация, ни одна буква не могла образовать ни одного слова для того, что мы хотели сказать. Мы были кругами, спиралями и сердцебиениями, свернутыми в великолепный беспорядок. Мы были связкой воспоминаний, припаркованных ненадолго в зоне отлётов.

— Не входи внутрь. — Я взяла свою сумку у Джека, когда мы вышли. — Пожалуйста, — мои глаза умоляли его. — Я никогда не училась плакать грациозно, как это делают в кино — с идеальными, сияющими слезами, катящимися по моим щекам. Когда я плачу, я похожа на засохшее яблоко.

— Родел.

Он прижал меня к себе, моё имя сорвалось с его губ хриплым шёпотом. Ещё одна машина остановилась позади нас, её аварийные огни ритмично мигали, напоминая тиканье часов.

Руки Джека сжались вокруг меня.

— Это похоже на то, как от меня снова отрывают кусочек. Сначала Лили, теперь ты. Но всё же... — его голос смягчился, когда он посмотрел на меня. — Я бы не стал ничего менять. Я бы делал это снова и снова.

Мы попрощались на языке призраков, с невысказанными словами и преследующей тоской, забыв обо всём и всех вокруг нас.

— Поцелуй меня крепко, затем отпусти, — попросила я, когда прикосновение его руки внезапно стало невыносимо в своей нежности.

Я почувствовала его дыхание прежде, чем наши губы соприкоснулись. Моё сердце забило от сладкого, дикого ощущения его рта. Это было похоже на бег без воздуха — запыхавшийся и красивый. Я прижалась к нему на мгновение, разрывающее душу, прежде чем вырваться и, спотыкаясь, направиться к зданию. Я остановилась на мгновение, когда раздвижные двери открылись.

«*Повернись, Родел*», — крикнула часть меня.

«*Не оглядывайся назад*», — возразила другая часть.

Я обернулась. Потому что я не могла ничего с этим поделать. Потому что Джек сигналил.

Он сидел в машине, прижав ладонь к стеклу в застывшем прощании. Наши глаза встретились сквозь капельки воды, прилипшие к стеклу, как маленькие серебряные жемчужины. Я вернулась назад, таща сумку за собой, пока не оказалась рядом с его машиной. Потом я подняла руку и положила свои пальцы на его. Стекло было мокрым и холодным между нами, но что-то теплое и мощное гудело в моих венах. Когда я убрала руку, на влажном окне остался отпечаток моей ладони, точно такой же, как у Лили. Когда наши взгляды встретились, я почувствовала пульсирующую связь между Джеком и мной через это окно. И этого было достаточно. Чтобы знать, что это есть.

Угол его рта приподнялся так, что моё сердце сжалось.

Я держалась за этот образ, когда проходила через раздвижные двери и регистрировалась на рейс. Пока самолет взлетал, я наблюдала, как машины и здания становятся все меньше и меньше: пастбища, где паслись коровы, поля кукурузы, глиняные хижины, покрытые листами гофрированного железа. А потом облака поплыли под нами, как мотки овечьей шерсти. Я полезла в сумочку за маленьким свертком, который Гома попросила меня открыть в самолете. Это был кружевной платок, завязанный в мешочек джутовой ниткой. Я уже почти открыла ее, когда выглянула в окно и перевела дыхание.

Гора Килиманджаро поднималась сквозь облака, словно невеста богов, ее ледяные вершины сверкали, словно корона из величественных кристаллов. Серебристые туманы клубились вокруг вершины, меняясь и смещаясь под лучами солнца. Было что-то тонкое и пронзительное в мимолетной, движущейся игре света — та красота, которую могут

удержать только преходящие вещи.

Я сморгнула слезы, которые дрожали на ресницах. Туман напоминал мне о Мо и Лили, о детях-альбиносах, которые появлялись и исчезали без следа, о любви, которая тянулась к вершине, лишь бы поцеловать ее на прощание.

Горячая слеза скатилась по моей щеке и брызнула на носовой платок Гомы. Я вытерла лицо и развязала узел, который удерживал его вместе. Мне на колени высыпались куча конфет «M&M». Среди них лежала сложенная записка. Я открыла ее и прочла жирный почерк Гомы.

«Шоколад делает всё лучше», — гласила она.

Я засмеялась. И всхлипнула. Это прозвучало как странное фырканье — С вами всё в порядке? — спросила сидящая рядом со мной дама.

— Да, — я вытерла глаза носовым платком Гомы. — Я только... — я посмотрела на Килиманджаро и подумала о белой усадьбе с зелёными качелями, затерянной в предгорьях.

— Я была в большом приключении.

— Ну, я внимательно слушаю. Вы должны рассказать мне об этом.

— Я не знаю, с чего начать, — я улыбнулась ей и уставилась в окно.

«Однажды в Африке я поцеловала короля...»

Глава 25

Я закончила проверять последний реферат и перевернула на первую страницу, чтобы подвести итоги. Моя ручка дрогнула, когда я заметила имя студента.

Джек.

Четыре буквы, соединенные вместе, образовывали имя. Простое. Распространённое. Обыкновенное.

Четыре знака, которые раньше не имели никакого смысла, но теперь мне казалось, что я лечу с десятого этажа и падаю на землю — *шлёп* — каждый раз, когда натыкаюсь на них. Сколько таких «Джеков» существует на планете? Никто не предупреждал меня о Джеке, который должен был прийти в мою жизнь, от имени которого у меня перехватит дыхание в середине дня.

В Котсуолдсе стоял июль, десять месяцев прошло с нашего дождливого прощания в аэропорту. За моим окном цвели персиковые розы. Пчелы и бабочки метались от цветка к цветку. Это был конец очередного учебного года, мой последний рабочий день перед летними каникулами. Я закончила выставлять экзаменационные отметки и оглядела свой класс.

— Ты ещё здесь? — Джереми Эванс просунул голову в комнату. Он был временным сотрудником, который заменял учителя музыки, находившуюся в декретном отпуске.

— Уже ухожу, — ответила я.

— Я тоже. Не хочешь выпить? Я иду в паб на кружечку.

— Спасибо, но я воздержусь.

Я выключила свой ноутбук и улыбнулась ему. Он был милый, с мягкими карими глазами и темными волосами, которые завивались на лбу.

— Ох, — он схватился за грудь. — Снова сразила меня наповал. Когда-нибудь тебе придется сдаться, даже если ты просто заткнешь мне рот.

— Хорошего лета, Джереми.

— Ах. Я знаю, что ты сделала. Ты просто заблокировала меня на все лето. С таким же успехом ты могла бы просто захлопнуть дверь перед моим носом.

И с этими словами он потащил себя за галстук и захлопнул за собой дверь.

Я всё ещё улыбалась, когда отстегнула свой велосипед и направилась домой. Как можно не любить того, кто заставляет тебя смеяться? Я срезала

путь по мощеным улочкам, которые извивались вокруг коттеджей медовых оттенков и маленьких живых изгородей. Буртон-на-воде был популярным туристическим местом летом, а основные маршруты были заполнены посетителями. Это была небольшая плата за то, что я чувствовала каждый раз, когда приходила домой — деревянные ворота, синяя шиферная дверь, полосы желтых цветов, высыпавшихся из оконных коробок, лаванда, дико растущая на фоне золотого камня.

Я пристегнула свой велосипед и забрала почту: счета, открытку от моих родителей, листовки... письмо из Танзании. Я отперла дверь и бросила свои вещи на диван.

«Я хочу начать всё с чистого листа», — сказала я. И Джек дал мне это. С тех пор как я улетела, я ничего не слышала о нём — ни звонков, ни смс, ни электронных писем. Иногда, когда я думала о нём, представляя, как он сидел на качелях и смотрел на звезды, в моей груди взрывались бомбы.

«Это ты?» — спросила я у конверта размером с письмо, мое сердце бешено колотилось, когда я разорвала его.

Это был не он. Но я засмеялась, когда увидела фотографию, которую прислал Бахати. Он был на рекламном щите, выглядя очень изящно в деловом костюме, модных и роскошных часах. На обороте он написал: *«Это не настолько большой экран, как я думал, но он довольно большой»*.)

Волна болезненной гордости наполнила меня. Под всеми этими причудливыми вещами Бахати был воином, таким же свирепым, как его братья и сестры в Боме. Он твердо придерживался этой традиции гордости и самодостаточности. Он не только прошел через это, когда дети и я нуждались в нем, он также сумел проложить свой собственный путь, заработав уважение своего отца и, что более важно, свое собственное.

Я поднялась по лестнице в свой кабинет с его фотографией в руке. Там я поместила ее на пробковую доску, приколов ее рядом с рождественской открыткой, которую получила от Джозефины Монтати. Она оставалась на связи, сообщая мне последние новости о детях. Я восхищалась ее упорством, преданностью и страстью. Она была из тех людей, которые меняют жизнь. И жизнь меняла миры.

Мой взгляд упал на фотографию, которую она прислала: на ней были Джек, Бахати и я с детьми. Я выглядела рассеянной. Джек улыбался.

«В чем дело? Ваш английский сад не может справиться с тропической жарой?»

Да. Это был момент, закреплённый на моей доске. *«Как ты это сделал?»*

Я проследила линии его лица. *«Как ты потянул, растянул и вырастил*

моё сердце, заставляя звучать его как сладкая, сладкая музыка?»

Я открепила фотографию и опустилась в своё кресло.

«Жизнь прекрасна, Джек. Жизнь велика. Я именно там, где хочу быть, и делаю именно то, что хочу. Я люблю свою работу. Мои ученики поражают меня. Они вдохновляют меня. Они бросают мне вызов. Это нелегко, но это полезно. Я ем круассаны в постели и кормлю уток, которых не должна кормить. Я покупаю свечи по завышенной цене и экзотические чаи. На прошлой неделе я вышла за простой белой рубашкой, а вернулась домой с шелковыми сорочками. Я сплю в них. Я принимаю пенные ванны. Я думаю о тебе каждый раз, когда идёт дождь. В хорошем смысле. Только не с моим сморщенным лицом как засохшее яблоко. Я цельная, сосредоточенная и сильная. Я цельная потому, что ты любил меня из-за меня, а не из-за того, кем я могла бы быть для тебя. И, возможно, именно поэтому это так больно. Потому что твоя любовь была такой хорошей и чистой. И это отстой. Это отстой, потому что мои книжные парни больше не справляются.

Ты погубил меня, Джек. Но всё в порядке. У меня всё хорошо, замечательно, чертовски волшебно. Но ты хочешь знать что-то жалкое? Я подписалась на все виды уведомлений о полётах. Каждый раз, когда цена снижается на авиабилеты в Танзанию, я получаю уведомление. И каждый раз я смотрю на экран и ухожу со страницы, чтобы не оказаться в самолёте, чтобы снова увидеть твоё лицо. Потому что я скучаю по тебе. Потому что, что было бы, если бы ты не пригласил меня? Что, если память обо мне начинает исчезать?

Обычно я говорю себе, что ты придурок, Джек. Как ты мог отпустить меня? Как ты мог просто согласиться с этой бесконтактной фигней и не развалиться на части, как я? Так много раз в день. Да. Ты придурок, Джек. Я ненавижу, что скучаю по тебе. Здесь лето, тепло и красиво, и я скучаю по тебе. Я так по тебе скучаю».

Я поднесла фотографию к груди и закрыла глаза. Некоторые круги никогда не исчезают, некоторые раны никогда не заживают. Такова любовь. Она оставляет тебя навсегда открытым, навсегда уязвимым.

Я глубоко вздохнула и встала. Пора было двигаться дальше, время открывать дверь и позволять себе другие возможности, хотя иногда ночью, если я внимательно слушала, я могла слышать, как моё сердце шепчет: «Джек, Джек, Джек, Джек».

Глава 26

Джереми Эванс пришел, чтобы отвезти меня на обед, раньше, чем мы договаривались. Дверной звонок зазвонил, когда я сушила волосы, наклонив голову. Я откинула их назад, провела пальцами и спустилась вниз, чтобы открыть дверь.

— Привет, Родел, — это был не Джереми. Это был Энди, агент по недвижимости, через которого я купила коттедж. Он звонил, чтобы выразить свои соболезнования в связи с кончиной Мо, но я не видела его с тех самых пор, как вернулась из Танзании. — Я был по соседству и подумал, что зайду посмотреть, как идут дела. С домом всё в порядке?

— Да, спасибо. Всё в порядке. Я действительно довольна им.

— Хорошо, хорошо. — Энди переступил с одной ноги на другую. — Что ж. Я подумал, может, ты хочешь ещё раз попробовать сходить выпить? Последний раз был... это было ужасно — узнать о твоей сестре вот так. Я не хотел торопить тебя, но поскольку я был поблизости, то подумал... ты знаешь. Почему нет?

— Очень мило с твоей стороны, Энди. — Этого не должно было случиться, но он был таким серьёзным и неловким, что я хотела мягко ему отказать. — Я готовлюсь к свиданию. Он должен быть здесь в любую минуту.

— О, — он покраснел. — Всё в порядке. В любом случае, я просто проверял коттедж. — Его взгляд остановился на окне. — Прекрасные цветы. — Он прикоснулся к ним, словно они были маленькими старушками. — Что ж. Хорошего тебе... свидания. — Он помахал на прощание и ушёл.

Я закрыла дверь и поднялась наверх. Мои волосы были всё ещё влажными, но они скоро подсохнут. Я наносила макияж, когда снова зазвонил дверной звонок. Я посмотрела на часы. У меня было ещё пятнадцать минут. Я закончила наносить помаду и поправила платье. Это было красивое платье кораллового цвета, созданное для пикников, мороженого и солнечного света. Расклешённая юбка заканчивалась чуть выше колен. Я взяла сандалии, схватила сумку и направилась вниз.

— Извини, Джереми. Я не совсем... — моё сердце сжалось в груди, когда одетая во всё чёрное фигура выпрямилась, перекрыв проход широкими плечами.

Не Джереми.

Джек.

Джек Уорден стоял у моей двери — лихой и безбородый, его густые рыжеватые волосы аккуратно спускались к воротничку. Футболка, джинсы, полированные оксфордские туфли и пара наушников на шее — картина потрясающего городского жителя.

Он хорошо выглядел. Он выглядел чертовски потрясающе. И это нанесло мощный удар прямо мне в живот. Шок от увиденного, шок от того, что он так выглядит, и ничто не заслоняет его лицо. Прекрасно видна его квадратная челюсть, губы кажутся круглее и полнее — его голубые незабываемые глаза такие живые и реальные, — все это лишило меня дыхания. Я стояла, застыв с сандалиями в руке и таращась на него. И вдруг это поразило меня. Это сильно поразило меня.

— Все это время я жила с разбитым сердцем, — сказала я себе, наконец, признав правду, но он услышал мои слова.

На его челюсти сжалась мышца.

— Знаешь, что самое душераздирающее? — он сунул руки в карманы, как будто чтобы они не касались меня. — Не когда с тобой случается что-то плохое, или когда твоя жизнь оказывается совсем не такой, какой ты ее себе представлял, или когда тебя подводят, или когда мир сбивает тебя с толку. Самое душераздирающее то, что ты не поднимаешься, когда ты не заботишься о том, чтобы собрать себя из миллиона сломанных частей, которые кричат, чтобы их снова собрали вместе. И ты просто лежишь там, слушая голоса. Самое душераздирающее то, что ты позволяешь любви всей твоей жизни уйти, потому что не можешь оставить свою работу или свой дом, чтобы пойти с ней, потому что всё, что ты любишь, отнимается у тебя. Так что я говорю нет душераздирающему. Здесь и сейчас. Это я возвращаюсь, пересекаю океан и иду прямо к твоей двери, Родел.

Я не могу не любить тебя. И я не могу перестать думать о тебе. Так что я здесь, чтобы сказать эти слова, потому что я никогда не говорил их, и это то, что разбивает моё сердце. Я не говорю их, чтобы услышать то же самое в ответ. Я не говорю их, чтобы мы могли быть счастливы после этого. Я не знаю, думаешь ли ты еще о нас и можем ли мы даже заставить это работать. Я говорю их для себя. Потому что они растут у меня в груди с каждым вздохом, и я должен вытащить их или взорвусь. Я люблю тебя, Родел Эмерсон. Это то, ради чего я здесь. Это я разбиваю своё сердце. Я знаю, что это эгоистично, бездумно и просто высокомерно — появляться таким образом, но я бы не смог провести ещё один день, не увидев тебя.

На мгновение у меня перехватило дыхание. Моя грудь была настолько полна абсолютного, невероятного восторга, что я не хотела выдохнуть.

— Ты опоздал.

Слова вышли удушливыми и грубыми. И тогда я почувствовала только низкие мучительные рыдания, уткнувшись лицом в его грудь. Он притянул меня и крепко обнял.

— Моя девушка бросила меня, — прошептал он мне в волосы.

Мне казалось, что мы вернулись в приют, произнося эти слова, вновь переживая глубокое облегчение, увидев друг друга.

— Кстати о свиданиях... — я попыталась сделать шаг назад, когда увидела приближающегося Джереми, но Джек не отпустил меня. — Вот идет моё.

— Ммм... привет? — Джереми похлопал Джека по плечу. — Думаю, что это моё свидание, которое ты держишь. — Он был дерзким парнем. Я должна была отдать должное его настойчивости.

Джек обернулся, обняв меня одной рукой за талию, и посмотрел на него. Ему не нужно было ничего говорить. Его массивное, уверенное в себе присутствие свело на нет все разговоры.

— Понятно, — Джереми отступил и вопросительно посмотрел на меня.

— Родел, — Джек не сводил с него глаз. — У тебя были планы с этим джентльменом?

— Да. Мы должны были пойти на обед. Мне очень жаль, Джереми. Джек появился как гром среди ясного неба.

— Это обычное явление? — поза Джека излучала расслабленность, но его тон был резким. — Вы двое встречаетесь?

— Нет. Неее, — Джереми нервно рассмеялся. — Впервые она сказала «да». Но если бы я знал тебя... — он указал на Джека. — Да, нет.

— Так куда ты собирался отвести мою девушку?

— Ну... у реки есть хороший стейк-хаус. Там очень... — он перевел взгляд с Джека на меня и кашлянул. — Там очень романтично.

— Ты заказал столик?

— Мм... да. Да.

— Не возражаешь, если я пойду с вами?

— Прости?

— Дело в том, дорогой друг... — Джек наклонил голову к Джереми и понизил голос. — Родел согласилась поужинать с тобой. И ты, будучи джентльменом, решил отвести её в хороший ресторан. И я, будучи джентльменом, понимаю, что появился без предупреждения и разрушил ваши планы. Я не ожидаю, что леди передумает и всё переиграет. В то же время я не собираюсь выпускать её из виду. Я тоже очень, очень голоден.

Самолетная еда не для меня. Итак, я предлагаю ужин. За мой счёт.

Джереми моргнул. Затем он улыбнулся.

— Да, чёрт возьми. Есть только одна вещь, — он указал на свой Мини-Купер и посмотрел на меня. — Думаешь, ты там поместишься?

Часть 2

Джек

Глава 27

Я влюбился в Родел Эмерсон где-то между чайной вечеринкой в сердце Африки и безмянным придорожным кафе с пластмассовыми стульями и столами. Может быть, это произошло, когда она попросила меня спрятать её паспорт в моём сейфе, и я прочитал в нём её имя.

Я влюбился в девушку, вторым именем которой было Харрис.

Боже, я влюбился в неё окончательно и бесповоротно.

Её очарование накрыло меня незаметно — поначалу медленно, а потом будто кучей кирпича. Я не могу вспомнить, когда начал думать, что её глаза похожи на гладкие речные камни, которые я собирал в детстве, — тёмные и дымчатые, с ярким блеском, который зачаровывал меня, когда она смеялась, или плакала, или злилась из-за того, что старуха плюнула ей на голову. Они всегда были разными, всегда менялись, иногда приобретая цвет зимних деревьев в сумерках, а иногда напоминая сияющий на солнце коньяк. Её ресницы были типичными девичьими, чёрными и длинными. Они заставляли меня поверить, как порхание крыльев бабочки может вызвать цунами.

Она обладала такой красотой, которая даётся, когда она совершенно не понимает, как прекрасна. Иногда я разворачивался, а она стояла на носочках, глядя в окно на что-то за горизонтом. Линии её тела складывались в великолепные позы, и как только ты смотрел на неё, то не мог отвести взгляд. Это было не потому, что она была потрясающе красива. Подождите. Беру слова обратно. Она была такой. Чёрт, в тот вечер, когда она спустилась по лестнице, нарядившись, все в «The Grand Tulip» замерли. Но помимо этого в ней была внутренняя простота, невинность в речи, жестах и улыбке. Люди расслаблялись рядом с ней. Она видела тебя. Заставляла чувствовать себя кем-то.

В первый раз я понял, что она особенная, когда шёл с полей. Я слышал её смех, доносящийся из окна на кухне, и не смог сдержать улыбку, хоть это и было только внутри. Это делала со мной Лили. Её радость, её смех, её хихиканье раньше заставляли меня останавливаться и привлекали внимание. Никто другой не имел права снова вызывать у меня такие ощущения.

В тот день я обиделся на Родел Эмерсон. Я обиделся за то, что она проделала дыры в моей защите, за то, что заставила почувствовать что-то помимо боли, которая текла по моим венам словно наркотик. Мне нужна

была эта боль, чистая и неподдельная, чтобы продолжать жить каждый день. Без этого мои колени подгибались, и я сдался бы тьме, которая шныряла у краёв моей души. Я не мог дожидаться, когда избавлюсь от этой красотишки с красивым смехом и красивыми идеями насчёт устройства мира.

Но Родел Эмерсон не ушла. А когда ушла, то всё равно всегда была рядом — в ветре, который развеивал одежду на верёвке для сушки, в свете, который касался парящих облаков, в дожде, в луне, в скрипе пустых качелей ночью. И когда я проснулся, она снова была рядом, в росе окутанных туманом травинки.

Я не мог сделать ни единого шага, не столкнувшись с её призраком.

Так что я сел на самолёт. И в Мини-Купер. И выбрал бутылку самого возмутительно вычурного вина в меню, наблюдая, как она смеётся над тем, что говорил её спутник. Это был момент не для «Кока-колы». И она это знала. Она знала, что я долгими и медленными глотками упивался ею — всеми частями, по которым скучал и которые целовал, которыми собирался овладеть, когда мы приедем домой. Меня не беспокоило, что она сказала «да» этому Джереми, или что он сидел за столиком. Я испытывал облегчение от того, что она не двинулась дальше. Чёрт, даже Джереми мог почувствовать, как между мной и Родел летают искры. Просто так было и всегда будет с нами.

— Спасибо за ужин, — сказал Джереми, когда я вылез из его машины. — Хорошего тебе лета, Родел.

— Я понимаю, что ты сделал, — рассмеялась она. — Ты только что заблокировал меня от себя на всё лето.

— Да уж. Ну, этот парень особо не оставляет места для кого-то ещё, так ведь? Но в любое время, когда вы, ребята, захотите сводить меня на ужин со стейком...

— Никогда, — я стукнул по крыше его Мини-Купера. — Я больше никогда не сяду в эту консервную банку на колёсах.

— Эй. Полегче, приятель, — его голос поднялся на несколько октав, после чего он уехал.

— Прости, — сказал я, когда Родел взяла меня под руку, и мы зашли в дом. — Я не хотел выходить. Здесь всё вокруг такое маленькое. Дома, улицы, машины. Я привык к широким открытым пространствам, а не врезаться во всякие мелочи каждый раз, когда поворачиваюсь. Чувствую себя львом в клет...

— Как ты мог? — она схватила меня за воротник и дёрнула к себе. — Ты появился без приглашения, сорвал моё свидание и сидел там, поедая стейк, пока в моей голове кружился миллион вопросов.

Её губы были так близко, что мне пришлось очень сильно сосредоточиться на том, что она говорила.

— Родел, — мой взгляд скользил по тонким чертам её лица. — Я думал о тебе каждый день последние десять месяцев. Думаешь, мне не захотелось отключиться от всего мира в тот момент, как ты открыла дверь? Я выходил из такси, когда какой-то парень подошёл к твоему дому. Я обдумал много сценариев. Я сел на самолёт, зная, что у тебя всё могло измениться. Но меня это не остановило. Я должен был увидеть сам. Должен был узнать. Но я не был готов к этому. Когда я увидел, как этот парень стучит в твою дверь, я сорвался. Он мог быть кем угодно. Он мог быть незнакомцем, соседом, продавцом. Но в моей голове он держал тебя, целовал и жил той ролью, которую хотел я. Мне хотелось его ударить, Родел. Хотелось выбить из него всё дерьмо. Затем он ушёл. А мне всё равно хотелось ударить его, за то, что он скрыл тебя от моих глаз. Мне понадобилось несколько минут, чтобы взять себя в руки. У меня не было права ревновать. Что бы ни произошло, когда я увидел тебя — появился кто-то в твоей жизни или нет — это было не важно. То, что было между нами, было настоящим. И я не собирался уходить, не сказав того, что хотел тебе сказать. Как только ты открыла дверь, я понял — понял, что ты всё ещё моя. Так что когда появился другой парень, я не видел смысла рушить твои планы. Это как открывать бутылку хорошего вина. Ты не глотаешь его просто так. Ты даёшь ему мгновение надышаться. Вот для чего был ужин, Родел. Чтобы позволить нам надышаться. Потому что, когда я увидел тебя снова, это ударило мне в голову. И прямо сейчас я хочу только... — мои губы приблизились и захватили её губы.

Её вкус был аномалией, которой я желал, — сладкой, озорной и необычайно сексуальной, всё одновременно. Боже, я скучал по её мягким маленьким губам. Я притянул её ближе и углубил поцелуй. Как возможно было такое чувствовать? Будто в твоих руках рай?

— Помнишь, что я тебе сказала? — она сомкнула руки на моей спине.

— Детка, я сейчас не вспомню даже своё имя.

Я уткнулся носом в её шею, теряясь в запахе её волос.

— Я сказала... — она сжала в кулаке мои волосы и оттянула мою голову назад: — Если ты когда-нибудь будешь в Англии, это будет моим. — Она сжала мою задницу достаточно сильно, чтобы заставить меня врасплох. — И это. — Она провела языком по моим губам. — И это. — Она зашла туда, куда совершенно не следовало. Сдержанности во мне не осталось.

— Так значит, а? — прорычал я, подхватывая её на руки. — В таком

случае, давай доставим тебя туда, где ты можешь должным образом заявить о своих правах.

Я намеревался отнести её наверх, но мы никак не могли попасть туда таким образом. Не по этой лестнице. Я ударился головой о скошенный потолок и в итоге перехватил её по-другому, из-за чего поцарапал её колено о стену.

— Чёртовы маленькие пространства. — Я медленно опустил её, наслаждаясь её изгибами рядом с собой. — Ты в порядке? — я потёр голову, пока она улыбалась.

— Идём, — она схватила меня за руку и потянула за собой.

«О, Боже, эта попка».

Её комната была именно такой, как я представлял. Уютной и удобной. Книжки, фотографии, неяркие стены, дикая лаванда в горшке на комод.

— Что это? — я поднял книгу с её кровати и открыл на закладке.

— Дай мне.

Она попыталась вырвать её у меня, но я убрал книгу, рассматривая страницу.

— Это кое-что сексуальное, Родел.

Я начал читать сцену вслух, пока она била меня подушкой. Я держал книгу в одной руке, другой защищаясь от её нападков.

— Перестань! — она тяжело дышала, одновременно от смеха и от своей односторонней битвы подушкой. Она была такой красивой, что я остановился, просто чтобы посмотреть на неё.

— Это ты читаешь перед сном, а?

Она вытянула книгу из моей хватки и засунула её под кровать. Она лежала на мне сверху, её живот подрагивал с каждым вдохом и выдохом.

— Я скучала по тебе, — она скользила пальцами по линиям моего лица, её волосы спадали как занавески вокруг меня. — Ты как потерянная глава моей любимой истории.

Внутри меня дрожало что-то яростное, когда я заправил локон волос ей за ухо. Как я мог объяснить ей голод, желание, одержимость? Маленькие острые воспоминания о ней, которые всегда были в моих мыслях? Я не мог. Так что я поцеловал её. Со всеми словами, которые не мог сказать. Мои руки сомкнулись вокруг неё, и она таяла, прижимаясь ко мне.

Это была мягкая, гладкая как масло любовь. Под нашей кожей нарастал жар. Одежда спадала. Дорожка поцелуев на её груди. Её ноги скользили по моим. Восторг от изучения заново её изгибов. Неопишуемая наполненность при её объятиях, при наблюдении за тем, как её тело отвечает на ощущения, которые я вызывал в ней.

Я голодал по ней и по тому, чтобы доставить ей удовольствие. Своими руками, губами и языком. Мне нравилось, как она кончает, — изгибается, раскрывает рот, пока тёплая плоть дрожит под моими прикосновениями. Каждый раз, когда она достигала пика, я сторал чуть больше, пока желание овладеть ею горело в моей крови ярким пламенем. Последовал краткий разрыв упаковки фольги, и затем я проник в неё — глубоко, полностью.

Боже. Ощущение того, как её тело открывается мне, окутывая меня как тёплая, влажная перчатка. Её язык у меня во рту. Её руки сжимают меня. Её нога обхватывает моё бедро. Я укусил её за плечо, когда во мне проснулось животное. А затем всё превратилось в первобытную страсть, ничего, кроме звука её тихих стонов. Моё облегчение должно было быть быстрым, но я держался, не желая, чтобы это заканчивалось. Находиться внутри неё было наркотиком. Находиться внутри неё было чистой эйфорией. Я перехватил выдох, который вырывался у неё, когда напряглось её тело. Она снова кончала.

— Да, — прорычал я, пока она извивалась подо мной. — Чёрт, да, — а затем я сдался взрыву огненных ощущений, которые охватили меня, потрясая всё нутро.

Потом она просунула ногу между моими и положила голову мне на грудь. Я чувствовал её ресницы на своей коже каждый раз, когда она моргала. Это был крохотный трепет — нежнейшее ощущение — но оно успокоило горячую боль, которую оставило её отсутствие. Меня охватила волна наполненности, пока она медленно, постепенно закрывала глаза и засыпала в моих руках.

Свет снаружи проникал сквозь жалюзи и оставлял узоры на стене. Ночь была другой, совсем не такой, как на ферме. Звук одинокой проезжающей машины, приглушённые разговоры проходящих мимо людей, хлопки листьев по оконной раме. Пальцы моих ног свисали с её крохотной кровати. Моя голова лежала на взбитой подушке с цветочным узором. На полу раскиданы заколки-невидимки. На комодке стоят духи, лосьон и маленькие баночки. Я улыбнулся и притянул Родел ближе. Она уткнулась в меня носом, довольно вздыхая.

Я был за много миль от дома, но чувствовал, что именно здесь моё место.

Глава 28

Следующим утром я проснулся рано. Несколько долгих ленивых мгновений я лежал в кровати, наслаждаясь теплом женщины, спящей рядом со мной. Мой взгляд прошёлся по её лбу, по маленьким волоскам, которые плавно переходили в линию её волос, по её розовым мягким губам. Я прижался кончиком своего мизинца к месту между её носом и верхней губой. Фильтрум. Я проверил в словаре. Это место было моим. Оно идеально мне подходило. Как и вся она. Каждая часть меня была создана для того, чтобы подходить каждой части её.

Моё желание зашевелилось под одеялом, горячее и тяжёлое. Я хотел её с таким желанием, которое не знало глубины. Она была красивой и опустошающей. Такой, какой и должна быть любовь. Я мог провести вечность в уголках её разума и никогда не испытал бы скуки. Я мог целовать её губы каждое утро и всё равно не изучить все вкусы её души. Я был влюблён в эту девушку — так сильно влюблён, что это вызывало у меня ужас.

Я накрыл её одеялом и выскользнул из кровати, улыбаясь, когда она укуталась сильнее. Мы просыпались и занимались этим снова. И снова. Я истощил её. В лучшем возможном смысле.

«Так тебе, — сказал я неприличной книге на полу. Затем остановился и пролистал её. — Хмм. Может, мы можем сегодня сделать это. Нет. Это. Это даже горячее. Чёрт возьми».

Когда Родел спустилась вниз, я сидел на диване, задрал ноги, уткнувшись в роман.

— Серьёзно? — она забралась на меня сверху и поцеловала. — Не знаю, что мне кажется более сексуальным. То, что ты читаешь эту книгу, или утренняя щетина на твоём лице, — её пальцы прошли по линии моей челюсти. — Я всё ещё не привыкла видеть тебя без бороды.

— Ощущения другие, когда я делаю это? — я притянул её ближе и захватил её губы.

— Подожди! — она спасла книгу, раздавленную между нами. — О. Мой. Бог. Ты загнул уголки моей книги? — она села на пятки и пролиставала книгу.

— Только те части, которые мы, по-моему, должны повторить.

— Джек, — она печально покачала головой. — Никогда не загибай уголки книги.

— Ты такая горячая, когда ругаешься на меня из-за книг. — Её ночнушка задралась вверх по бёдрам, губы надулись, и она прижимала книгу к груди так, будто это был раненый ребёнок. — Ты знаешь... — я перевернул её, чтобы она встала на четвереньки, уткнувшись носом в складки романа, — я много занимаюсь с тобой сексом. В своей голове. Вот так, — я сжал её сладкую задницу и потёрся своим пульсирующим стволем о её трусики. — Почитай мне, Родел. Почитай мне, пока я имею тебя. — Я отодвинул ткань её трусиков в сторону и проскользнул в неё пальцами. Она издала сдавленный стон.

— Ты уткнулась лицом в эту книгу? Родел, — я цыкнул. — Никогда не обращай так с книгой. С этим сексуальным задом, да, — я шлёпнул её по круглой ягодице. — Но с книгой... — я схватил её за волосы и потянул, чтобы она смотрела на страницы перед собой. — Читай, Родел. Если только не хочешь, чтобы я остановился? — я просунул в неё ещё один палец и прикусил кожу на шее.

Её голос дрожал, когда она начала читать главы вслух. Она продолжала сбиваться. Я продолжал ей напоминать. Немного дёрнул, немного шлёпнул, чтобы держать её мысли в игре. Её тело извивалось под моим, обостряя мои чувства, усиливая мою страсть, пока воздух не стал густым и горячим, разгорячённый нуждой.

Она открыла рот, чтобы что-то сказать, но, когда я толкнулся в неё, книга упала, и единственное, что вырвалось из её губ, это: «Уфф». Это был хриплый, неразборчивый шёпот, который сносил голову похлеще любых эротических слов, которые я заставил её читать.

* * *

Воскресный бранч с Родел на её кухне — на той, которую я пытался представить много раз за долгие одинокие месяцы без неё. Её кухня. Её ванная. Куда она приходила домой. Какими тарелками она пользовалась. Что она видела за окном. Кусочек за кусочком, мой разум собирал все мелочи, недостающие частицы, как трофеи в охоте за сокровищами.

Мы сели за старый островок, который служил её обеденным столом. Краска по углам и краям стёрлась. Как и всё остальное, это выглядело подомашнему и обжитым. Балки над головой, потолки под углом, потёртая патина на стенах — всё приобретало мягкий, яркий оттенок, пока через окна лился солнечный свет.

Родел налила себе чашку кофе и положила в неё две чайные ложки с

горками сахара. Она подошла к холодильнику, засунула в него голову и начала всё переставлять.

Боже, она хоть представляла, как выглядит, наклонившись вот так?

— Колы нет, — она выпрямилась и развернулась. — Апельсиновый сок?

Я усмехнулся. Отчасти мне хотелось сказать ей продолжать искать.

— Апельсиновый сок подойдёт.

Я был до нелепости счастлив, что она помнит, что мне нравится пить по утрам.

Она сделала глоток кофе и протанцевала к шкафчику, чтобы взять стакан для меня. Она наливала сок, когда я забрал у неё упаковку и поставил на тумбочку. Я притянул Родел к себе, чтобы мы оказались лицом к лицу, она встала между моих ног, пока я сидел на стуле.

— Доброе утро, мисс Эмерсон, — я поцеловал пульсирующую впадину в основании её горла. Никак не мог ею насытиться. Я прожил слишком много дней и ночей, не чувствуя её.

— Уже за полдень, — рассмеялась она. — Добрый день, мистер Уорден.

Её тёплые мягкие губы дурманили, но когда она просунула язык, исследуя мой рот, между моих ног зашевелилось желание. Но только на мгновение, потому что меня накрыло что-то другое. Я отклонил голову назад и нахмурился.

— В чём дело?

— Сделай это снова. Поцелуй меня.

— Есть, сэр, — она улыбнулась и вернулась к моим губам, обвивая руками мою шею, целуя меня медленно и глубоко.

— Это странно, — сказал я. — Меня не тошнит.

— Я на это надеюсь, — она изогнула брови. — Ты удивлён, что от моих поцелуев тебя не тошнит?

— Нет. Не от твоих поцелуев, — я подвинул к ней её чашку. — От кофе. Я чувствую на тебе его вкус.

Казалось, в её голове выключился свет. Она сделала ещё один глоток кофе и поцеловала меня. На этот раз вкус в её рту был горячим и крепким — чертовски сладким от всего сахара, который она положила, но гладким и полноценным, с лёгкой ореховой ноткой.

— Кофе «Кона», — пробормотал я в её губы. — С Гавайских островов.

— Очень вкусный. — Она отошла назад и посмотрела на меня. Не важно, откуда был этот кофе. Важно было то, что меня от него не тошнило. — Хочешь немного? — и она налила мне чашку и смотрела, как я

вдыхаю его аромат.

Я сделал нерешительный глоток и ждал ужасной тошноты, которая накрывала меня со времени теракта в торговом центре.

Ничего.

На самом деле, моим вкусовым рецепторам хотелось ещё.

Кофе. Моя слабость, моё пропитание, моя страсть. Я прожил почти год урожая без единой чашки. Почувствовав его вкус на Родел, смешанный с её сладким дыханием, я излечился. Или, может быть, она излечила меня тем первым поцелуем. Или тогда, когда сказала, что любит меня. Я никогда не узнаю. Я знал только то, что она заполнила все ноющие дыры в моём сердце.

— Ты в порядке? — спросила она, пока я держал кофе и смотрел, как солнце выделяет медовые крапинки в её глазах.

— В порядке, — соврал я. *Вы когда-нибудь сидели напротив кого-то, полностью в одежде, чувствуя, как этот человек медленно расстёгивает ваше сердце?* Я потянулся за её рукой и сжал. — Я скучал по тебе. Так сильно, что сердце до сих пор болит.

— Хорошо, — она засунула в рот пирожное. — Япфрадапфчтопфяпфнепфодна.

Я хохотнул и выпил ещё кофе.

— Чем мы сегодня займёмся?

Я знал, чего хотел. Абсолютно ничего. Кроме, возможно, поиска кровати побольше.

Она бросила пирожное и замолчала.

— Как надолго ты останешься, Джек?

Я не знал, как сказать следующую часть, потому что знал, что она будет со мной бороться.

— Как долго ты хотела бы меня видеть?

— Ха, — она бросила мне маленькую улыбку и принялась прибираться на тумбочке.

— Эй, — я обнял её сзади, пока она ставила посуду в раковину. — Скажи мне. Поговори со мной.

— Что, если бы я сказала, что хочу видеть тебя здесь всегда? — она подняла голову выше, сосредоточив взгляд на оконной раме.

Я сглотнул. Она осмелилась спросить меня о том, о чём я не мог спросить её.

— Что, если бы я согласился? Что, если бы я сказал, что останусь? Навсегда.

Она застыла в моих руках. Из крана падали маленькие капли воды в

миску.

— Это не смешно.

— Похоже, что я пытаюсь шутить?

Я развернул её лицом к себе.

Она осмотрела моё лицо своими глазами цвета кофе.

— Ты не можешь... ты не можешь просто уйти с фермы. Это твой дом, твоё наследие. А ещё есть Гома.

— Да, и она надрала мне зад за то, что не приехал раньше. Она сказала, что если увидит ещё хотя бы раз, как я хандрю на ферме, она достанет винтовку и сама вытащит меня из горя. Она угрожала продать свою долю фермы и покончить с этим, если это держало меня вдали от тебя. Она сказала, что на вырученные деньги хочет остаток жизни ездить в бесконечные круизы, повидать мир, взять уроки зумбы и танцевать на палубах всю ночь.

У Родел вырвался тихий смешок, прежде чем она стала серьезнее.

— Она врёт. Эта ферма для неё всё. Как и ты.

— Я знаю. — Я погладил её по щеке, желая стереть этот взгляд с её глаз, который говорил, что мы никогда не сможем быть вместе. — Иногда нужно отпустить людей, которых мы любим, потому что мы их любим, потому что их надежды и мечты кроются в другом месте. По этой причине я отпустил тебя, по этой причине я никогда не просил тебя остаться. И поэтому Гома отпускает меня, потому что моё сердце уже с тобой, весь день, каждый день. Так что, если ты хочешь быть со мной всегда, я здесь.

Я представлял, что её глаза загорятся, когда я скажу это. Думал, что она немного повеселеет. Моя девочка с радужным нимбом, максималистка. Но она просто смотрела на меня с блеском в глазах, и это просто убило меня. Чтоб меня.

— Нет. — Я поцеловал её в кончик носа. — Прекрати, Родел. Я проделал весь этот путь не ради горечи.

Она рассмеялась, немного захлёбываясь, и вытерла глаза.

— Я думала, ты любишь все мои рожицы.

— Люблю, милая, — ответил я и притянул её ближе, сжимая её в руках. — И я хочу до конца жизни изучать их все.

Какое-то время она ничего не говорила. Она просто положила голову мне на грудь и позволила мне держать её.

— Я бы осталась, — её слова были приглушёнными из-за моей рубашки. — Если бы ты попросил, я бы осталась.

Моё сердце наполнилось эмоциями. Я знал, что она осталась бы. Она отказалась бы от всего ради меня. Так как я мог не сделать того же ради

неё?

Глава 29

Она освободила для меня место в своём шкафу. У неё едва было что-то из своих вещей. Мне нравилось, как мои рубашки смотрятся рядом с её одеждой — будто им там и место.

— Это только на время, — сказала она, прислоняясь спиной к изголовью кровати и наблюдая за мной, будто читала мои мысли. — Я не позволю тебе это сделать. Я не позволю тебе бросить ферму.

Она была чертовски упрямой и сводила меня с ума.

— Ты всё ещё спиришь со мной насчёт этого? — я застегнул свою пустую сумку и засунул её под кровать. — Я приезжаю, хочу перестроить всю свою жизнь вокруг тебя, и это всё, что я получаю?

— Эй, у тебя есть шесть дюймов пространства в шкафу. Это совсем не слабо.

— О да? — я схватил её за лодыжки и подтянул к краю кровати, чтобы мои бёдра оказались между её ног. — Где справедливость, учитывая, что ты получаешь *больше* шести дюймов? Каждый раз.

— Хвастун, — отозвалась она, ускользая от меня прочь.

— Дразнилка, — мне нравилось, что с ней никогда нельзя было угадать, что получишь. Иногда она была хитрой. Иногда резкой. — У меня для тебя кое-что есть. — Я подошёл к шкафу и потянулся за висящей там курткой. — От Схоластики, — пояснил я, достал из внутреннего кармана письмо и протянул ей.

Её глаза светились, пока она читала. Там было единственное предложение, которое заняло целую страницу.

— Я писала ей. Это хорошая практика для нас обоих. — Она указала на словарь английского и суахили на своей полке. — Она пишет на английском, я отвечаю на суахили.

Я знал это. Я ездил по часу на почту Амоши, чтобы отправлять письма Схоластики. Возможно, я даже поспособствовал этому. Потому что когда пришёл ответ, я держал его при себе всю обратную дорогу, надеясь уловить на нём запах Родел.

— Что насчёт Билли? — спросил я. — Ты пишешь Билли?

— Это я никогда не забуду, — рассмеялась она.

— С моей *помощью* не забудешь. Но меня можно уговорить забыть.

— Что у тебя на уме?

— Для начала... — я сел на пол рядом с кроватью, спиной к ней. — То,

что ты делаешь пальцами с моими волосами.

Я откинулся назад и сдался ощущению того, как она массирует мой скальп.

— Так как там Схоластика? — спросила она, медленно водя пальцами по кругу, отчего мне хотелось мурчать при её прикосновениях. — Инспектор Хамиси узнал что-нибудь об её отце?

— К сожалению, нет. Сейчас Габриэль официально в списке пропавших. Мы вполне уверены, что не обошлось без нечестной игры, но никогда точно не узнаем. Иногда у меня разбивается сердце при взгляде на Схоластику. Её отец был исключительным человеком. Я всегда знал, какие ужасные вещи происходят с такими детьми, как Схоластика, но никогда ничего с этим не делал. Но Габриэль помогал им всё время, молча, без какой-либо компенсации, задолго до того, как появился кто-либо из нас. Наверное, из-за этого он лишился жизни, и никто никогда не узнает, что он сделал. Однажды, когда Схоластика достаточно повзрослеет, я расскажу ей, что её отец был героем. Я сделаю так, чтобы она гордилась его делами и тем, что он отстаивал.

— Джек? — пальцы Родел застыли. — Что будет со Схоластикой, если ты здесь? Гома не может приглядывать за ней сама.

— Гома и не придётся. — Я развернулся и посмотрел на неё. — Джозефина Монтати предложила сестре Габриэля работу в приюте. Анне кажется, будто ей дали возможность продолжить работу брата, и ей не терпится вернуть племянницу. Она в восторге от того, что они снова могут быть все вместе. Мы работали над новым помещением для детей и сотрудников. Как только всё будет закончено, Схоластика переедет к своим кузенам и тёте.

— Это отлично, — кивнула Роден, будто пытаясь убедить саму себя. — Это действительно отлично.

— Но...?

— Но ты будешь скучать по ней. Я вижу, что ты уже скучаешь.

Было чертовски больно впустить в свою жизнь ещё одну маленькую девочку, а затем её отпустить. Как бы сильно я ни старался это не показывать, я не могу скрыть это от Родел.

— Дело не во мне. Дело в том, что лучше для Схоластики. Я всегда буду с ней, но теперь она будет жить со своей семьёй, в Ванзе. Думаю, этого хотел бы для неё Габриэль. И я по-прежнему буду работать с Джозефиной и Анной. Этот процесс продолжается. Книжки, продовольствие, медицинский уход. Нам нужно все систематизировать.

Родел какое-то время жевала губу, но не могла не поделиться своими

мыслями.

— Это просто пластырь, так ведь? Ты можешь вложить в это все деньги мира, но это не решит проблему. Эти дети будут продолжать оказываться в приюте, пока люди не начнут думать по-другому, пока не перестанут верить в суеверия насчёт них.

Это была правда, и я не мог это отрицать. Я сложил письмо Схоластики и вернул обратно в концерт. В этом не было ничего лёгкого. Ни для кого.

— Ты нужен там, Джек, — сказала Родел. — Гома нуждается в тебе. Приют нуждается в тебе. Ферма нуждается в тебе.

— А что насчёт того, в чём нуждаюсь я? — внутри меня что-то загорелось. — Думаешь, для меня это легко? Думаешь, я хочу стоять здесь, спорить из-за того, что я крутил в голове каждый день? Я здесь потому, что я нуждаюсь в тебе, но ты начинаешь собирать причины, почему мы не можем быть вместе, а затем мы с таким же успехом можем разойтись. Прямо здесь, прямо сейчас. — Я бросил на неё злой взгляд и пошёл вниз по лестнице. Снова ударился головой о потолок и окинул злым взглядом и его тоже.

— Маленькие кровати, маленькие шкафы, чёртовы маленькие лестницы, — прорычал я.

Она спустилась чуть позже, держа в руках сумочку и зонт.

— Нам нужно сходить в хозяйственный магазин, — сказала она и в ожидании посмотрела на меня.

— Зачем? — я всё ещё был зол.

— Купить что-нибудь для вмятин, которые ты продолжаешь оставлять каждый раз, когда спускаешься по этой чёртовой маленькой лестнице.

Это был её способ сказать мне, что она хочет, чтобы я остался. Больше никаких споров об этом.

— А волшебное слово?

— *Позялуста?*

Её суахили был безнадёжен, но голос был мягким, и глаза блестели, потому что она знала, что поймала меня.

— Наверняка ты можешь справиться с походом в хозяйственный магазин сама, Харрис.

— Как ты меня назвал? — переспросила она, её глаза расширились.

— Верно. Я знаю твой грязный маленький секрет.

— Как ты у...

— Тащи сюда свою милую попку и поцелуй меня. — Я похлопал себя по коленям. — Я никуда не пойду, пока не получу примирительный секс. С

Харрис.

Её губы изогнула озорная улыбка.

— О, ты хочешь познакомиться с Харрис?

Она сняла сумочку с плеча. Та упала на пол с глухим стуком. Она бросила зонтик и разделась передо мной, медленно расстёгивая по одной пуговице за раз, давая мне украдкой взглянуть на кружевной лифчик, который был на ней.

Чёрт меня побери.

У меня было ощущение, что мне очень сильно понравится знакомство с Харрис.

Глава 30

Шло лето, в английском пригороде было красиво, и я отказывался принимать хоть одно мгновение как должное. Я не помнил, когда последний раз был днём свободен, чтобы уделить внимание Родел. Мы остановились в старомодном мотеле и, проснувшись, чистили зубы, пока за окном лошади жевали сено. Мы завтракали рыбой с картофелем, завернутыми в газету. Свою порцию я полил уксусом. Родел макала свою еду в кетчуп. Иногда мы сидели вечерами на террасе Родел, наблюдая, как золотистый кирпич меняет цвет с охры на медь, а затем на цвет коньяка в свете заходящего солнца. Мы отдыхали в местном пабе, пока улицы были пустыми, и шли домой, держась за руки и вспоминая слова давно забытых песен. Я чувствовал укол вины каждый раз, когда думал о ферме, но она была выставлена на продажу, и я нанял человека, чтобы приглядывать за делами, пока мы не примем предложение. Гома спустя какое-то время начала игнорировать мои звонки и сказала, что я стесняю её стиль жизни.

Родители Родел приехали нас навестить. Мы исследовали крепости и замки, расположенные среди очаровательных деревень. Я получил зелёный свет после того, как её отец осмотрел мои руки. Грязь медленно исчезала из-под моих ногтей.

— Хорошие руки, — заявил он. — Большие, сильные, хорошие руки! Чёрт, любой мужчина, кто может оттянуть нос моей дочери от этих книг, достоин моего голоса. — Он купил мне очередной бокал пива, в то время как Родел и её мать в тусклом освещении пели ужасную песню в караоке.

— Ты уверена, что тебя не удочерили? — спросил я на следующее утро после того, как они уехали.

— Мо больше на них похожа. — Она рассеяно помешивала свой кофе. — Я хотела бы, чтобы они остались ещё на одну ночь, особенно потому, что сегодня годовщина того нападения в торговом центре.

Я накрыл её руку своей. Мы сидели на террасе, глядя на реку, пока вокруг витал запах лаванды и роз. Было невероятно думать, что я пережил целый год без Лили. По большей части, это было благодаря прекрасной женщине, сидящей напротив меня.

— Эй. — Я не выносил выражение грусти на её лице. — Я забыл тебе кое-что показать. — Я разблокировал телефон и включил для неё видео.

— О, Боже, — улыбнулась она. — Это Бахати. И Олонана. Но Олонана хромает. Наверное, так полностью и не восстановился после встречи с

К.К.? Что они делают?

— Это церемония Масаи. Бахати получает своё боевое имя. — Я смотрел клип вместе с ней и объяснял, что происходит.

— А что надето на Бахати? — рассмеялась она. — Дизайнерские джинсы, дизайнерская футболка и племенной головной убор.

— Он охватывает два мира, и они равнозначно важны. Не думаю, что он когда-нибудь отвернётся от одного из них. Он такой, какой есть, и гордится этим.

— О, а там Лонеоки, их шаман! Что он говорит? — она напряглась, чтобы уловить его слова. — Какое воинское имя он только что дал Бахати?

— Если бы я знал, — хохотнул я. — Он всё равно называет себя Бахати. Сказал, что слишком много мороки — менять всё в социальных сетях.

— Значит, он в порядке? Он помирился с отцом, но всё равно занимается тем, что любит? — спросила она, когда Олонана и Бахати встали бок о бок для фотографий.

— Наверное, Олонана подумал, что у него достаточно детей, чтобы выпустить одного из *бота*. Думаю, он довольно горд тем, что Бахати нашёл собственный путь.

Я убрал телефон, и мы доели завтрак.

Мы собирались зайти обратно в дом, когда я заметил что-то летает у реки. Ну, им нравится называть это рекой. Я называл это детским бассейном. Он был едва метр глубиной, и вода была такой прозрачной, что можно было увидеть камни на дне. Может, дальше она превращалась в настоящую реку, или когда шли дожди. Когда я думал о реке, я представлял крокодилов, ползающих у берегов.

— Родел, там в воде резиновая уточка.

— О, Боже, — она хлопнула себя по лбу. — Я совсем забыла. Сегодня благотворительная гонка резиновых уток. Я вызвалась помочь. — Она взглянула на часы и схватила меня за руку. — Идём. Мы ещё можем успеть.

Масса людей уже выстроилась на пешеходных мостиках над рекой. Некоторые стояли в воде, закатав брюки до колен, пока яркие резиновые утки спускались с моста и спокойно плыли к ним.

— Это настоящее напряжение, Родел. Не уверен, что я могу с этим справиться.

— Иди, спонсируй утку. — Она подтолкнула меня к столику рядом со своим. — Я задержусь.

Я бы никогда за сотню лет не подумал, что скажу слова, которые произнёс дальше, но сказал. Ради неё.

— Я бы хотел проспонсировать резиновую утку, пожалуйста.

— Это будет десять фунтов. — Один из волонтеров взял мои деньги и протянул мне утку. — Удачи, приятель.

Я держал маленькую игрушку на своей ладони. Она смотрела на меня в ответ своим оранжевым клювом.

— Хорошо, дружок. Покажи мне, на что ты способен.

Я нашёл место, чтобы выпустить свою утку. Казалось, люди просто разошлись, пропуская меня. Я принял это за добрый знак. Моя утка была крутой. Родел как безумная махала мне рукой, пока я стоял, возвышаясь над всеми на мосту.

— Не подведи меня на глазах у моей женщины, — сказал я своей утке, держа её над водой, ожидая следующего сигнала к запуску.

— Прошу прощения, сэр, — на моё плечо легла тяжёлая рука. — Мне придётся попросить вас сейчас же остановиться.

Я развернулся лицом к мрачному полицейскому с дубинкой в руке.

— Нам только что поступила жалоба, — сказал он. — Оказывается, есть древнее постановление, в котором говорится, что река и зона отдыха не могут быть использованы по воскресеньям для целей сбора средств.

Я осмотрелся и заметил вокруг полицейские машины. Офицеры в форме отводили людей от мостов и собирали из воды жёлтых резиновых птиц. Родел убирала свой столик.

— Никаких гонок резиновых уточек? — спросил я.

— Я советую вам забыть об этом, иначе арест.

Мгновение я думал отпустить свою маленькую утку.

«Беги. Плыви свободно, мой друг».

Я мог сказать, что не так понял инструкции полицейского. Но я достал свою утку из воды и выпрямился.

— Это немного жестоко, вы так не думаете?

— Просто делаю свою работу, — он казался смущённым.

— Всё в порядке? — Родел подошла к нам и остановилась рядом со мной.

— Он не даёт мне поиграть с моей резиновой уточкой, Родел.

— Всё в порядке, — она улыбнулась офицеру и начала уводить меня прочь. — Я с ним разберусь.

Я держал свою утку, пока она вела меня к кафе через мост.

— Это твоя реакция на зверство, свидетелем которого мы только что стали? — мне пришлось пригнуться, чтобы войти в помещение. — Кафе?

Она игнорировала меня, пока официантка провожала нас к столику у окна. Мы смотрели, как полиция собирает уток рыболовными сетями и

запирает их в машинах.

— Прости, что тебе пришлось это увидеть, — сказала Родел моей утке, отворачивая её от окна.

Мои плечи начали дрожать. Я не мог сдержать громкий хохот, который вырвался из моего рта. Я слишком долго держался. Губы Родел растянулись в улыбке. И затем мы согнулись над столом, смеясь до боли в рёбрах. Вежливые посетители вокруг нас держали сэндвичи в воздухе, наблюдая, как мы сходим с ума.

— Нет, — я покачал головой, когда официантка наконец осмелилась подойти к нашему столику с чайником. — Мне кофе.

Я наконец-то мог его пить. Теперь мне не подходило ничто другое.

Родел сделала для нас заказ и откинулась на спинку стула.

— Люблю, когда ты смеёшься, — тихо сказала она, глядя на меня. — Знаешь, что удивительно?

— Что?

— То, что мы оба сидим здесь и смеёмся в годовщину того дня, когда потеряли Мо и Лили.

Мы молча взяли за руки через стол, находя успокоение друг в друге.

— Я сегодня звонил Саре, — сказал я. Мы не говорили с похорон Лили, но я знал, что она скучает по ней так же, как и я, и именно сегодня чувствовал необходимость связаться со своей бывшей.

— И?

Я покачал головой.

— Не думаю, что она когда-нибудь простит меня за то, что случилось с Лили.

Родел мягко сжала мою руку.

— Тебя будут любить. Будут ненавидеть. И это всегда больше относится к тем людям, чем к тебе.

Мы сидели в комфортной тишине, потерявшись в мыслях, пока нам не принесли еду.

По пути домой Родел толкнула меня к газетному киоску.

— Давай зайдём сюда.

На стенах висели железные таблички и магниты на холодильник. За стеклянной витриной у кассы выстроились фарфоровые куклы.

— Я сейчас вернусь. Ты пока осмотрись, — сказала Родел, направляясь в конец магазина.

Я играл с музыкой ветра, пока ждал её.

— Готово! — объявила она.

Я развернулся и замер. Её лицо практически потерялось за букетом из

шести жёлтых шаров.

— Ты по-прежнему держишь их в своём кабинете? — спросила она.

— Некоторым людям нравится держать в комнате цветы. Я люблю жёлтые шарики.

— Ну, тогда пошли, — она потянула меня за руку на улицу.

— Куда мы идём? — то, как она шла по улице, напомидало мне, как Лили бежала впереди меня в торговом центре, держа свои шарики. От этого у меня кольнуло в сердце.

Над нами висели баннеры о неудачной гонке уток, пока Родел вела меня обратно к одному из каменных мостов, растянувшихся над рекой. Толпы разошлись, и перед нами простиралась река. Несколько туристов сидели на травяных берегах. Бук, ивы и каштаны шевелили ветками на летнем ветру.

— Держи, — Родел протянула мне шарики, пока мы стояли на мосту. — Для Лили.

У меня сжалось горло, пока я забирал их. Я достал из связки три шара и отдал ей.

— Для Мо.

Её глаза стали ярче от непролитых слёз, но она улыбнулась мне.

— Вместе?

— Вместе.

Мы отпустили шары и смотрели, как они уплывают в небо. Оно было райски-голубым, безграничным и бесконечным.

Что-то воспарило внутри меня — лёгкое как пёрышко, пока шарики летели всё выше и выше. Последние слова Лили: *«Увидимся на другой стороне»*.

— Увидимся на другой стороне, малышка, — повторил я эти слова.

Родел обвила рукой мою талию, пока шарики исчезали из виду. Я поцеловал её в макушку, и мы пошли прочь от моста.

— Прошу прощения, сэр. — Мне на плечо легла тяжёлая рука.

Я развернулся и встретился взглядом с тем же полицейским, которого видел раньше.

«К чёрту всё это».

— Дайте, я угадаю, — сказал я. — Есть древнее постановление, в котором говорится — никаких шариков по воскресеньям?

Он с ожиданием вытянул руку.

— Ах, — я протянул резиновую уточку, которую держал под мышкой. — Мы не собирались опускать её в воду.

После этого он показался ещё строже.

— Правда? Даже у себя в ванной?

Он прочистил горло и коротко кивнул нам.

— Что ж, тогда хорошо. Продолжайте.

Я подождал, пока он не уйдёт с моста, прежде чем сжать свою утку и пропищать ему вслед.

— Джек! — Родел шлёпнула меня по руке.

— Мы спасли одну. — Я держал перед ней пухлую маленькую птичку. — Нам нужно вернуть её в естественную среду обитания.

* * *

Пенная ванна.

Но только для утки и Родел. Я не мог залезть так, чтобы не вытекла вся вода.

— Чёртова маленькая ванна, — сказал я, опуская мочалку в воду и потирая спину Родел.

— Никто не говорил, что в любви легко, — она прислонила голову к краю и посмотрела на меня.

— Это большая любовь, как ты говорила, — повторил я слова, которые она сказала мне на качелях в тот вечер, когда мы вернулись из Ванзы. — Огромная, как ты сказала, — я коснулся губами её лба. — Ты упустила часть о маленьких пространствах.

Её смех звучал как яркие, весёлые колокольчики в поле. Я не мог им насытиться. Я сделал бы что угодно, чтобы слышать его снова и снова.

Затем она притихла.

— Я скучаю по Танзании.

— До неё один полёт на самолёте. Скажи только слово, и мы можем туда съездить. В любое время, когда захочешь. — Я полил водой её намыленные плечи.

— Нет, — она сжала мою руку. — Я имею в виду не съездить в гости. Сегодня, когда я увидела, как ты отпустил эти шарики, я поняла, что ты был со мной, когда должен был быть с Лили. Под тем деревом. Рядом с ней. Если бы тело Мо было похоронено, я хотела бы быть там. У меня этого нет, но есть у тебя. И там не только Лили. Там твои родители, твой дед, вся твоя семья.

— Давай не будем снова об этом, Родел. — Я начал вставать.

— Ты не слушаешь, — она сдавила моё запястье. — Я сказала, что я скучаю по Танзании. Я люблю это место, — она показала жестом вокруг

нас, — но Танзания... она меня изменила. Это было как открытие чего-то, что я искала, не зная об этом. С тех пор я не была прежней. Я бы осталась, Джек, но я не могу просто прыгнуть, не могу одна. Мне нужно было, чтобы ты держал меня за руку, потому что это было страшно, потому что я не могла сделать это одна. — Она провела пальцем по серебристому шраму на моей руке, который служил напоминанием о столкновении с К.К. — Я скучаю по Гоме и Схоластике, и Бахати. Я скучаю по сырому, мускусному запаху земли. Я скучаю по заснеженным пикам гор и баобадам. Скучаю по дикому жасмину на крыльце. Скучаю по пещерам и Стоуни Тангавизи. Скучаю по раздражению, злости, удивлению, волнению, спокойствию.

Я слушал её молча. Я точно знал, что она имеет в виду. Танзания была у меня в крови, под кожей, в костях. Слышать, как Родел скучает по ней, было чертовски страшно, потому что открывало возможности, на которые я никогда не смел надеяться. Выбор всегда стоял между Родел и фермой. И я должен был выбрать что-то одно. Дом был там, где Родел, и не важно, бился ли я головой о потолок каждый раз, когда спускался по лестнице. Вот так я сходил по ней с ума.

— Я немного в тупике, потому что взяла здесь ипотеку, — тараторила она, скорее самой себе, чем мне. — Но я могу продать дом. И уйти из школы. Но что я буду делать на ферме? Мне придётся найти работу. Но мы посреди пустоты. Опять же, что ты будешь делать здесь? Я тебя знаю. Ты не сможешь долго сидеть, сложа руки, ничего не делая.

— Я могу выращивать лаванду, — я перебил её поток мыслей. — Мы можем устроить лавандовую ферму. Я знаю землю и знаю небо. Между нами говоря, я могу вырастить практически что угодно. Мы можем завести малышей с розовыми пухлыми щёчками. Повсюду будут резиновые уточки. Ты можешь продолжать преподавать. Или нет. Как захочешь.

— Малышей, — улыбнулась она. — С тобой, — её взгляд устремился вдаль, будто она представляла их маленькие лица. — Нарисуй мне ещё одну картинку, Джек, — она закрыла глаза и откинулась назад. — Но на этот раз в Танзании.

— Я мог бы оставить ферму. Ты бы оставила коттедж. Это было бы наше маленькое любовное гнёздышко. Ты бы собирала кофе и мирилась с сумасбродной старушкой. Твой начальник будет требовать от тебя всякие непристойности. Работа будет долгой. Зарплату будут выдавать арахисом — как раз достаточно, чтобы оплатить коттедж. Мы будем навещать Схоластику. Бахати может сидеть сзади с Гомой, но слева от неё. Она сейчас наполовину глухая на то ухо, так что это сработает отлично. Мы можем завести малышей с розовыми пухлыми щёчками. Повсюду будут

резиновые уточки. Ты можешь учить их на дому и, может быть, каких-нибудь других детей тоже. Сейчас они проделывают долгий путь, чтобы попасть в школу. Ты могла бы научить их думать, вместо того, чтобы говорить, что им думать, чтобы, когда они вырастут, они были лучше нас. Но выбор будет за тобой. Всё, что захочешь.

Жёлтая уточка плавала, пока Родел молчала, по-прежнему с закрытыми глазами. Верхушка её соска выглядывала на меня через пузыри. Мокрые локоны волос исчезали под поверхностью. Губы слегка изогнулись. О чём бы она ни думала, это было что-то хорошее.

— Да, — сказала она, когда наконец-то открыла глаза. — Я очень этого хочу.

— Какую часть?

— Всё это. Я хочу всего этого с тобой. Здесь. Там. Это не особо важно. — Она подвинулась к краю ванны так, что я почувствовал её дыхание на своих губах. — Но прямо сейчас, когда я открыла глаза, со мной осталась картинка зелёных качелей на крыльце красивого белого дома. Это то, что тронуло моё сердце. Так что я остановлюсь на этом. Поехали в Танзанию, Джек. Давай попробуем.

В её голосе были искренность и волнение — искра чего-то, что не оставило у меня сомнений по поводу того, чего она хочет этого не для меня, а для себя. Оказывается, в конце концов, она была авантюристкой — исследователем, как и остальная её семья. Она готова была прыгнуть вместе со мной, и от этого моё сердце стало до невозможности больше.

Я захватил её влажные губы, и меня охватила необходимость поглотить её, впитать её каждой своей порой. Я скинул с себя одежду и залез в ванну, сначала одной ногой, а затем другой. Родел завизжала. Резиновая утка пискнула, когда я сжал её. Вода полилась на пол.

Было скользко, неудобно и совсем сумасшедше, но мы рассмеялись, потому что были под кайфом от любви и паров бесконечных возможностей.

— Да, чёрт возьми! — прорычал я, царапая зубами её мягкую, нежную шею. — Поехали в Танзанию. Но я надеюсь, что ты помнишь, что я сказал. Если ты когда-нибудь снова туда придёшь, я заявлю на тебя права. Ты моя, Родел Харрис Эмерсон. Вся моя.

Глава 31

В день нашей свадьбы Аристотель сбежал из дома. Схоластика выпустила его из коробки, чтобы помыть. Она отвернулась, и он умчался.

— Ну и молодец, — Гома поправила свою фетровую шляпу. Для неё никаких перьев и цветов на голове. — Если бы *ты* жил до ста пятидесяти лет, тоже не захотел бы всё это время быть в дерьмовой коробке.

Она подняла полузанавет на кухне и хохотнула от вида поисковой группы, которая должна была искать его: Бахати, шафер и почётный друг невесты, делал селфи в купленном за чужой счёт костюме.

Схоластика, наша цветочница, кружилась в новом платье по кофейным плантациям, пока её тётушка Анна бегала за ней с шляпой.

Дети Анны играли в классики в грязи, спрятав белые носки в обуви.

Родители Родел пытались уговорить Олонана продать им его серьги.

— Аристотель может забраться по их ноге и укусить за задницу, и они не заметят, — сказала Гома. — А ты, — она повернулась ко мне и попыталась поправить галстук, но не совсем могла дотянуться до узла. — Не подглядывай в гостиную.

Причёска, макияж и гардеробная — там для Родел делали всё те же девушки, которые приезжали в отель. Я не мог дожидаться, когда увижу Родел в свадебном платье, но, чёрт возьми, как долго это тянется?

Гома хохотнула, пока я ходил из стороны в сторону.

— Джек... — она затихла и похлопала по стулу рядом с собой.

— Хотела бы я, чтобы здесь был твой дед, — сказала она, когда я сел. — Он бы так гордился. И твой отец с матерью тоже. — Она смотрела на стол и рассеянно кивала. — И Лили... — её голос надломился на этом имени. В моём горле вырос ком. Я обвил её рукой и притянул к себе. Она положила голову мне на плечо, и мы разделили милый, тихий момент.

— Я устала, Джек, — сказала Гома. — Но видя тебя и Родел вместе, я дышу по-новому. Лучше вам поскорее завести детишек. Не для меня, конечно. Я ненавижу детей. Кричат, какаются и не приносят никакой пользы. Но это нужно для того, чтобы ты суетился над кем-то другим и оставил меня к чертям в покое.

— Я не суечусь над тобой.

— Ох, да? Я засыпаю на пару часов, а ты ходишь на цыпочках за моей дверью. Я не скончаюсь во сне, Джек. Это не в моём стиле.

Я хохотнул.

— Ну, скоро ты можешь столкнуться с одним из этих кричащих, какающих, бесполезных существ.

— Нет! — Гома шлёпнула меня по руке. — Да? Скажи мне!

— Осторожно. Я могу начать думать, что тебя это действительно волнует.

— Я просто хочу знать, чтобы запланировать свой круиз. Я вернусь, когда он вылезет из подгузников и будет спать всю ночь.

— Ты никуда не поедешь, Гома. Скоро тебе самой понадобится кто-то, кто поменяет тебе подгузники.

— Закрой свой грязный рот, — велела она, но улыбнулась и посмотрела на меня так, как всегда — будто я был для неё важнее всего мира.

— Мы готовы! — одна из девушек выглянула из гостиной. Джози. Или Мелоди. Или Вэлери. Я никогда не мог сказать точно.

Я попытался что-то сказать, но в итоге улыбнулся как идиот. Родел была по другую сторону стены. Готовая идти к алтарю.

— Спасибо, — сказала Гома, отвечая за меня. — Мы начнём выводить всех в амбар.

Мы расчистили амбар и переместили животных в хлев. На деревянных балках висели гирлянды и люстры. Большинство гостей уже сидели, когда мы вошли. Бахати стоял сбоку от меня, пока мы ждали Родел. Джоди, Валери и Мелоди вошли первыми. Телефон Бахати запищал. Он быстро взглянул на него и напечатал ответ. В другом конце комнаты пискнул ещё один телефон. Одна из девушек, которые только что вошли, вскочила со своего места, чтобы выключить звук.

— Это которая? — спросил я Бахати.

— Понятия не имею, о чём ты говоришь, — он выключил телефон и улыбнулся мне.

Следующей вошла Схоластика. Её улыбка была размером с луну, пока она шла ко мне, забывая разбрасывать по пути цветы. Я хохотнул, когда она презентовала мне корзину, полную лепестков. Она сохранила их все для меня.

А затем вошла Родел, и весь мир замер. Прошёл год с тех пор, как мы вернулись из Англии, и ей по-прежнему удавалось лишать меня дыхания. Её плечи блестели, пока она стояла мягким силуэтом у входа. Волосы были распущены и придерживались одной лилией. Она была видением в этом платье, которое сшила ей Гома. Оно было длиной до колен, с облегающим силуэтом и тюлевой юбкой. Край был не совсем ровным, но никто не хотел спорить с видением Гомы.

Возможно, отец Родел проводил её к алтарю, но всё остальное померкло. Я видел только её. Казалось, она шла ко мне целую вечность.

«Давай. Давай».

Когда она наконец-то оказалась рядом со мной, мне захотелось сразу перейти к той части, где я её целую. В её волосы были вплетены аккуратные цветки жасмина. Мне хотелось взять один и провести им сверху вниз по изящному изгибу её шеи.

— Я отвернулась на две секунды, а ты посреди чайной вечеринки, — сказала она.

— Тебе нравится? — улыбнулся я.

Вокруг нас гости собрались за маленькими круглыми столиками. На джутовых скатертях стояли чайники и многоярусные подносы.

— Чайная вечеринка на кофейной ферме, — она улыбнулась в ответ. — Мне нравится.

Следующие несколько часов пролетели размытым пятном. Изгнанные курицы ворвались на свадебный праздник. Родел обнаружила, что много чая на самом деле отличная выпивка. Олонана подвыпил и флиртовал с Гомой. Жозефина Монтати подарила нам свадебную открытку, подписанную детьми из приюта. Я танцевал с матерью Родел. Бахати танцевал с девушкой, которая делала причёску. Затем с той, которая делала макияж. Затем с той, которая помогала с гардеробом. Невозможно было сказать, с которой он переписывался. Инспектор Хамиси хотел знать, выдержат ли цепи всё дополнительное освещение. Мораны Масаи, которые пришли с Олонана, устроили танцевальный поединок с рабочими фермы. Схоластика и дети Анны попивали взрослый чай, когда никто не смотрел. Мать Олонана проявляла к нам пренебрежение.

Когда солнце начало садиться, я затянул Родел в стойло, где она впервые меня поцеловала. Там, пока на неё падал золотистый свет, я направил на нас свой «Полароид».

— Подожди! — она стала искать что-то в своём лифе. — Я весь день ждала, чтобы это использовать.

И она достала стикер, на котором записала детали нашей свадьбы:

«11-е августа — Джек и Родел („Поместье Кабури“»)

Она держала стикер между нами, пока мы улыбались в камеру.

Мы наблюдали, как фотография проявлялась, и наши лица появлялись на молочного цвета плёнке, будто картина прорывалась сквозь дымку. Два ярких, засвеченных лица — чёрный костюм, белое платье и жёлтая записка

между нами.

«Вот, как это выглядит, когда ты бродишь где-то между песком и звёздной пылью и встречаешь частичку себя в ком-то другом».

Мои губы инстинктивно нашли её, и я поцеловал её. Свою жену. Свою девочку с радужным нимбом.

— Всё хорошо, миссис Уорден.

Я поднял её с земли и закружил.

— Фотография? — хихикнула она, краснея и слегка смущаясь.

— Фотография. Твоя улыбка. Жизнь. Ты. Я.

— А с малышом нас трое, — тихо сказала она, когда я поставил её на ноги.

Моё сердце дёрнулось, как и всегда, когда она упоминала ребёнка. Я положил руку на её живот, в тихой молитве за маленькую жизнь, растущую внутри, и почувствовал, как вокруг нас замыкается круг. Моя величайшая потеря привела к моей величайшей любви. Сердца были разбиты, но сердца зажили. Жизни были потеряны, но жизни были спасены.

Когда я вложил нашу фотографию в бумажник, рядом с фотографией Лили, я заметил попавшие в рамку треугольные флаги. Они были частью джутовой растяжки позади нас, свисающей с балок. Вместе они составляли слова с браслета Родел, который подарила ей мать Олонана:

Талейной ольнисоилечашур.

Мы все связаны.

— Что такое? — спросила Родел, пока я оглядывался на амбар.

— Ты когда-нибудь задумывалась, что бы мы нашли, если бы могли собрать осколки обратно до той точки, где всё раскрывается, где пересекаются дорожки, где возвращаются жизни и сходятся люди?

Я взял её за руку, пока мы возвращались к гостям.

В ту ночь в старом красном амбаре у подножья горы Килиманджаро свет сиял до рассвета.

Эпилог

Мо Эмерсон листала журнал о путешествиях, сидя в приёмной офтальмолога. Офис доктора Насмо находился на нижнем этаже торгового центра «Килимани», напротив фуд-корта. Ей был назначен приём несколькими неделями ранее, но она уезжала со своим другом Габриэлем, так что перенесла день.

«И какой же я выбрала день», — подумала она. Через стеклянные двери офиса доктора Насмо Мо видела толпу людей, собравшимся на импровизированном подиуме.

— Что там сегодня происходит? — спросила она Кристин, секретаршу.

— Какая-то политическая встреча. Собрание сторонников Джона Лазаро.

— Кто он? — Мо видела его имя на постерах и знаках по Амоше, но не обращала никакого внимания. В октябре предстояли выборы, но к тому времени её волонтерство закончится. Она не знала, куда поедет дальше, но в этом и был восторг. Она могла закрыть глаза и ткнуть пальцем в карту для начала следующего путешествия. Возможности были безграничны. Мо питалась адреналином от неожиданности. Это помогало ей чувствовать себя более активной, более живой. Это было тем, что никогда не сможет понять её сестра, Ро. И всё же, если кто-то отчитывал её за выбор, Ро первой вставала на её защиту.

— Джон Лазаро? — Кристин подняла взгляд от стола. — Если хочешь моё мнение, он грязный политик, но богатый и авторитетный, и он даёт все правильные обещания.

— Хмм, — Мо вернулась обратно к статье, которую читала:

Получайте деньги за путешествия: станьте туристическим фотографом.

«Да», — кивнула она, уговаривая себя на своё великолепное новое призвание. Она не была фотографом, но могла научиться. И тогда ей не придётся просить денег у родителей, когда свои закончатся на полпути вокруг земного шара. Ну, может быть, всего один последний раз — на хорошую камеру. И объективы. И немного уроков. «*Но после этого, мир, держись*».

Она достала свой мобильник и сфотографировала источники,

указанные в статье. Она бы вырвала страницу, но ей слишком нравился доктор Насмо, чтобы это делать. Он был милым, и она брала с него пример. Они познакомились в приюте в Ванзе. Он много ездил по сельской местности, бесплатно осматривая глаза и раздавая очки, но самой приятной он называл свою работу с детьми-альбиносами. Мо сама была свидетелем этой радости, когда первый раз увидела выражение детского лица, когда весь мир приобрёл резкий и ясный фокус. Естественно, первым делом она подумала о нём, когда поняла, что слишком долго откладывает собственную проверку.

Дверь в офис доктора Насмо хлопнула, когда попыталась войти молодая женщина с коляской.

— Проходите, — Мо придержала для неё дверь. В коляске спал маленький мальчик.

Женщина поблагодарила её и подошла к Кристин.

— Здравствуйте, я пришла подобрать контактные линзы. Меня зовут Зара Аяди.

— Спасибо, — Кристин отметила её имя. — Пожалуйста, присаживайтесь. Доктор Насмо сегодня немного опаздывает. Он с клиентом, но скоро закончит.

Зара села рядом с Мо и развернула коляску, чтобы приглядывать за сыном.

— Фанат Бэтмена? — спросила Мо. На лице маленького мальчика был нарисован фирменный чёрно-жёлтый логотип.

— Не совсем. Иса не знает Бэтмена из «Джокера», — рассмеялась его мать. — Сегодня детям бесплатно рисуют на лицах. Он выбрал это, — она сняла один из своих сланцев и помассировала ногу.

— Сколько осталось до важного дня? — спросила Мо.

— Ещё несколько недель, — Зара погладила свой беременный живот.

Пронзительный звонок офисного телефона выдернул Ису из сна. Он открыл глаза и моргнул, пытаясь сориентироваться.

— Офис доктора Насмо, — ответила Кристин. — Лиа, как много раз я говорила тебе не звонить на мой рабочий телефон? Ты в торговом центре? — она несколько секунд послушала и вздохнула. — Ладно. Нет, всё в порядке. Увидимся дома. Но ради бога, держись крепче, когда ты на его мотоцикле. Нет, не держись. Ты читаешь книги верхом на этом стальном устройстве. Это не безопасно. Просто подыграй мне, ладно? Да. Я тоже тебя люблю. — Она положила трубку и закатила глаза. — Сёстры, — сказала она Мо. — Она должна была сегодня меня встретить, но решила уехать со своим парнем.

— У меня тоже есть. В смысле сестра. Парни приходят и уходят, — усмехнулась Мо. — У нас всё наоборот. Это я бросаю её ради горячих свиданий.

Иса уже полностью проснулся и пытался выбраться из коляски. Он смотрел на Мо большими, круглыми глазами.

Кто-то вышел из кабинета доктора Насмо и остановился у стола.

— Я закончил. Он сказал, что можно присылать следующего человека.

— Хорошо, спасибо, — Кристин достала документ и встала. — Мо? Доктор Насмо сейчас тебя примет.

Мо посмотрела на беременную женщину, которая боролась со своим малышом.

— Почему бы вам не пойти первой?

— Вы уверены? — спросила она, стараясь успокоить ребёнка пустышкой.

— Абсолютно.

— Это очень мило. Спасибо вам большое!

Она благодарно улыбнулась Мо и прошла за Кристин в кабинет доктора Насмо.

— Сколько они там пробудут? — спросила Мо, когда Кристин вернулась к своему столу.

— Около двадцати минут.

— Я пойду выпью кофе. Скоро вернусь.

Дверь за Мо захлопнулась, когда она вышла. Джон Лазаро стоял на подиуме. Платформу со всех сторон окружала охрана. Их униформа отличалась от формы охранников торгового центра, и они были вооружены.

«Чтоб мне провалиться, — подумала Мо, проходя мимо сборища. — Он не тратит время зря».

Она оглядела рестораны фаст-фуда в фуд-корте и решила взять кофе в кафе наверху. Слова Джона Лазаро раздавались из усилителей, смешиваясь с разговорами незаинтересованных покупателей и музыкой торгового центра. Мо предпочитала пить кофе там, где менее шумно.

Мо поднялась на лифте наверх и прошла мимо продавца воздушных шаров. Тот свистнул ей и надул в её честь длинный розовый шарик. Такой эффект Мо оказывала на мужчин. Она к этому привыкла. Может быть, дело было в её разноцветной одежде, или в кокетливых юбках, или в больших забавных украшениях, которые звенели, пока она шла. Но из этого правила были исключения. Мужчины, которые оставались незаинтересованными. Например, Габриэль Лукас.

Мо думала над этим, сидя за одним из столиков в маленьком кафе и

попивая свой кофе. Габриэль был другим. Он был пылким и задумчивым — головоломкой, которую она не могла решить. Первый раз она заметила его в ночном клубе, который часто посещали все волонтеры Nima House. Его выделяла не только хорошая внешность. Он не был похож ни на кого из местных. Он не говорил. Он не танцевал. Он просто сидел и напивался вдрызг.

В конце концов, она узнала, что в Рутеме у него есть дочь и сестра. Там для него не было работы, так что он находил её в Амоше. Он никогда не говорил, чем занимается, но много путешествовал. Когда он рассказал ей, что собирается в Дар-эс-Салам, крупнейший город Танзании, Мо умоляла взять её с собой. Она хотела пройтись по Ойстер Бэй и потратить деньги, которых у неё не было, в торговом центре. Во время той поездки Мо узнала о Схолостике и о ситуации с альбиносами. Между ними двумя завязалась дружба, и когда Габриэль предложил план, который подойдёт им обоим, Мо согласилась.

Мо допила свой кофе и посмотрела на часы.

«Идеально успела».

Она вышла из кафе, как раз когда мимо неё прошёл высокий поразительно красивый мужчина с букетом ярко-жёлтых воздушных шаров.

«Привет». Мо обратила на него внимание. Она уловила взглядом его профиль — квадратная челюсть, сильный нос, густые русые волосы. Брутальный и красивый, с мощными плечами, которые выделялись на стройной фигуре атлета. Её помимо воли затянуло на его путь. Дело было не только в шуршащей за ним связке шаров; дело было в самом его присутствии. Вслед за ним кружился воздух.

«Чёрт возьми, — Мо вдохнула слабый запах его одеколона, пока он выходил через главные двери. *— Мне стоит почаще бывать у торгового центра».* Она сделала мысленную заметку рассказать о нём Ро. Он выглядел так, будто сошёл со страниц одной из её книг. Мо не была уверена, какие книги Ро читает сейчас, но знала, что её сестра остановилась бы достаточно надолго, чтобы посмотреть.

Мо вызвала лифт на нижний этаж. Двери открывались и закрывались так, будто ждали целую порцию стариков, пока те зайдут и выйдут.

«Как медленно, — подумала Мо, заходя в лифт. *— Но всё же лучше, чем на переполненном эскалаторе».*

Она мычала в такт соло на пианино, звучащего из динамиков.

Когда двери снова открылись, звуки стали совершенно другими.

Выстрелы. Крики. Хаос. Паника.

Поднялась шумиха, пока она находилась в лифте, и Мо обнаружила себя прямо посреди всего этого. Она понятия не имела, что происходит, но знала, что всё плохо. Она дошла до офиса доктора Насмо, но одна сторона двери была разбита, и внутри никого не было видно. В воздухе раздались выстрелы, сначала справа от неё, а затем слева. Это слышалось со всех сторон.

Мо упала на колени, оглушённая и дезориентированная. Не было времени думать. Она забралась под стол в фуд-корте и закрыла уши. Страх, какого она никогда не знала, собрался в горле, но она сглатывала крики. Она подскочила, когда пуля зацепила один из стульев рядом с ней. Она была слишком открыта, слишком обнажена.

Её взгляд метался вокруг — мимо смещения ног, которые пробежали мимо: белые кроссовки, кожаные сандалии, педикюр, маленькие розовые туфли. За фуд-кортом было помещение чуть в стороне. В него никто не заходил и не выходил. Мо не была уверена, хорошая ли идея туда направиться, но знала, что должна убраться как можно дальше от звука выстрелов.

Она бросилась туда, наполовину перекатываясь, наполовину подползая, пока не добралась. Там было пусто — перед сценой стояли ряды складных стульев, некоторые перевёрнутые. Прерывистый звук её дыхания эхом отдавался вокруг неё. Она прислонилась спиной к стене, обнимая руками колени.

— Сюда, — сказал кто-то. — Иди сюда.

Она огляделась, но никого не увидела. Затем заметила щёлку в ткани у основания сцены. Это была сцена на возвышении, с драпировками, чтобы скрыть помост. Идеальное место, чтобы спрятаться.

— Привет? — Мо забралась внутрь. Было так темно, что понадобилось какое-то время, чтобы привыкли глаза.

— *Шшш*, — произнесла фигура, сидящая на другой стороне. — Не бойся. Скоро придёт мой папа. Он всё исправит. Всегда исправляет.

Это была маленькая девочка с завязанными в хвостик волосами.

— Твой папа? — Мо сглотнула ком в горле. Девочке не могло быть больше семи или восьми лет, но её вера в отца была такой сильной, что она уверяла взрослую женщину. — Где твой папа?

— Моя учительница сказала, что он пошёл отнести шарики. Она сказала мне пойти с другими детьми, но тогда он не сможет меня найти. Я знаю, что он придёт за мной. Он всегда сидит впереди. Прямо там. Видишь? — она отодвинула сценическую юбку и указала на стулья.

— Жёлтые шарики? — спросила Мо. Мужчина с шариками, который

заставил её остановиться. — Твой папа нёс жёлтые шарики?

— Да! Ты его видела?

— Видела, — Мо откинулась назад. Она видела, как он вышел из торгового центра за несколько минут до начала хаоса. Даже если он вернётся, она понятия не имела, доберётся ли он до своей дочери невредимым. — Уверена, он скоро будет здесь.

— Зачем они это делают? — спросила девочка. — Чего хотят те плохие люди?

Мо сделала глубокий вдох. Она задавалась тем же вопросом.

— Хотела бы я знать.

Они шептали в темноте между страшным треском выстрелов. Их внутренности сжимались с каждым криком, случайным выражением ужаса. Но между этим они притворялись, что встретились при других обстоятельствах.

— Как тебя зовут? — спросила Мо.

— Лили. А тебя?

— Мо.

— Ты красивая. Мне нравятся твои очки. Ты замужем? — Лили сделала паузу из-за звука бьющегося стекла. Что-то разбилось. Последовал момент тишины, а затем хриплые завывания людей. — Я думаю, мой папа должен жениться, — продолжала она. — Он скучает по мне, когда я далеко. Я знаю, что ему одиноко, хоть у него и есть Гома.

— Кто такая Гома?

— Моя прабабушка. Она сшила мне эту юбку, — Лили разгладила свою пачку.

— Красивая, — Мо коснулась ткани и почувствовала маленькие, острые осколки сожаления. Ей следовало чаще звонить родителям. Следовало поехать домой на Рождество. Следовало отправлять Ро открытки и глупые мелочи. Внезапно её переполнила необходимость связаться с семьёй. Её родители были в Таиланде, но Ро будет в своей квартире. В этот момент Мо была благодарна за одну постоянность в своей жизни — за свою сестру.

Пространство под сценой засветилось синим цветом, когда Мо включила телефон. Она заметила кучу пропущенных звонков. Кто-то пытался ей дозвониться, но в хаосе она всё пропустила. Она не обратила внимание на уведомления и набрала номер Ро. Раздалось несколько гудков, а затем включилась голосовая почта. Мо отодвинулась в другую сторону, дальше от Лили, и приглушила голос.

— Ро, я в торговом центре «Килимани». Только что начался хаос.

Происходит что-то плохое. Повсюду вооружённые люди. Я прячусь под сценой, где-то вроде зала. Здесь со мной маленькая девочка. Она единственное, что поддерживает меня в здравом уме.

— С кем ты разговариваешь? — спросила Лили.

Мо прикрыла телефон рукой и повернулась к ней.

— Это моя сестра. В Англии.

— Оу. Скажи ей, чтобы не волновалась. Скажи ей, что мой папа скоро придёт, и мы будем в порядке.

— Да, милая. — Она держала слёзы под контролем, снова говоря в трубку. — Мы будем ждать. Думаю, здесь безопасно, но если я не... если я не выберусь, я просто хочу сказать, что люблю тебя, Ро. Передай маме и папе, что их я тоже люблю. Вы не беспокойтесь, когда прослушаете это сообщение. Наверное, мы будем когда-нибудь над этим смеяться. Это будет одна из моих сумасшедших историй, как когда я думала, что умру на том пароме в Австралии. — Она сделала паузу, когда в зале раздались громкие шаги. — Я должна идти, — прошептала она. А затем, потому что это напоминало прощание, а она не хотела вызывать у сестры панику, она добавила: — У меня есть все шансы, Ро... — она затихла, когда шаги приблизились. Когда они остановились снаружи, в нескольких шагах от сцены, Мо повесила трубку и задержала дыхание.

— Это мой папочка! — сказала Лили, подскакивая.

— Подожди. Мы не знаем этого наверняка. Лили, подожди!

Но Лили выскользнула из её хватки.

Несколько напряжённых секунд Мо как парализованная сидела под сценой, ожидая подтверждения счастливого воссоединения Лили и её отца. Ничего не было. Ничего. Ни звука, ни движения. Мо почувствовала холодок надвигающейся гибели, который карабкался по её спине. Это был не отец Лили. Кто-то другой ворвался в зал. Мо понятия не имела, столкнулась ли Лили лицом к лицу со врагом. Она знала только то, что не могла оставить эту маленькую девочку там одну. Так что Мо выбрала из-под юбки сцены и нахрабилась как могла.

Маленькие, незначительные детали внезапно стали яркими, пока её разум пытался ухватиться за вещи, не ускользнуть за край. Тёмная родинка на лодыжке Лили. Потёртый край джинсов мужчины. Её взгляд скользнул по его торсу. Выше, выше, она встала, беря маленькую руку Лили в свою, выпрямляясь. Затем она встретилась взглядом с мужчиной и ахнула.

— Габриэль?

— Мо! — всё его тело ослабло от облегчения. — Боже, Мо. — Он крепко обнял её. — Я был на эскалаторе, уже уходил, когда увидел, как ты

спускаешься на лифте вниз. Я пытался до тебя дозвониться. Искал тебя повсюду. Слава Богу, я тебя нашёл! Нам нужно выбираться отсюда. — Он начал подгонять Мо и Лили к двери.

— Нет! — Лили вытянула руку из хватки Мо. — Я никуда не пойду без папы. Вы идите.

— Я тебя не брошу, — сказала Мо. — Почему бы нам всем просто не остаться? — она повернулась к Габриэлю. Она понятия не имела, что он делает в торговом центре, но испытала облегчение, увидев его. — Здесь безопасно. Мы далеко от всего. Можем спрятаться там, — она указала на сцену. — Давайте просто переждём.

— Здесь *не* безопасно. Нигде в торговом центре не безопасно. Доверься мне, Мо. Нам нужно двигаться. *Сейчас же!*

Что-то в тоне Габриэля терзало Мо.

— Лили, залазь обратно и жди меня. Я приду через минуту. — Она подождала, пока Лили не исчезнет, прежде чем отвела Габриэля в сторону. — Что происходит? Что там происходит?

— Это всё Джон Лазаро, — слова Габриэля были резкими и быстрыми. Мо знала, что испытывает его терпение — знала, что может доверять ему, но не собиралась вслепую идти за ним в хаос. Она должна была принять решение, не только за себя, но и за Лили.

— Покушение на убийство Джона Лазаро, — продолжал Габриэль. — Он кое-что натворил — много чего — и люди, которым он навредил, хотят его убить. Это бизнес и политика, всё смешано. Если провалится план А, они перейдут к плану Б. В любом случае, он не уйдёт отсюда живым.

— Значит, пусть разбираются. Давай просто подождём здесь. План А или план Б. Какое отношение это имеет к нам?

— Такое! — Габриэль сжал кулаки. — Это я план Б, Мо. Если охрана Джона Лазаро выведет его из этого фуд-корта живым, всё это место взлетит на воздух.

Мо открыла рот и закрыла.

— Я не... — она покачала головой. — Что ты говоришь, Габриэль? В этом нет никакого смысла. Ты говоришь, что замешан в этом... в этом покушении на убийство? — это был её друг. Он был хорошим человеком. Она *знала* его. И всё же, часть его, которая всегда ускользала от нее, которая оставалась загадкой, приобретала фокус. В груди Мо потяжелело. Ей было трудно дышать.

— Я пытался, Мо, — сказал он, его кадык подскочил под ее взглядом. — Я работал на двух работах. Изо дня в день. Но я ничего не добивался. Мне нужны были деньги. Мне нужны были деньги, чтобы

отвести Схоластику в Ванзу. Мне нужны были деньги, чтобы построить дом. Мне нужны были деньги, чтобы спасти детей. Деньги на бензин. Деньги на еду. Мне постоянно не хватало. Затем, в один день, я сидел в баре, и кто-то предложил мне работу. Всё было просто. Забрать посылку и доставить её куда-то, не задавая вопросов. Я не мог поверить в то, какую мне платили сумму. Так что я взял ещё работу. А затем ещё. И с тех пор не останавливался.

— Я это понимаю, — сказала Мо. — Я понимаю, Габриэль. Мы все делаем то, что должны. Но какое отношение *это* имеет ко всему *этому*?

— Сегодня... — он поднял взгляд к потолку, будто не мог смотреть ей в глаза. — Сегодня я подобрал грузовик и подвёз его к торговому центру. Он на подземной парковке. Я встретился с парнем в фуд-корте и отдал ему ключи, как мне и сказали.

— И что? — Мо хотелось его встряхнуть. Он повторялся. — Причём здесь план Б?

— Тот грузовик? Он набит взрывчаткой, Мо. Кто-то снаряжает машину Джона Лазаро, пока мы говорим. Если он попытается уехать, они её взорвут, и всё остальное вместе с этим. Поэтому мы должны уйти. Они ещё дерутся, что означает, что Джон Лазаро ещё жив. И пока он жив, пока есть шанс, что он ускользнёт, здесь не безопасно. Нигде в этом торговом центре не безопасно.

— Нет, — мысли Мо были рваными и болезненными. — Габриэль. Нет. Все эти невинные люди.

— Именно! — во взгляде Габриэля мелькнуло что-то дикое и яростное. — Все эти невинные люди. Ты знаешь, что делает Джон Лазаро? Он пьёт кровь альбиносов. Он считает, что это делает его могущественным и неуязвимым. Он считает, что это поможет ему выиграть выборы. Я просто сделал свою работу, Мо. Я сделал то, что делаю всегда. Я доставил товар. Но если быть полностью честным, я *хочу*, чтобы Джон Лазаро умер. Я *хочу*, чтобы он умер, прежде чем больше невинных людей потеряют свои жизни, включая мою дочь! С остальным мне придётся жить. Мне придётся закрыть на это глаза, как делают все остальные, на эту несправедливость, которая происходит прямо у них под носом, потому что они бессильны, или боятся, или получают от этого выгоду. И если за это я буду гореть в аду, пусть будет так. По крайней мере, за Схоластикой будет охотиться на одного монстра меньше.

Они оба плакали, Мо и Габриэль, по их лицам текли слёзы. Мо пыталась смириться с тем, что только что узнала, а Габриэль отчаянно старался заставить её понять. Затем, медленно, робко, они приблизились

друг к другу, глядя глаза в глаза, проверяя глубины дружбы и предательства.

— Ты вернулся за мной, — сказала Мо. — Ты мог меня оставить, но вернулся.

— Я бы никогда тебя не бросил. Такого варианта никогда не было.

Мо рыдала в его объятиях. Габриэль Лукас. Он был одновременно ангелом и дьяволом.

— Сейчас нам нужно уйти, — сказал он. — Давай заберём девочку и пойдём.

— С этим могут быть проблемы. Лили уверена, что её отец придёт и заберёт её.

— Дай мне попробовать. — Габриэль подошёл туда, где пряталась Лили, и заглянул под юбку сцены. — Лили, как зовут твоего папу?

Ответа не прозвучало. Спустя какое-то время она спросила:

— Где Мо?

— Я здесь, Лили. Всё в порядке. Можешь ему сказать.

— Моего папу зовут Джек, — ответила она. — Джек Уорден.

— Давай ты выйдешь сюда, и мы позвоним твоему папе. Это подойдёт? — Габриэль выманивал Лили. — Вот так. Молодец. Сейчас. Какой у него номер?

Лили назвала цепочку цифр, но прервалась.

— Думаю, это когда я набираю из Кейп-Тауна, — она попыталась снова, но её лицо осунулось. — Я не уверена, что дальше. За меня всегда набирает мама.

— Ничего страшного. Мы позвоним оператору. Она сможет нам подсказать.

Удивительно, как спокойно вёл себя с ней Габриэль. Мо знала, что ему потребуются все силы, чтобы не подхватить её на руку и не вынести на улицу с дракой и криками. Но это было бы слишком рискованно, особенно если она попытается вырваться и попадёт под огонь.

Мо взглянула на свои часы. Казалось, они пробыли там вечность, и всё же это было совсем недолго. Казалось, всё растягивалось — каждый вздох, каждое слово, каждый напряжённый тяжёлый момент, пока Габриэль пытался дозвониться до Джека. Мо знала точный момент, когда Габриэль решил, что они теряют драгоценное время. Его взгляд изменился, когда он заговорил в трубку.

— Да, оператор. Это он. Можете меня с ним связать, пожалуйста? — он немного подождал, прежде чем продолжить. — Привет, Джек? Я в торговом центре с Лили. Она ждёт, пока вы придёте и заберёте её. Где вы?

Понятно. Нет, она в порядке. Конечно. Я ей передам. Скоро увидимся. — Он проигнорировал попытки Лили выхватить телефон и повесил трубку. — Прости, милая. Сейчас у нас нет на это времени. Ты скоро сможешь с ним поговорить. Ты была права. Он идёт. Он почти здесь, но сказал, что будет быстрее, если мы встретимся с ним в безопасном месте.

— В безопасном месте? Где безопасное место?

— Идём со мной. Я тебя отведу, — и он протянул руку Лили. Она смотрела на неё несколько мгновений, а затем взглянула на Мо.

— Я прямо за тобой, — сказала Мо. — Мы все пойдём вместе.

Как только Лили вложила ладонь в руку Габриэля, всё изменилось. Всё медленное снова стало быстрым. Они будто проскользнули в другое измерение. Они вернулись в центр хаоса, только сейчас была не такая толпа. Те, кто не убежал, лежали на полу, раненные или мёртвые — было тяжело понять — пока два врага продолжали перестрелку.

Габриэль развернулся, когда они добрались до эскалатора.

— Он заблокирован.

Он взял Лили на руки и бросился к лифту.

— Идём, Мо! — но лифт тоже заблокировала стопка столов и стульев. Враги Джона Лазаро использовали его собственные средства против него. Все выходы и лестницы были перекрыты.

— Чёрт! — воскликнул Габриэль.

Он осмотрел нижний этаж. Джон Лазаро спрятался за одной из стоек фаст-фуда, со своей охраной по бокам. Они вслепую стреляли во все стороны. Стены были испещрены дырами от пуль. В воздухе летали кусочки цемента.

— Парковка, — сказал Габриэль. — Это наш единственный выход.

— Но там его машина.

— Либо мы останемся здесь, либо пойдём туда. В любом случае, мы рискуем.

— Иди! — сказала Мо, следуя за ним.

— Мой папа будет там? — спросила Лили.

— Да, — ответил Габриэль. — Мы встретимся с ним в безопасном месте. Помнишь? — Он опустил её на пол и опустился перед ней на колени. — А сейчас я хочу, чтобы ты бежала как можно быстрее, хорошо? Чем быстрее ты побежишь, тем быстрее увидишь своего папу.

Лили кивнула и протянула руку Габриэлю.

— Можно я побегу с тобой?

В Габриэле было что-то, что притянуло её к нему. Может быть, это потому, что он тоже был отцом. Что бы Лили в нём ни почувствовала,

казалось, это смягчило его сердце. Сердце Мо сжалось в груди, когда Габриэль взял маленькую руку Лили в свою.

— Я постараюсь не отставать, — сказал он.

И затем они побежали по парковке, к рампе, идущей вверх. Их шаги вместе с дыханием эхом отдавались от бетонных стен. Они наполовину поднялись по первой рампе, когда услышали звук завожачегося двигателя. Раздался громкий скрежет, закрутились колёса, когда машина выехала со своего парковочного места. Последовал острый звон пуль по металлу, а затем звук приближающейся к рампе машины.

— Что такое? — спросила Лили, когда Габриэль резко остановился. — Идём! Нам нужно добраться до безопасного места, — она потянула его за руку.

Мо и Габриэль обменялись взглядами. Если это была машина Джона Лазаро, которая должна была заехать на рампу. Их время вышло.

Внезапно на Мо опустилось глубокое спокойствие. Впервые в жизни ей хотелось замереть — на эти последние несколько секунд. Они принадлежали ей, и они были прекрасны. Она чувствовала, как колотится её сердце, воздух входит и выходит из лёгких. Это было прекрасно — быть живой. Было достаточно это знать и испытать.

Мо и Габриэль вместе отвели Лили в угол, где одна рампа встречалась с другой.

— Вот оно, — сказал Габриэль. — Вот безопасное место. Я позвоню твоему папе и скажу ему, хорошо? — он набрал какие-то цифры. Мо держала Лили за руку, пока он говорил по телефону. — Алло, Джек? Мы здесь. Да, Лили тоже прямо здесь. Она очень смелая девочка. Вы должны ею гордиться. Подождите, я ей передам... — он повернулся к Лили. — Твой папа говорит, что очень скоро придёт, и он очень сильно тебя любит.

— Можно я сейчас с ним поговорю? — спросила она, протягивая руку, будто за призом. На другом конце провода никого не было, но Габриэль выпустил телефон из рук.

— Конечно, — ответил он, в его взгляде промелькнуло что-то горько-сладкое.

— А как же ты? — спросила Мо. — Ты не позвонишь?

— Никто не знает, что я здесь, Мо. Ни Анна, ни Схоластика. Так лучше. Я не хочу, чтобы они жили, стыдясь того, что я сделал. Я не хочу передать своей дочери такое наследие. Это ирония. Я делал всё это ради Схоластики, чтобы сохранить её в безопасности, чтобы дать ей жизнь, которую она заслуживает. И теперь она будет расти без меня. Если вырастет... — Его глаза наполнились слезами.

— *Шшш*. Ты хороший отец. И ты многое сделал для детей других людей. Иногда ты рисковал собственной жизнью, чтобы доставить их в безопасность. Кто-нибудь возьмёт это на себя. Кто-нибудь убедится, что за Схоластикой присмотрят.

— Папа? — Лили смотрела на телефон. — Он ничего не говорит. — Она протянула телефон обратно Габриэлю.

— Может, связь прервалась. Давай попробуем ещё раз, — Габриэль притворился, что снова набирает Джека. — Сейчас идут гудки. Держи.

Когда Лили наклонила голову к телефону, стало невозможно игнорировать звук приближающейся машины.

— Когда? — спросила Мо Габриэля.

— Я не знаю.

Мо медленно и грустно ему улыбнулась.

— Давай спасём еще одного?

Габриэль смотрел на неё несколько молчаливых мгновений.

— Давай.

Они спрятали Лили между своими телами, зная, что взрыв уничтожит всё вокруг себя. Но, может быть, просто может быть, они могли отвести основной удар от Лили.

Когда машина поднялась по рампе, Мо и Габриэль коротко уловили взглядом Джона Лазаро на заднем сиденье. Они приготовились, прижимаясь лбом ко лбу, обнимая друг друга, пряча между собой Лили.

— Папочка? — произнесла Лили. Её лицо засветилось, когда она заговорила в трубку. — Я уже в безопасности.

notes

Примечания

1

Национальный парк Серенгети (Танзания) — один из самых крупных заповедников в мире. Находится он на территории Великого Африканского разлома, его площадь составляет 14 763 км². Само слово «серенгети» переводится с языка Масаи как «бескрайние равнины».

Чёрная мамба — ядовитая змея, распространённая в Африке. Длина змеи может превышать 3 м, что делает её второй по величине после королевской кобры.

Прим. Бертон-на-воде — это городок и административный участок графства Глостершир, Англия, который лежит на плоской равнине.

Прим. тут и далее «The Grand Tulip» — отель, дословно: Большой Тюльпан.

Прим. Основной вид междугороднего транспорта в Танзании, это так называемые дала дала, иначе говоря, автобусы на шасси грузового автомобиля.

Альбинизм (лат. albus — белый) — врождённое отсутствие пигмента меланина, который придаёт окраску коже, волосам, радужной и пигментной оболочкам глаза.

Струп — корочка, покрывающая поверхность раны, ожога, ссадины, образованная свернувшейся кровью, гноем и отмершими тканями.

Прим. с суахили Kwaheri переводиться «до свидания».

«Jina yake ilikuwa» с суахили пер. как — «её звали», «ее имя»

«Mtoto yangu» с суахили пер. как — «моя дочь».

«Alikufa» с суахили — «уйти в мир иной», «уметь».

«Pole» пер. с суахили — «сожалею».

Нгоронгоро — огромный кратер в Танзании на краю саванны Серенгети, возникший в результате коллапса крупного вулкана около 2,5–3 миллионов лет назад. Диаметр кратера Нгоронгоро составляет от 17 до 21 км, его общая площадь насчитывает примерно 265 км². На дне кратера расположено озеро Магади, знаменитое популяцией фламинго.

Олдувайское ущелье на севере Танзании, в 36 км к северо-востоку от озера Эяси. Представляет собой 40-километровую расщелину, идущую вдоль равнин Серенгети в охраняемой зоне Нгоронгоро, глубиной ок. 100 м и площадью 250 км².

Зинджантроп — первоначальное название ископаемого человекообразного примата, относящегося к австралопитекам из Олдувайского ущелья; Танзания (возраст ок. 1,8 млн. лет). Почти полностью сохранившийся череп получил название «Щелкунчик» из-за массивной челюсти и больших зубов.

Брокенский призрак — также называемый горным призраком — тень наблюдателя на поверхности облаков (тумана) в направлении, противоположном солнцу. Явление можно наблюдать в условиях горного тумана или облачности, или даже из самолёта.

Прим. на англ. яз. это созвучные слова: Брокенский призрак (Brocken Spectre) и Сломанный (broken).

Кальдера — впадина, образовавшаяся от проседания почвы в результате вулканического извержения.

Камертон — инструмент для фиксации и воспроизведения эталонной высоты звука.

Asante — большое спасибо; moran — воин.

Обычно данные метелочки сделаны из перьев.

Кораль — загон для выпаса крупного рогатого скота.

Кофейные ягоды — косточковый плод кофейного дерева красного (иногда желтого) цвета, он состоит из нескольких слоев, выполняющих разные функции.

Род семейства ночесветных или никтагиновых, насчитывающий 14 видов растений.